

МИХАИЛ АНДРЕЕВ

СКВЕРНЫЙ КОРОЛЬ

Михаил Андреев
Скверный король

«Автор»

2026

Андреев М.

Скверный король / М. Андреев — «Автор», 2026

Павший от руки сына, король Моргрей ушёл в двухсотлетний сон. Боги одержали победу: люди превратились в марионеток, а по всей Гардарике открылись врата Пандемониума, что наполнили мир ужасными чудищами. Знатные семьи, понукаемые страхом и тщеславием, начали войну меж собой за власть и древние артефакты. Но король вернулся.

© Андреев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Восстать из мёртвых	5
Глава 2. Цепь душ	7
Глава 3. Странный дуэт	11
Глава 4. Пока стоит мой трактор, буду стоять и я!	19
Глава 5. Связанные одной цепью	24
Глава 6. Тёмный ритуал	28
Глава 7. Чужая семья	34
Глава 8. Древний инстинкт	40
Глава 9. Взгляд	45
Глава 10. Горький триумф	50
Глава 11. Завтра погрём, а сегодня – гуляем!	56
Глава 12. Демид	61
Глава 13. Ещё рано умирать	66
Глава 14. Цена взросления	70
Глава 15. Выжившая	76
Глава 16. Новый Стальград	82
Глава 17. Хозяин Ямы	87
Глава 18. Пока в Яме не попалась...	92
Глава 19. Суд кровью	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Михаил Андреев

Скверный король

Глава 1. Восстать из мёртвых

Стены крипты басовито дрожали, словно над ними нёсся бычий табун. Колонны заваливались с оглушительным грохотом и поднимали густые облака пыли. Казалось, гробница вот-вот рухнет и похоронит работу сотен каменщиков и резных мастеров.

– Какая сила!.. Неужели это были не глупые рассказы?! – магические каналы проводили вибрации женского голоса прямо в моё сознание. Он сочился демонической истомой, придающей человеческому слову инфернальное эхо.

Мысли вяло роились в черепной коробке, подобно опарышам, что поселились в ней, но не выдержали холода подземелья. В теле не было органов чувств – глаза вытекли, уши заросли паутиной, а кожа превратилась в жухлую тряпку. Но нечто новое, нечто, данное мне слиянием с духом, позволяло проникать в суть камня, плоти, самой гробницы, в которой я и проснулся. Это эфемерное чувство представляло из себя магическую паутину, которой пронизан весь мир; именно по ней мне приходилось ползти во тьме, подобно пауку, и собирать важные крупицы информации.

Я ощущал, как вниз со сводов сыплется каменный град к ногам незваных гостей. Их беззащитная перед обвалом группа стояла совсем рядом. Кто они?

Старик, что смиренно принял судьбу, встав на колени перед моим гробом. Суккуб, увидевшая трещины, бежавшие по стенам, и предусмотрительно отошедшая в угол крипты – наиболее безопасное место. Ещё двое мужчин – здоровяк в доспехах и лысый со шрамом на голове, судя по всему, наёмники, покорно стояли на месте. На голову здоровяка упал камень, оставив заметную вмятину на его шлеме, но тот даже не пикнул.

Через минуту всё стихло, будто мама-великан перестала раскачивать земляную колыбель.

«Пролежал я немало. Пора бы и встать, познакомиться с гостями» – думал, поднимая тяжёлую ношу на ноги. В моё тело врос доспех, который некогда был блестящим. Меч, что качался в застывших от времени пальцах, напоминал выкорчеванную с поля брани железку.

С помощью маны – спасительной энергии, которая и позволила мне вернуться в мир живых, я попытался поднять веки, но они тут же осыпались пеплом. Кожа на ногах натягивалась и лопалась, доспех гремел, словно старая жестянка, когда я делал первые шаги. Опираясь на меч, как паломник опирается на свой посох, мне удалось перешагнуть стенку гробницы.

Как только обрадовался этой малой победе, осмелел и сделал широкий шаг к группе людей. Это было фатальной ошибкой: тело качнулось вперёд, едва не упало, кожа на шее надорвалась, и голова накренилась вбок, будто сломанная ветка. Руки вовремя её придержали.

– О, как это прекрасно! Я восхищаюсь вами, о забытый король, но дело ваше в запустении! – он повернулся к своим спутникам, которые были равнодушны к речам старикам. – Возликуем же, смертные! Грядут перемены в первую очередь в наших сердцах, а потом уже – в остальном мире!

– Э-э-э... – промычал один из наёмников и проронил слюну в пыль. Это вмиг разрушило помпезный фарс оратора. Суккуб, что стояла в мантии на голое тело, указала на меня рукой, и глаза её тут же запылали красным огнём:

– Схватите живого мертвеца! Я высосу его без остатка!

Всё походило на карнавальное представление или бредовый сон.

«Поистине королевский приём! Но раз я восстал, значит, они дали мне сил на последний рывок. Других смертных здесь нет. Миловать их за помощь или казнить за дерзость?..»

– Дамы в приличном обществе не дают таких обещаний, – я попытался усмехнуться, но губы порвались, подобно иссохшей бечёвке. О голосовых связках и речи быть не могло: они давно потеряли свою силу. Сыпать остротами приходилось, создавая магические вибрации, – я приспособивался к жизни ходячего трупа удивительно быстро.

Приказ суккуба отрезвил наёмников, заставил их двигаться, как вполне полноценных людей. Они достали оружие и остервенело ринулись на меня.

Мне удалось изучить нападавших. Здоровяк обладал тупым лицом, покрытым угрями, что выглядывало из открытого шлема. Как только он получил приказ, то опустил забрало, поднял свой двуручный топор и с бычьей смелостью рванул на меня. Второй наёмник, что со шрамом, махал кинжалами, будто возница, что торопится и потому безумно хлещет коней. Он был норовистым и прытким.

Входной люк, ведущий наверх, в склеп, был проломлен.

«Будь моё тело проворнее, я бы просто сбежал. Ни к чему делать из мертвеца ещё более мёртвого. Однако, эти двое гадов меня легко настигнут. Придётся дать им бой»

Тело моё было сковано столетиями забвения. И однако в руке у меня сидел меч, который за столетия потерял свою силу, но не стал бесполезным.

«В руках мастера, пускай и полусгнившего, даже железяка – смертельное оружие» – я себя успокаивал, хотя мои озябшие пальцы едва сжимали рукоять меча. Встав в грозную позу, я приготовился отражать атаку. Наёмник со шрамом взмахнул кинжалом, но мне удалось отступить, и лезвие пролетело в сантиметре от моей щеки. Однако враг не ожидал ответного удара: я сумел вложить вес мёртвой туши в резкий удар кулаком. Холодные костяшки врезались в нос наёмника, из которого хлынула кровь, и смелец рухнул в метре от меня на спину.

– Кровь на моих руках давно высохла. Но раз вы так хотите, придётся вспомнить былое, – прорычал я, испытывая дикое удовольствие от боя. Мне не приходилось сражаться в мёртвом теле. Это был вызов, достойный короля. Эйфория дополнялась сознанием того, что план шёл как надо: дух поглощён, благодаря чему я сумел выжить в Тенебриуме. Кроме того, вовремя явились странные почитатели, которые и дали мне ту силу, что помогла поднять тело на ноги. Странно только, что после ритуала они захотели моей смерти.

– Что вы делаете?.. Остановитесь, Хаггеш! Это ведь король Моргрей! – чуть не плача крикнул старик. Суккуб в одно мгновение оказалась перед ним, резким ударом пробив его грудную клетку и вырвала из неё сердце. Бедняга держался на ногах пару секунд, глядя в пространство через тело своей убийцы, затем, прозрев, в ужас посмотрел на её рога. Он едва слышно вымолвил:

– Ты! Обманщица! Как я был слеп!..

После чего лёг на землю так медленно, словно собирался отдохнуть. Тело застыло.

– Жертва своего престарелого мозга, – с отвращением сказала суккуб мертвецу. После взглянула на меня с кровожадной улыбкой, сжала в когтистой руке его сердце, истекающее кровью, и бросила к ногам наёмников вместе с приказом:

– Схватить мешок с дерьмом! Кто сделает это первым, получит всё, что захочет!

Мои противники были слишком смелыми. Для суккуба я был подобен старику, которого она с лёгкостью выпотрошила. И я воспользовался своей репутацией мертвеца: подогнул ноги, сделал вид, что падаю, заставив наёмников, вожделеющих свой приз, слепо ринуться в атаку.

Глава 2. Цепь душ

Как только они приблизились, я скинул себя овечью личину: встал в полный рост и приготовился к атаке. Мой ход не ошеломил наёмников.

«До чего стойкие бойцы! Их не испугать!»

Из шлема здоровяка донёлся гудящий рёв. Топор свистнул, описав боковую дугу. Лязгнула застарелая сталь, отразив удар рубища, и мой меч превратился в жалкий огрызок. Иссохшие связки затрещали от напряжения, словно струны, что вот-вот порвутся.

«Пасовать нельзя: без оружия, с разваливающимся на куски телом долго не протяну»

Топор с грохотом опустился, и рассёк мою ступню. Усилив маной заплесневелые лёгкие, я резко выдохнул, послав двухсотлетний зуб вперёд. Тот со свистом залетел в глотку здоровяка, после чего кадык его начал ходить вверх-вниз, пытаясь сглотнуть. Мой противник колотил себя в грудь, пытаясь вдохнуть воздуха, но литая кираса стала преградой.

– Что такое? Помочь? – съязвил я, но вместе с тем из моего рта вылетело ещё пару зубов.

«Я рассыпаюсь от каждого мельчайшего действия, как гнилая луковица! Как это низко для Его Величества короля Белогорья и Гардарики! Смешно!»

Мне хотелось поиздеваться над врагами, стать частью большого комедийного представления, чтобы развеять тоску после двухсотлетнего прозябания в Тенебриуме. Однако тело не ждало – мана давала лишь время, но не новую жизнь.

Я воспользовался замешательством здоровяка и сделал мощный удар ногой ему в живот. Зуб вылетел изо рта, будто пробка из бутылки. На кирасе теперь красовалась серьёзная вмятина, но противник всё ещё стоял на ногах.

Тут подбежал наёмник со шрамом, и начал колоть меня кинжалами. Я отпрыгнул назад, оценивая тактику боя.

«Здоровяк медлителен, но топор в его руках может уничтожить меня одним ударом. Со шрамом – вертляв и быстр. Нужно разобраться с первым, – он сам себя загонит в ловушку»

Дубовыми, негнушимися пальцами я начал выводить линии руны третьего порядка Иса – «паралич». Каждая черточка давалась мне усилием воли. Мана стекала с кончиков пальцев, как пот. Наёмник со шрамом безуспешно резал моё тело. Лезвия вонзались в высохшую плоть, не встречая ни крови, ни крика. Очевидное преимущество мертвеца – бесчувственность. За время, пока здоровяк приходил в порядок, а его товарищ пытался превратить меня в решето, я закончил начертание и пробудил руну. Мана вырвалась с лёгким шипением, окутав моё тело бледным сиянием. Очередной удар наёмника, и заряд, как вспышка молнии, заставил его тело застыть. Глаза выражали дикое недоумение, будто в ответственный момент он напрудил в штаны. Осколком меча я лениво перерезал его глотку. Бедняга, придя в себя, начал хлопотать ртом, как выброшенная на сушу рыба, и трупом свалился на пол крипты.

Лицо Хаггеш – рогатой одержимой, превратилось в злобную маску, когда я расправился с одной из её кукол. Из рта виднелись белоснежные клыки. Она неотрывно следила за нашим боем.

– И ты надеялась так просто меня заполучить? – прогремел мой голос, сотканный из вибраций и скрежета. – Вы пришли сюда воскресить меня или умереть от моей руки?

Она не ответила. Вместо этого её укоризненный взгляд упал на громилу.

– Ты, дуболом! – её голос стал низким, обволакивающим, в каждом слове звенела приказная сила. – Заставь скелета плясать под твой топор! Продолжишь быть идиотом – даже пятку свою вылизать не дам!

Глаза воина расширились от животного страха, смешанного с болезненным возбуждением. Он вперил в моё гнилое тело взгляд, сжал рукоять топора и обрушился шквалом ударов. Одновременно с ним напала и Хаггеш. Она имела длинные, загнутые книзу когти, как у какой-

то ведьмы. Её намерения читались легко: приблизиться, взять врасплох, но не разрушить моё тело.

«Логично» – подумал я. – «Без тела моя душа просто растворится в межплановом пространстве»

Громила прыжком приблизился и снова взмахнул топором. Я смог уклониться. Следуя инерции, он рванул вперёд и схватил меня своей лапой.

Мне удалось резко дёрнуть плечом, освободившись. Тогда неприятель оскалился, снова заноса топор. Я попытался прыгнуть в сторону, но дряхлые ноги подвели: тело свалилось на пол, придавленное остатками лат. Лезвие со свистом обрушилось вниз. В последний момент мне удалось оттолкнуться от земли, благодаря чему рубило скользнуло по моему наплечнику, и вонзилось в каменный пол. Мёртвая плоть не пострадала, чего не скажешь о латах: они образовали на полу груды ржавого металла. Я послал заряд маны по телу и с трудом поднялся.

Теперь на моём теле была лишь истлевшая туника. Никакой защиты, зато и никакой тяжести. Обрадовался я рано: левая рука тут же отвалилась, будто следуя собственной прихоти. Удар разрубил не только наплечник.

– Идиот! Не тронь его! Он мне нужен живым! – закричала Хаггеш и её лицо сморщилось от бешенства.

– Ты немного опоздала. Живым я был до твоего рождения, – процедил я.

– С-слушаюсь, госпожа! – испуганно пробубнил её слуга, который был втрое больше самой Хаггеш. Мне удалось воспользоваться его промедлением: отпрыгивая, чтобы не попасть под удар топора, я уколами мечами наносил на его доспехе линии руны третьего порядка Драугбрин – «теневое смещение». Как только руна была готова, сделал очередной укол, но уже не лезвием меча, а своим пальцем, и пробудил магический знак. Линии загорелись синим магическим светом. Суккуб с интересом наблюдала за происходящим, будто актёр, ждущий своей сцены.

Наконец, руна раскрылась в полную мощь. Кинувшись на меня, здоровяк совершил величайшую ошибку в своей жизни. Осколок моего меча не встретил никакого сопротивления. Кираса его замерцала, потеряла материальную суть. Здоровяк продвинулся ещё ближе, не имея возможности отступить. Моя рука вошла в его брюхо по локоть. Из шлема раздался сдавленный вскрик.

Могучее тело не могло бесконечно сопротивляться смерти. Он рухнул на колени, шлем слетел, а щетинистому подбородку побежала струйка крови. В последний момент взгляд умирающего будто прояснился: мутное забвение сменилось шоком, а затем щемящим ужасом. Здоровяк медленно закрыл глаза, а тело его так и осталось сидеть в позе трагичной скульптуры.

«Теперь мы один на один. И очевидно, что двое умерших были под влиянием её магии. Вот почему они не боялись и шли напролом»

Бой измотал меня. Куски кожи начали опадать на пол крипты. Держать тело собранным становилось всё сложнее. Как только суккуб приблизилась, я неуклюже отпрыгнул назад и, пятясь, начал размахивать осколком меча, чтобы она не приближалась. Но замысел был хитрее: в это время носком ботинка я чертил руны четвёртого порядка Перто – «громовая клетка». Я кружил на пыльном полу, пока демоница старалась подгадать момент для атаки. Наконец, незаметный глазу знак был готов.

– Дурак... В этом теле ты не сможешь долго сопротивляться. Скоро ослабнешь! Вот тогда-то мы и поиграем!.. – кровожадно улыбнулась Хаггеш и сделала прыжок.

Её нога задела линию руны. Яркая вспышка озарила крипту, после чего по телу суккуба побежали белые искры молний. Мышцы сжались от судороги, лицо исказилось, огонь в глазах погас. Дух потерял власть, и облик суккуба дрогнул, на мгновение показав испуганное человеческое лицо.

– Ты недооцениваешь мёртвых, – сказал я, приближаясь к оцепеневшей демонице. Даже без зрения мне было ясно её великолепие: тело, будто вылепленное искуснейшим скульптором.

«Она сильна, но посадить её на поводок мне под силу. Нужно узнать, что произошло за последние двести лет»

Пока Хаггеш не пришла в себя, я начертал на её плече руны Гебо – «цепь душ» и такую же – на своей обнажённой ключице. Руны пробудились, после чего меж нами натянулась невидимая цепь. Всё, что было в суккубе: бешеный стук сердца, клубок злости и страха, бесконечная жажда власти и силы – стало явным. Когда она очнулась от оцепенения, её острые когти скользнули по моей щеке, оставив царапины.

– Я ничего не чувствую, – попытался пожать плечами, но вышел лишь надломленный скрип. Она замерла. На её щеке проступили две красные полосы.

– Что это?.. Что за магия, труп?! – она провела пальцами по лицу, и увидела на них кровь. Царапины были в точности такими же, что на моём лице.

– Теперь мы связаны. Уничтожишь моё тело – сама умрёшь. Вздумаешь поглотить мою душу – лишишься своей. Ты на незримой цепи.

Хаггеш прикусила губу до крови. Я тут же почувствовал солёный вкус во рту – магическое чутьё, словно костыль для безногого, давало такую возможность.

– Блефуешь?.. – прошипела суккуб, но в её голосе язвило сомнение. – Нечего мне пудрить мозги!

Она подняла руку, и в её ладони вспыхнул ступок багровой энергии. Как только она вонзила его в мою грудь, нити первоматерии – демонической силы, начали проникать в моё тело.

– Ты пытаешься откусить больше, чем поместится в твоём рту, – сказал я, чувствуя, как цепь руны натягивается, превращаясь в петлю. Рука Хаггеш отлетела назад, а её собственный заряд первоматерии сбил её с ног.

– Агх!..

«Как славно, что не поверила. Не подумав, она отдала мне часть своей силы»

– Смейся, пока можешь, – оскалилась суккуб, поднимаясь на ноги. – Тебе не жить, какими бы фокусами ты ни владел! – овладев собой, она через силу улыбнулась и стервозно выкрикнула: – Жаль! Наш роман закончится, так и не начавшись!

– Увы, из тебя выйдет незавидная невеста... И не пытайся сбежать. Если цепь разорвётся, ты умрёшь.

– Что?! В этом мире нет такой силы! – выкрикнула она, как капризный ребёнок, и разразилась гневом: – Я, Хаггеш, веду целые империи к упадку! Цари преклоняются передо мной, бросают своих жён, приносят мне в жертву тысячи мужчин! Один щелчок моих пальцев, и тебя разрубят на куски, доисторический идиот!

Пускай моя оболочка была невозмутима, внутри я смеялся.

«Она подобна королю, потерявшему корону: власти уже нет, но привычка к ней осталась. Как это знакомо...»

– Факт не изменишь – ты в плену. И увы, твоя магия не сработает на труп.

Хаггеш фыркнула и отвернулась, услышав мои слова. Её сердце бешено колотилось, а первоматерия циркулировала по каналам её тело, и собиралась в душе.

«Готовится к последнему удару. Надеюсь, она не настолько глупа»

Суккуб выдохнула, и тело её расслабилось.

– Проводишь меня до города, и я тебя освобожу, – предложил я.

В её глазах мелькнул хитрый огонёк. Теперь она поняла правила игры. Ставки – наши жизни.

– Отличный план, – сказала она медовым голосом. – Так и сделаем.

– Как ты сюда попала? Кто тебя послал? – спросил я.

Хаггеш молча, с любопытством смотрела на меня. Она задала встречный вопрос после недолгого размышления:

Глава 3. Странный дуэт

В гробнице царил бардак: трупы, кровь, разрушенный гроб. У меня не было ничего, кроме трухлявого тела. Я решил обследовать мёртвых в поисках ответа на вопрос: «Как в мою крипту смогла попасть эта группа?»

У старика под плащом оказался дневник. Пролистав его, я понял: он был историком, служил роду Григорьевых и скопил целое состояние, чтобы провести ритуал по моему воскрешению. Он знал, насколько сложно попасть в склеп забытого короля, а потому взял с собой Хаггеш, и тем самым пошёл на колоссальный риск. С её помощью ему и удалось разрушить усиленную рунами дверь. Чуть ниже на пожелтевшей от времени странице был нарисован стальной замок с подписью: «Вот Могрей вернётся и всё будет так, как надо!»

Я глянул на тело старого мечтателя, что распласталось на земле.

– Ты его знала? – спросил я, чувствуя каплю сожаления в душе.

«Мой верноподданный отважился на самоубийственный замысел. Люди жаждут моего возвращения. Я не могу их подвести»

– Нет, – бросила Хаггеш, даже не взглянув в мою сторону.

«Не самый сговорчивый пленник. Впрочем, сейчас важнее найти вместилище для души. Тело, словно драккар с пробоиной, тянет на дно»

Под своей туникой я нащупал старую походную сумку. Кожаная поверхность несколько не поизносилась, а её ручки, сплетённые из шерсти буйволов, могли выдержать вес самого буйвола. Внутри лежало ожерелье из зубов вождей покорённых племён.

«Больше пятидесяти племён... Десять лет кровопролитной войны, бесконечных переходов по ледяным пустыням, морозным горам, скалистым ущельям. Это был настоящий кошмар. И всё же те победы ничего не изменили»

Я положил дневник историка в свою сумку. У мертвеца со шрамом нашёлся голубовато-прозрачный кристалл. Он излучал мерцающий свет, а от его поверхности исходила холодная магическая аура.

«Артефакт?»

Мои дряхлые пальцы коснулись его, и тут же почувствовали тепло разливающейся маны. Я позволил ей проникнуть в тело приятной струйкой, которая ласкала его, словно тёплый ручеек. Как только убедился, что это не опасно, высосал кристалл без остатка. Он развалился на мелкие кусочки, потеряв свою силу.

«Мана, заточённая в природной форме. Это не человеческая работа. Это – продукт демонической силы»

Топор громилы был слишком громоздким. Поднять его – означало для меня лишиться единственной руки. А вот кинжал наёмника со шрамом выглядел более привлекательным.

«Он может спасти меня, когда не останется маны для пробуждения рун. А случится это очень скоро»

– Умно, – усмехнулась Хаггеш, увидев, как я подбираю оружие. – Кинжал тебе очень пригодится с одной-то рукой. Право, королевской глупости нет предела!

– Получилось очень смешно для той, кто сидит на цепи.

Она запыхалась: сжала кулаки, тяжело задышала, словно ей нанесли смертельную обиду, но через секунду расслабилась и торжествующе улыбнулась:

– Будь ты живым мужчиной, это ты бы сидел у меня на цепи.

Я скользнул взглядом по трупам, что оставила после себя Хаггеш:

– Действительно, от женщин всего два спасения: монастырь и оскпление...

Суккуб скривила рот и отвернулась.

«Смертоносность в сочетании с обидчивостью – странная комбинация»

У второго наёмника нашлось ещё несколько кристаллов. Убрав их в сумку, и повесив её на плечо, я почувствовал вес непосильной для своего тела ноши. Хаггеш в это время покачивала ногой и косилась на меня, словно предугадывая мою просьбу.

«Обойдешься, грязная чертовка! Отдать тебе кристаллы – равно что вложить меч в руку врага!» – подумал я и усилил тело маной, чтобы самостоятельно нести сумку. На выходе из склепа лежал ещё один труп. То был парень в простой рубахе, на которую были натянуты части кожаного доспеха. Умер он совсем недавно, кровь не успела запечься.

– А он здесь откуда? – спросил я.

– Он был в числе светоходов. Просто не захотел подчиняться моим приказам.

– Светоходов?

Хаггеш вздохнула:

– Долгая история. Пойдем уже, огарок, век твой короток.

«Как ни мерзка одержимая, она права – живое тело сейчас важнее, чем ответы»

Хаггеш накинула на себя мантию и пошла к выходу из крипты. На её одеянии был вышит необычный символ, который я распознал с помощью магических каналов: дуб, на стволе которого зиял большой глаз. Длинные корни охватывали весь мир людей, а крона держала облака и опутывала небосвод. – Дамы вперед, – сказал я, с трудом делая реверанс и едва не падая.

– Что это за знак на твоей мантии? – поинтересовался я.

– Это символ служителей богов. И я – одна из них.

– Служителей богов?.. Каких богов? И каким образом ты, суккуб, затесалась в жрецы?

– Я не обязана тебе ни в чём отчитываться.

– Не обязана?.. Не забудь, что мне решать, выживешь ты или нет.

– Короли... – она вздохнула, покачав головой. – Те боги, против которых ты боролся, победили в священной войне. Триумф! – она театрально распростёрла руки к небу. – Твои статуи тут же снесли, а на их месте возвели статуи богов. Моргрей, как принято сейчас считать, был всего лишь мятежным безумцем, восставшим против божественных заветов. Теперь в каждом уголке королевства поклоняются небесному пантеону. Твоего возвращения никто не желал. Кроме, конечно, полоумного деда, что упокоился в этом склепе.

Суккуб только того и хотела, чтобы меня уколоть. И ей это удалось.

«Поклоняться ужасным чудищам, что выдают себя за богов? Уму непостижимо! Но она явно врёт. Мои сторонники повсюду. Люди помнят правое дело!»

Однако я уяснил, что впредь нужно проявлять разумную осторожность. С помощью грязных сплетен можно доблестного воина сделать распоследним негодяем.

– Сковал меня каким-то заклятьем... Так вот какие мужчины пошли? Правильно говорят: не осталось ни чести, ни рыцарей! – возмущалась Хаггеш, поднимаясь наверх. Я следовал за ней.

– Закрой свою пасть, демоница.

– Знаешь, а я ведь и твоё холодное тело могла бы согреть... Нет вещей, которые мне не под силу.

– Закрывать рот – для тебя не под силу.

Лоб суккуба исказили морщины недовольства, но она замолчала. Мы поднялись на поверхность. Мне пришлось провести ещё больше маны по магическим каналам, чтобы изучить открывшуюся местность, и я понял, что сделал это зря.

На месте моего склепа, возведённого по чертежам лучшего архитектора Веландрии, лежали руины. Камни, некогда отёсанные с математической точностью, были разбросаны, будто детские кубики. Но поразило меня другое: вся округа будто покрылась чёрным пеплом. Земля превратилась в безжизненную пустошь, а деревья и кустарники приобрели зловещий, болезненный вид; их ветви скрючились, как пальцы утопленника. В памяти всплывали живописные картины: зелень берёз, изумрудные луга, лесные опушки, полные птичьего гомона.

Теперь же от всего этого веяло лишь могильным холодом и запахом тления, который моё чутьё улавливало острее любого живого носа.

– Когда-то эти земли были плодородными... – с тоской сказал я, пытаюсь найти хоть островок жизни в царстве смерти.

Хаггеш усмехнулась, выдержав паузу:

– Привыкай. Завеса истончилась, и в плане людей начали открываться иномирские врата. Эта сила поглощает саму природу. Земли, которые пали под её натиском, теперь зовут мертвополем. Неужто тебе это неизвестно?

– Не было возможности почитать свежих газет.

– Забавно, Крандос ничего не рассказал. Тогда тебе предстоит ещё многое узнать, – она покнула, покачав головой. – И берегись тварей, что здесь повсюду рыщут.

«Дела в королевстве ещё хуже, чем мне казалось...»

Всё изменилось настолько, что я не узнавал родную провинцию. Однако я точно помнил, что ближайший город к моей усыпальнице – Стальград. Суккуб повела меня к нему. Сначала мы молча преодолели чёрный отлогий холм, чтобы сократить путь, потом поднялись к подножию горы. Её могучая фигура была подобна фигуре Вуль'Грахота – бога морской пучины и смерти.

«Гигантский, мерзкий, неуничтожимый!.. Все они, должно быть, сейчас смотрят на меня и смеются!»

Но моё внутреннее негодование забылось, когда Хаггеш задала вопрос:

– Так Крандос проиграл? Забавно... Хотела бы я знать, каким образом.

– Крандос?.. – в моих застарелых мозгах что-то шевельнулось – всего лишь фантомное ощущение некогда живого органа. Остальные слова Хаггеш уже не имели значения. Тело моё было мертво, однако сознание, находящееся одновременно в нескольких планах, возвращало память.

«Крандос – моя часть, мой вечный враг, победа над которым дала моей душе путь в мир людей»

– Тогда слушай, демон, – сказал я, желая вспомнить нечто приятное. – Быть может, ты расскажешь о моих подвигах сородичам, и они поймут, как бессмысленно со мной воевать! Вот как пал Крандос!

Тенебриум

– Всё-таки глупо оказаться запертым со смертным в одном узле... – делая ход жеребцом, произнёс Крандос. От эха его голоса затрепетали волны внутреннего плана. Лицо-маска, на которой видны были два круглых глаза-пуговицы, не выражала никаких эмоций.

«Этот унылый дух мне осточертел! Дни, месяцы, годы! Сколько я здесь сижу? И никуда не деться – мы заперты вместе в этом узле Тенебриума, «темнице» внутреннего плана. Но уже скоро! Скоро он нападёт, и я выберусь!»

Я продвинул вперёд фигурку всадника, предусматривая реакцию своего соперника. Крандос обладал плохой выдержкой. По его маске побежали трещины, когда я контратаковал и забрал его жеребца.

– Почему ты не сдаёшься? Разве не очевидно, что продолжать своё существование в таком виде – пустая трата времени? У меня-то сколько угодно лет, а вот ты с каждым годом слабеешь... – прошипел дух, пытаюсь держать себя в руках.

– Сам виноват: ты покусился на моё тело и душу. Тебе пора признать свои ошибки, – я самодовольно улыбнулся, и трещины на маске Крандоса стали толще.

– Мои поступки понятны. А твои? – он замолчал, при этом глаза-пуговицы неотрывно на меня уставились. – Благодаря мне у тебя был шанс обрести бессмертие!..

– Я обрёл бессмертие, – холодно ответил я, а сам заметил – если Крандос – один из сильнейших духов думает, что я повержен, то и боги считают также. Это хорошо. Они не ожидают моего возвращения.

– Бессмертие ценой нашей свободы, – дрожащим голосом произнёс дух, и его маска затрещала сильнее. В трещинах стал виден красный блеск энергии первоматерии.

Я продвинул вперёд рекрута, подставил его под удар, чтобы снять беса, а затем этим же рекрутом забрал слона противника. Теперь король инферны – сам Хозяин преисподней, открылся.

На маске Крандоса паутина трещин уже образовала отдельные куски, которые вот-вот опадут, как осколки зеркала. Раздался хлопок, и маска его взорвалась. Мне предстало истинное лицо духа с хитрыми глазами, длинными клыками, состоящими из первоматерии, и замысловатыми завитками, расходящимися по его морде.

– Тебе ещё не надоело скрываться за масками? – спросил я.

Дух рассмеялся. Эхо его голоса разлетелось по бесконечным просторам Тенебриума. Маска вновь сплелась из мельчайших частиц энергии.

– Это не маска, а одно из моих лиц. Наоборот, я куда откровеннее любого смертного. Ведь именно ты скрываешь свою двойственность и желаешь казаться однозначно хорошим. Умертвить десятки тысяч людей ради «высшей цели»? И ведь ты считаешь себя великим, справедливым... Король могил и кровавого угара! – Крандос попытался хихикнуть, но вышел лишь мерзкий рёв.

– Я от тебя уже наслушался всякого. Для разнообразия могли бы посидеть в тишине.

– Раб своих иллюзий!

– Пешка лжебогов! – ответил я на оскорбление и поставил Крандосу мат.

Дух ударил лапой по столу, и все фигуры попадали вниз, в бесконечную пустоту Тенебриума. В этот раз маска его не треснула, лишь глаза налились ненавистью.

– Умерь свой пыл! Ты здесь гость, а не я!

Но внезапно Крандос замер, глядя на мельчайшие колебания волн энергии. Он яростно рыкнул, и всё вокруг задрожало, а из пространства вокруг нас появились мерцающие цепи. Они тут же сковали меня.

– Похоже, у тебя появилась группа поддержки. Но поздно. С каждым годом сила твоя слабела, пока ты не стал размазней. Удивляюсь, как только боги могли допустить твою армию подступам Пандемониума. Плевать. Тебе конец!

– Долго же ты ждал, – усмехнулся я, проверяя натяжение цепей. Они были сплетены из чистой энергии и не давали никакого шанса освободиться.

– С тобой всегда нужно быть настороже, Мятежный Король. Но теперь всё закончится, – дух неторопливо подлетал ближе, упиваясь своим триумфом.

Мне стало ясно, почему Крандос решил напасть. Мою проекцию начала наполнять мана из внешнего плана – плана людей. Это могло означать только одно: кто-то сумел пробраться в мою крипту и провёл ритуал.

Удивительно, но Крандос – яростный зверь, смог столько лет высиживать в узле Тенебриума и ждать, пока я ослабею. К моему счастью, он прождал слишком долго.

Приблизившись, он своей лапой прорвал оболочку моей проекции. Из раны выходили искры маны, и тут же растворялись в пространстве. Крандос поднёс свою лапу к выходящему потоку.

Я почувствовал, как магическая сущность концентрируется в месте раны. Душа, самый центр силы любого мага, дрогнула и начала неотвратно смещаться к лапе духа.

«Ему кажется, что всё закончено. Но всё только начинается!»

Ударная волна разошлась по Тенебриуму, после чего нас обдала яркая вспышка. Крандос отшатнулся. Свет первоматерии на его лапе иссяк. По эфемерной коже духа побежали чёрные линии, будто на лист пролили чернила.

Крандос пытался совладать с неизвестной силой.

– Так ты всё подстроил... Смешно! – он истошно засмеялся, в стенах узла сверкнули багровые сгустки энергии. – Конечно, возвращайся к жизни! Ты увидишь, чем обернулось твоё правление!

Где-то вдалеке духи жалобно выли по одному из своих собратьев, но не могли пробиться через барьер узла, чтобы ему помочь. Цепи на моём теле задрожали. Я почувствовал, как магические каналы наполняются маной, давая мне прилив сил.

Тело духа уже стало чёрным, словно он только вылез из угольной шахты, и покрылось трещинами.

Наконец, оковы треснули и опали вниз тлеющими осколками энергии. Я почувствовал, как в моей проекции налаживается связь с телом. Волны узла затрепетали сильнее и начали вспыхивать жёлто-багровыми цветами. Пространство вокруг реагировало на любые перемены, словно море во время шторма.

Я тут же подлетел к Крандосу и схватил его за шею. Тот закричал сильнее, пытаясь поразить меня своими когтями. Я усилил хватку, а второй рукой нанёс на его тело руну седьмого порядка Науд – «поглощение».

Нити руны, словно незримая паутина, опутали его и начали переправлять по каналам его ману к моей проекции. Свечение духа померкло и вскоре вовсе затухло, как дотлевший уголёк. Волны узла начали сжиматься и трепетать, а искажённые крики духов усиливались. Возвратившаяся ко мне сила распирала узел изнутри.

– Пора нам прощаться, приятель. Ты проиграл, – я нанёс размашистый удар кулаком по морде духа. Тело его не выдержало и лопнуло, осыпаясь вниз сверкающей пылью.

Холодный поток энергии прошёл по моей проекции, и я почувствовал подступающую к горлу тревогу. Нечто чужеродное, могучее, жгучее, вторгалось внутрь, вытесняя душу.

«Необычно... Энергия духов легка, она состоит из простых магических связей. Но сила Крандоса... она словно крепкое вино после перехода в морозных горах!»

Внезапно пространство узла взорвалось, а окружающие меня волны энергии рассеялись. Воцарилась пустота, среди которой ко мне летела орава кричащих духов. Их свечение уже обдавало мою проекцию со всех сторон, когда я выставил руки, и из эфемерных ладоней вперёд рванули сгустки первоматерии. Демоническая сила разъедала тела духов, и переправляла частицы их маны ко мне.

Равновесие было нарушено. Я стал слишком тяжёл, будто обрёл физическую оболочку. Бездна, которая всё это время была лишь тёмным пятном под моими ногами, потянула меня вниз.

Хаггеш в раздумье шла дальше. Рассказ не обладал подробностями, которые могли бы мне навредить – я не раскрывал ей источника своей силы, и не объяснял, как действуют мои руны.

– Глупец! Самонадеянный, осторожный глупец! А ведь в Тенебриуме делали на него большие ставки! – усмехнулась она.

Узкими тропами мы проходили через горную цепь. Двигаться приходилось медленно. С каждым шагом я отчётливо осознавал: одно неверное движение, и хрупкий баланс магии, скрепляющий это тело, рухнет. Я прижимался ближе к скалам, цепляясь за выступы одной рукой. Когда мы оказались высоко над землёй, что-то под ногой хрустнуло. Звук дошёл по магическим каналам с опозданием. Я закачался, нога соскользнула вниз, и каменная крошка полетела вниз, разбиваясь об щетинистое подножие гор.

Хаггеш заметила мою потерю контроля, подскочила и схватила тело на руки прежде, чем оно рухнуло в пропасть.

– Это очень романтично, – сказал я, с трудом растягивая дубовые губы в подобие улыбки.

«Она не столь безумна, как другие одержимые. По крайней мере, суккуб понимает, что жизни наши неразрывно связаны»

– У тебя паук лезет из глазницы... мерзость! – лицо её выразило неподдельное отвращение, и она тут же бросила меня ближе к склону.

– Тебе же важна моя душа, а не тело! – ответил я, с усилием поднимаясь.

– Избавь меня от своего юмора!

Теперь Хаггеш шла позади, боясь упустить меня из вида. Она сжимала челюсти всякий раз, когда я покачивался над бездной и едва не падал. Мне нравилось её бесить.

«Отличный у меня компаньон. Красивый, ловкий, хитрый. Жаль только, что придётся её убить»

Мы миновали хребет и углубились в долину, изрытую лысыми холмами с угольно-чёрными верхушками. С очередной возвышенности нам открылся вид на бурную реку, чей низкий, непрерывный рокот я слышал по магическим каналам ещё за поворотом. Мы встали перед пузырящимся, хлещающим камни потоком воды.

– Хочешь, чтобы меня смыло? При таком течении я не устою! – сказал я.

– Это самый быстрый путь, – холодно парировала она. Суккуб схватила меня на руки и без лишних слов понесла через реку. Внутри я посмеялся над странностью ситуации: борец с богами, которого через стихию переносит демоница!

«Пожалуй, эту главу стоит вычеркнуть из хроник моих подвигов»

Как только мы преодолели поток, Хаггеш поставила меня на ноги, и мы двинулись дальше, поднимаясь на равнинное плато. На ней доживал свои дни полусгоревший трактор. В десятках метров от него лежало поле недавнего побоища.

– У нас нет времени всё тут разглядывать, – нервно произнесла Хаггеш, увидев, что я направляюсь к месту сражения. Мне же было до ужаса интересно, что происходит в Гардарике, моём детище, и кто здесь сражался.

«Полумёртвые – самое желанноеместилище для моей души. Они слабы, но всё ещё живы»

– Ничего страшного. У меня пока достаточно сил. Пойдём посмотрим, – ответил я. Ей не оставалось ничего, кроме как согласиться. Цепь натягивалась всякий раз, когда суккуб оказывалась от меня в десяти метрах.

Магические каналы опутывали сотни трупов, разбитые баллисты, брошенное оружие. Поле уходило за холмы, теряясь у кромки соснового леса. На выжженной земле полегли и воины, и рыцари, и ополченцы. Их кровь сливалась в багровые ручейки, заполняя впадины.

«Видимо, одно войско только начало развёртываться, выйдя из леса, когда на него обрушилась кавалерия другого. Пехота подросла, после чего началась бойня. Победителей нет, лишь мертвые»

Знамёна валялись на земле, колыхаемые ветром. На одном, на красном фоне, – корона на фоне кровавой луны. На другом – две вороны, которые скрестили шпаги.

– Григорьевы и Фризовы... Вечно между ними вражда. Странно только, что они столкнулись в таком месте, – сказала Хаггеш, разглядывая штандарты.

«Страну пожирает демоническая напасть, а люди воюют друг с другом?! Небожители добились своего!»

– А это что за твари? – спросил я, указывая рукой на сгустки первоматерии, копошащиеся среди тел.

– Ах да... Это «чёрные».

Демоны были вдвое крупнее человека, их тела покрывала короткая чёрная шерсть. Глаза – круглые, светящиеся жёлтым, как яркие фонари. Они двигались на четырёх когтистых лапах, мускулистых и жилистых. Морды вытянутые, морщинистые, уши острые, улавливающие малейший шорох. Их зубы, массивные, как кирки каменотёсов, без труда дробили кости мёртвых. Таких было шестеро.

Чёрный

Они обходили меня стороной, скользя хищными взглядами по моему телу. Но больше их интересовала Хаггеш – живая добыча.

«Второе преимущество мертвеца – мало кто хочет тебя съесть»

– Почему «чёрные»? Откуда они? И как с такими тварями под боком выживают гардарийцы? – спросил я, отслеживая их перемещение.

– Говорящее название, очевидно, пошло из народа. А откуда они – сам лучше у них спроси, – ответила Хаггеш, подогнув ноги и не сводя глаз с демонов.

Чёрные сократили дистанцию. Они подбирались аккуратно, затаив дыхание, обходя нас с разных сторон, как волчья стая, чтобы взять в кольцо.

– Прикажи им уйти.

– Ты дурак? – фыркнула Хаггеш. – Каким образом?

– Ты же суккуб!

– И что? По-твоему, я могу соблазнить каждую собаку?!

Она вытасила кинжал из-за моего пояса и стала медленно отходить, громко на них шипя. Сначала я подумал, что она пытается сбежать, но потом понял её замысел: разорвать кольцо окружения, разделив противников.

Сделав шаг назад, она отразила прыжок чёрного. Резкий взмах оставил на его шкуре красную полосу, но не остановил. Зверь взмахнул лапой и откинул Хаггеш обратно в кольцо демонов. Остальные сидели, с кровожадным любопытством наблюдая за боем.

Хаггеш не успела встать, как тот же демон напрыгнул на неё. Лезвие сверкнуло, и вышло из чёрной спины. Но клинок в пузе не остановил его. Чёрный, будто не чувствуя боли, стал продвигаться ближе к суккубу, щёлкая челюстями. Хаггеш схватилась за лезвие обеими руками, и что было силы потянула вверх. Внутренности демона вывалились на её грудь.

Самый крупный из чёрных завыл, и в тот же миг вся стая налетела на Хаггеш. Она откинула мёртвого, вскочила на ноги, и начала рубить быстро и метко. Каждый взмах отсекал кусок плоти, заставлял демонов отскакивать с болезненным рычанием. Но чёрные были хитры. Они пожирали её силы молниеносными наскоками.

«Как только добыча ослабеет – её разорвут. Кто будет оберегать мою многострадальную плоть?..»

На меня они внимания не обращали. Я наблюдал, довольствуясь тем, что моя сгнившая плоть не в их меню. Но без Хаггеш мне было не добраться до города.

Я испустил громкий рёв, воздействуя на магические каналы. Он разнёсся эхом, пугая птиц, что в сытом довольстве сидели на голых ветвях. Крупная ветвь обвалилась на крышу трактира, после чего оттуда донёсся чей-то испуганный: «Ай!»

Думать об этом незнакомце было некогда. Стая обратила на меня внимание, чего я и добивался. Чёрные обходили меня со всех сторон, приюхиваясь и пытаясь понять, что за диковинка перед ними. Самый нетерпеливый бросился вперёд. Я уже приготовился чертить руну, как вдруг Хаггеш подскочила и взмахом снесла ему голову. Без передышки она ринулась на остальных.

Как бы суккуб ни старалась, силы её таяли. Один из демонов сумел обхватить её сзади. Затем и другие облепили хрупкое тело, образовав чёрный шевелящийся ком. Я среагировал мгновенно. Со всей силы, на какую была способна моя оболочка, ударил Хаггеш ногой в бок.

Демоны посыпались с неё, словно снег с крыши. Их ярость мгновенно переключилась на меня, а сама Хаггеш отлетела в кусты.

«В этом тухлом мешке мне не убежать, не победить их одной рукой. Остаётся лишь использовать мощную руну»

Они окружили меня вплотную. Из зубастых пастей опадали нити слюней. Вокруг разносилось шипение, которое переходило в предостерегающий рёв. Быстрым движением я начертил на земле руну четвёртого порядка Кано – «испепеление». И в тот же миг стая напрыгнула на меня со всех сторон. Как только руна загорелась синим светом, чёрных накрыла волна пламени. Земля пошла клубами, будто её рвали изнутри. Огонь, белый и беззвучный, поглотил пять тел, не оставив даже пепла.

И тишина. От чёрной земли вверх поднимались тёмные струйки дыма – единственное напоминание о произошедшем. Усилие оказалось непомерным: связь с магическими каналами тела оборвалась, и я мгновенно провалился во тьму.

Глава 4. Пока стоит мой трактор, буду стоять и я!

Что такое отсутствие жизни? Оно похоже на странный сон, в котором нет ни логики, ни смысла. Я пребывал в пограничном состоянии, душа покидала тело, кусочками пепла растворяясь в воздухе.

Воспоминания о близких – та спасительная, нежная ручка, которая возвращала меня в бытие. Все те жертвы, что случались на моём пути, не были зря. И я доказал это своим возвращением. Тонкая струйка маны потекла по узким, засохшим каналам моего тела. Задвигались пальцы, затем – рука и ноги. Душа осталась в теле. И первое, что я ощутил, – всплеск энергии первоматерии за спиной.

Демон напрыгнул и сбил меня с ног. Острые когти рвали мою грудь, мой живот, пробираясь всё глубже. Но как только они впились в то, что некогда было печени, демон остолбел. Зловонные пары проникли в его разум. Он прикрыл морду лапами и затрясся.

«Третье преимущество мертвеца – зловоние»

Этого мгновения хватило. Сконцентрировав ману в ноге, я оттолкнул демона. Затем раздался голос раздражённый Хаггеш:

– Моргрей!

Кинжал рассек воздух. Сделав пару шагов, я выставил руку и холодной плотью ощутил его кожаную рукоять.

Демон уже очнулся. С особой злостью он кинулся на меня, но для него всё было кончено. Описав кинжалом дугу, я снёс его зубастую голову с плеч. Позвонки разлетелись с приятным хрустом. Тело зашаталось и рухнуло на меня, придавив своей тяжестью. Силы окончательно покинули меня, а магические каналы оборвались, как перетёртая верёвка. Я безвольно лежал, словно кукла с оборванными нитями.

– С тобой всё хорошо?..

Приятный, как зимнее солнце, голос вернул меня в этот мир. Сперва показалось, что вибрации исказились и мне не удалось уловить демонический голос Хаггеш, но затем всё пояснилось – это была уже не суккуб. Передо мной сидела девушка. Рядом валялась мантия с вышитым дубом. Красная муть в её глазах растворилась, уступив место цвету, который я не видел двести лет – цвету голубого, мирного неба над Астаром.

– Что это с тобой? Ты обо мне беспокоишься?.. – я удивился переменам в одержимой. Её тело имело вид суккуба, что означало одно – дух поглотил душу человека. Но нечто человеческое всё ещё пробивалось изнутри.

Хаггеш резко встряхнула головой, будто прогоняя дрему. Глаза её вновь налились привычным светом первоматерии, а на лице вспыхнула злая ухмылка. Она дала мне пощёчину, и на её же щеке тут же проступил багровый след.

– Это тебе за то, что меня пнул. И как в твою проеденную червями башку пришла такая идиотская идея?

– А как иначе скинуть с тебя ораву демонов? – процедил я, и звук вышел похожим на шипение ветра среди скалистой впадины. Лицо моё выразило нечто болезненное, хотя я пытался изобразить ухмылку. – Не такой ты сильный дух, раз хозяйка тела ещё борется.

Глаза суккуба расширились от неподдельного удивления. Казалось, она и сама не знала о таких вспышках чужой воли. Самодовольно усмехнувшись, Хаггеш ответила:

– Не беспокойся, Моргрей, скоро негодяйка станет мной без остатка.

Она запахнулась в мантию и отвернулась к силуэтам города, темневшим над еловым лесом.

– Идём. С каждой минутой твоё амбре всё невыносимей.

– Отнесись с пониманием. Я не мылся пару веков! – я попытался засмеяться, но получился лишь хрипый выдох, от которого кожа на животе лопнула, и на землю хлынула струя чёрной жижи. Половины внутренностей уже не было.

– Мерзость... – бросила Хаггеш и, покачивая бёдрами, начала спускаться с холма.

«Я не властен над телом, как и Хаггеш. Но радуется одно – после переселения я буду единственным владельцем своего нового жилища»

– Постой! А как же трактир? – остановил её я.

– Трактир?.. – обернулась суккуб. – Нахрен тебе нужна эта развалюха? Или мёртвых тянет ко всему отжившему свой срок?

– Просто любопытно, – солгал я. Она снова не могла мне отказать из-за натяжения цепи. Пока мы шли, я на миг закрыл глаза, и отпустил магические каналы своего тела. Всё для того, чтобы заглянуть поглубже в трактир, не заходя в него.

Опалённая постройка стояла в стороне от поля боя. Дощатая, полуобгоревшая вывеска хранила лишь конец названия: «...Архипа». Фасад будто имел два лица: мёртвое и целое. Левая сторона, почерневшая, накренилась, подгоревшие балки торчали кверху, как сломанные рёбра. Дорогое витражное стекло лопнуло и осыпалось чёрным дождём ещё во время пожара. Правая обладала привычным коричневым цветом дерева, хотя и слегка согнулась из-за нагнувшейся левой части.

С Хаггеш мы зашли внутрь. Суккуб поморщилась от запаха гари и тлена. Я же осматривался привычным способом. Дощатый пол чудом уцелел, как и несколько столов на толстых балках. От потолка остались чёрные зубья-доски. Лестница на второй этаж обрывалась в никуда. Сверху зияла дыра, в которой висел клочок серого неба.

Посреди этого распада сидел человек. Зрелый мужчина, но не старик. Усталый до мозга костей. Его шершавая ладонь походила на огромную раскалённую кочергу. Среди седой щетины выглядывала красная, покрытая волдырями кожа. Второй кисти нет – рука замотана грязным бинтом выше запястья. Одежда простая, крестьянская. Взгляд... даже без глаз я ощущал его подавленное состояние. Нижние веки мужика были влажны, а губы шептали молитву утешения. Он сидел на табурете, упёршись локтем в колено, и мутным взором обводил наши фигуры. Открыл рот, чтобы выразить досаду, но замер. Что-то в гостях было не так, и его разум, уже покорёженный горем, отказывался верить глазам.

– Приветствую, – начал я, пытаюсь изобразить дружелюбие. – Что здесь случилось?

Главное уже было ясно. Этот человек – непригодный сосуд. Дряхлый, однорукий, с сознанием, вытоптанном бедами. Ритуал переселения мог разорвать его, как тонкую ткань.

«По крайней мере, он может многое рассказать. Язык-то у него на месте»

– Я не доверяю тем, кто скрывает лица! – хрипло выкрикнул мужик, когда мы вошли. Бычий взгляд упёрся в укутанную мантией Хаггеш. Слова его не произвели на неё впечатления. Тогда он с яростью ударил кулаком по столу. Тот развалился, опав на пол с сухими балками. Мужик застыл, глядя на обломки, и на его лице отразилось глубокое горе.

– Ничего не осталось... Всё прахом!

Он поднял взгляд на меня и даже не удивился.

– Должно быть, ты с того поля брани... Удивительно, как только выжил... – произнёс он с лёгкой улыбкой, словно я был его собратом по несчастью, а затем снова сорвался в крик. – Совсем как мой трактир! Как эти стены ещё стоят?!

Он смачно хлопнул себя ладонью по лбу и тяжело вздохнул.

– Тебе бы обратиться отсюда, – сказал я, сочувствуя его горю.

– Я всё потерял! – кричал он, не слушая голос разума. – Даже свою руку!.. – он потряс в воздухе культией, и губы его задрожали. Он едва не рыдал.

– Значит, тебя зовут Архип? – спросил я, кивнув на вывеску.

Мужчина нахмурился, мысли его мгновенно приобрели другое направление. Он смахнул слёзы, и упрямо глянул на Хаггеш:

– Мало ли какое чудище там прячется. Я на своём веку всякого навидался. Пусть покажет, что она человек.

Архипу предстало лицо неземной красоты: белые волосы, фарфоровая кожа, бездонные голубые глаза. Черты были выверены с неестественной точностью.– Думаю, не стоит... – начал я, но Хаггеш уже сбросила капюшон.

– Красавица... – с трагической нежностью прошептал мужчина. – Моему сыну ты б приглянулась. Жаль, у него теперь ничего за душой нет. Трактир мой сгорел. До конца дней нам у стен городских милостыню просить. Но коли боги так решили – значит, так надо.

«Боги...» – я испытал приступ давно забытой ярости. Первый же встречный, раздавленный жизнью, благодарит за это лжеправителей внешнего плана. Подавив в себе возмущение, я спросил:

– Ближе к делу. Почему трактир сгорел?

– Да чтоб им пусто было, знатым хвастунам! Взяли моду, что в мертвополье пить – благородно! А ты как не в курсе?.. Хотя, солдату что начальство скажет, то и свято...

«Похоже, проку от него мало. Болтает не по существу» – я уже собрался уходить, как он вдруг продолжил.

– Земля тут, видишь, чумная. Оттого и мертвопольем зовётся. Деревьядохнут, земля черным-черно. Вот и трактиру моему не повезло. Раньше – луг под окнами, а ныне одна мгла. Но я не об этом, друг. Юнцы в расшитых камзолах пили у меня, мол, опасно, значит по-барски! А сами знали – у Архипа и целы будут, и медовуха слаще некуда!

Он откашлялся в кулак, и продолжил:

– Пару дней назад набился народ, столы ломались. И засели тут два отпрыска: Всеволод Григорьев, да бастард Фризовых. Семьи эти, как псы, сроду грызутся. Ну и мальчишки за старое, подрались. Мне потом отдувайся... Больше с благородными дела иметь не буду, чтоб они...

– И что было дальше? Говори покороче, – нежно, будто среди нас пронеслась птичья свирель, шепнула Хаггеш.

– Устроили бойню совсем рядом с трактиром. Среди войска Григорьевых маг создал заклятье – магический шар. И промахнулся, попав в мой трактир. Войска уничтожили друг друга. Трактир сгорел, – коротко, ровным голосом произнёс Архип. Его слова лишились всяких эмоций. Глаза широко раскрылись, и он подчинился команде суккуба.

Хаггеш ухмыльнулась, глянув на меня:

– Что, мои методы поэффективнее твоих? Из меня вышла бы славная королева.

Но едва она закончила, как пол под нашими ногами дрогнул. Одна из стен трактира с грохотом рухнула внутрь. Это было не землетрясение. Что-то буравило землю прямо под нами.

Доски разлетелись фонтаном из щепок. Из чёрной дыры метнулась тень. Она проскользнула, дрыгая гигантским крысиным хвостом, и я даже не успел понять, куда. Архип в тот же миг взвыл. Существо, вдвое больше человека, подняло старика и начало молотить его об пол, пытаясь оглушить.

Оно походило на чудовищного опоссума. Длинная редкая шерсть окутывала голую, красноватую кожу. Морда вытянутая, с торчащими из пасти четырьмя резцами шипела и принюхивалась, пытаясь понять, когда добыча перестанет сопротивляться.

Я ринулся на помощь, но тварь, будто прочтя моё намерение, бросила окровавленного Архипа и бросилась на меня. Я не смог увернуться – тяжёлое от влаги и гнилых костей тело было неподдающимся командам старым инструментом. Тварь сбила меня с ног, придавила своей тушей и вгрызлась в мою грудь. Её морда разворотила грудную клетку за секунду в попытке найти нечто вкусное и сытное. Но дальше не продвинулась – её тело вдруг замерло

в судороге, и из живота вырвалось лезвие кинжала. Она жалобно запищала, вытянув лапки кверху. За её спиной стояла Хаггеш с ледяной ухмылкой. Суккуб провернула кинжал, и разрежала грызуна пополам, будто вспарывая гнилой плод.

Архип очнулся, увидел чудовище, что так упорно хотело его убить, и заповил, перебирая все ругательства света. Он рухнул наземь, вскочил, и полез на стену, лишь бы убраться подальше от крысopodobного демона.

Хаггеш, не говоря ни слова, оторвала рукав от мантии и наспех перетянула мои развороченные рёбра, чтобы тело окончательно не разложилось на липовый мёд. На её груди появилось всего несколько царапин – мне удалось сузить магический канал цепи, чтобы суккуб не получила того ущерба, что получил я.

Архип съехал по стене вниз, глянул на мёртвую тварь, побледнел. Он быстро дышал, пытаясь оставаться в сознании. Наконец, успокоился, и буднично уселся на табурет. На его губах играла странная, безумная улыбка.

– Всё, что ни делается – к лучшему, – монотонно произнёс он, постукивая култей по колену. Потом перевёл взгляд на Хаггеш. – Спасибо, ангелочек. Богопротивную тварь прикончила. Раз столько горя выпало – скоро, как водится, белая полоса будет. Без несчастья счастья не бывает.

Он продолжил глуповато улыбаться, пока я изучал труп. От разорванного тела веяло первоматерией, что говорило об одном – это тоже демон. Хаггеш сняла маску. Волосы её почернели, на лбу выросли рога, глаза зажглись красным. Архип, увидев это, тихо ахнул и рухнул без чувств. Суккуб бросила на его тело равнодушный взгляд, а затем посмотрела на меня. Выражение её лица было странным, почти заискивающим.

– Как я устала от этой девки внутри... Может, ты поглотить её, Моргрей? – она заговорила улыбуясь. – Что насчёт союза? Ты не так уж бесполезен. На тебя удобно отвлекать врагов, да и магия твоя... занятная. Добавь сюда мою хитрость – и мы будем править королевством вместе! Посмотри, сколько здесь дураков, – она посмеялась, указав рукой на Архипа.

Всё происходило слишком быстро. Разговор с хозяином трактира, странные перемены в Хаггеш, бой с подземной крысой. Я не мог сложить пазл в своей голове, и не хотел – тот хаос, что пришёл в моё королевство, нельзя было охватить здоровым рассудком.

Суккуб пытливо смотрела на меня.

– Ты думаешь, я сошёл с ума? Заключение союз с демоницей?

– А разве не ты заключил союз с Крандосом, одним из сильнейших духов? Чем я хуже?

Её слова давили, за ними сквозила отчаянная попытка манипуляции. Я молчал. В это время Архип пришёл в себя и, увидев тушу демона, хрипло выкрикнул:

– Сквернорыл!.. Это сквернорыл!

И снова рухнул без сознания. Истощённое тело, вкуче с уставшим от потерь сознанием, не могло больше выносить ужаса. Будто в ответ на моё молчание, Хаггеш развернулась и вышла из руин. Я взглянул на тело Архипа. Мужик раскинулся среди обломков стола, и мирно посапывал.

«Ему уже не помочь»

Я собрался уйти, но у выхода заметил на полу опалённый лоскут.

«Здравомыслящие люди поймут, что я труп. Мне нужно скрывать своё тело»

Это была мантия. Вся в саже, но целая. На спине был вышит герб ордена Богоборцев: «Воин, заносающий меч на небеса»

«Богоборцы. Мой орден. Судьба который раз преподносит сюрприз»

Я вышел, обернув своё тело в найденную тряпку. Хаггеш ждала в отдалении, лицо её было каменным.

– В лесу сделаем привал. Ночь близко. В темноте вся нечисть на охоту выходит.

Она не врала. Сумерки уже пожирали макушки деревьев. До города – не меньше ночного перехода.

– То есть, демонов станет больше? – удивился я.

– Всё из-за тебя, мятежный король. Даже будучи трупом, ты для них – как маяк среди тёмных вод. Время на исходе. Пошли.

Она беззвучно скользнула в чашу. Я поплёлся следом. На мгновение остановился, мысленно прощаясь с Архипом. Что заставляло жить потерявшего всё человека? Вера? Воспоминания? Глупая, упрямая надежда?

С грохотом, от которого содрогнулись магические нити, рухнула последняя уцелевшая стена трактира. На её месте поднялось облако пыли. Теперь груда камней лежала в центре, где и посапывал Архип.

«А ведь я мог вытащить его оттуда... Хотя, лучше умереть под обломками своего детища, чем в зубах сквернорыла» – я задумался над забавной аналогией. – «Сам-то я отказался умирать под обломками своего королевства»

Но к удивлению, сердце Архипа всё ещё билось, как последний луч света во тьме. Он уже стоял снаружи, прижав шапку к груди и скорбным взглядом провожая руины детища, которое было ему так дорого.

«Он выжил! Порой надежда не так уж глупа...»

Я усилил слова эхом, вложив в них остаток давно забытой жалости:

– Довольствуйся тем, что жив. Дальше – только твой выбор.

Он поднял голову, улыбнулся тому, что принял за знак свыше, нахлобучил шапку и зашагал на восток, внезапно бодро. Я был обрадован тем, что хоть кому-то моё возвращение принесло облегчение.

С Хаггеш мы спустились в лесную чашу. Жизнь здесь ещё теплилась в шелесте листьев, в запахе сырой земли и хвои, в крошечных, пугливых всплесках энергии зверьков в норах.

«Если звери выживают здесь, то и мы сможем»

Хаггеш выбрала поляну, на котором росла низкая трава вперемежку с одуванчиками и ромашками, и подошла ко мне так близко, что я ощутил исходящий от неё пьянящий жар.

– Ни о чём не тревожься, – прошептала она сладким голоском. – Мы в безопасности. Твоя драгоценная душа будет в сохранности.

Её губы растянулись в улыбке, глаза горели демоническим огнём. Они говорили яснее слов: этой ночью она сделает первый ход.

Глава 5. Связанные одной цепью

Закатные лучи потонули во тьме, накрывшей лес. Хаггеш отправилась за хворостом для костра – ей хотелось погреться у огня. Густая стена елей создавала здесь непроницаемое для чужого взгляда убежище. Землю укрывал мягкий ковёр из старой коричневой хвои, на котором, должно быть, живому телу было бы удобно спать.

Руна Гебо – та самая невидимая цепь – слабела. Никакая мана уже не могла восстановить её первоначальную силу. Казалось, суккуб чувствовала это. Её движения стали увереннее, в осанке появился скрытый вызов, а двусмысленные речи намекали на скорую расправу.

«Увы, слишком много покушений я пережил. Враги у короны всегда найдутся, её блеск привлекает глаз воронья. Демоница мне не страшна»

Была деталь, которую суккуб не заметила. В самой гуще зарослей стоял трухлявый, полый ствол ели. На первый взгляд – просто мёртвое дерево, но в моём случае – спасение.

– Далеко до Стальграда? – спросил я, когда Хаггеш вернулась и начала раскладывать хворост в кострище.

– Если доживём до рассвета, останется полдня пути. А там – каждый сам за себя, – ответила она, щёлкнув пальцами. Искры упали на сучья, и те вспыхнули оранжевым заревом.

Хаггеш устроилась у поваленного дерева, подставив к огню когтистые ноги, и подгрестила под себя мягкий слой старой хвои. Губы её изогнулись в блаженной улыбке.

– Затужи костёр, когда будешь спать, – бросил я с другого края поляны.

– Я что, похожа на болвана, который провалился в гробу пару веков? Додумаюсь.

«Вредина»

Я лёг мертвецом, дожидаясь, когда уснёт она. Узнать было просто: чутьё – сверхъестественная, но подконтрольная моей душе способность, родившаяся из слияния академической магии и демонической первоматерии, отмечало замедление её сердца. Дыхание Хаггеш становилось глубже, ровнее, сознание погружалось в хаос сновидений. Вскоре она засопела у потушенного костра с такой беспечностью, будто вокруг не было ничего опаснее лесных пчёл.

Бесшумно поднялся (хотя оставшиеся конечности скрипели, как ржавый металл), и скользнул к полному дереву. Ощупал ствол. Древооточцы поработали на славу – сердцевина была выедена на несколько метров вглубь, оставив крепкую оболочку. Места внутри хватало, чтобывтиснуть моё изломанное тело.

Затем оценил округу. Еловый покров не шуршал, как листва. Чужак подойдёт незаметно. Разве что... Меня осенило. Я начал собирать сухие, ломкие ветки и, крадучись, закапывать их под тонким слоем хвои вокруг дерева. Лёгкий хруст, едва уловимый для уха, через магические каналы отзовется в душе, а потом и в сознании.

«Жаль, нет подходящей руны»

Враг мог быть кем угодно – зверем, человеком, тварью. От демона или одержимого предупредит руна Вардр – «страж». Она отзовется на приближение первоматерии. Однако иные существа останутся вне поля моего зрения.

Вот и пригодился кинжал светохода. Лезвие впивалось в кору туго, каждая линия давалась ценой ключев кожи, сползающей с моих пальцев. Я замедлял движения, превращая резьбу в медленное, беззвучное ввинчивание. Так делали мастера ордена, выбивая долотом руны в металле кирас, ибо чем глубже борозда, тем дольше будет тлеть заряд в магическом знаке.

Сначала – внешний круг. Потом – два внутренних, один в другом, обозначая второй порядок руны. В центре самого маленького символ «стража», похожий на всевидящее око. Рука дрожала от усилия. Одно неверное движение, скрип сустава, и она надломится, как сухая ветвь.

Наконец, знак был готов. Я прижал ладонь к его центру, сформировал в душе заряд и направил его к руне. Линии на стволе вспыхнули холодным светом и угасли, впитавшись в дерево.

«Часовой на посту»

Втиснулся в дупло. Острые его края терзали мою плоть, но дело того стоило. Закрыв глаза, я прекратил циркуляцию маны по всему телу, и оставил циркуляцию лишь в своей душе. Это был своеобразный транс. Дрёма дозорного, который вместе с тем несёт службу. В таком состоянии у меня была возможность работать со своей душой, ювелирно оттачивая её грани, расширяя магические каналы. Каждая крупинка силы – шанс, лишнее зёрнышко в запасе у полёвки перед долгой зимой.

Спустя время руна Вардр дрогнула. Рядом вспыхнула и сразу погасла волна первоматерии. Я вышел из транса и прощупал каналы. Никто не нападал. Энергия носила знакомый, дразняще-сладкий оттенок – это была Хаггеш.

– ...мерзавка! Ты в своей жалкой жизни ещё не знала настоящей боли! Взвоешь, как только я начну! – её голос, резкий и ядовитый, доносился с места ночлега. Чутьё рисовало картину: она сидела согнувшись, разговаривая сама с собой.

– Мне всё равно, – отвечал другой голос, тихий, но со стальным стержнем внутри. – Пусть придётся платить всю жизнь. Я не сдамся.

– Глупая овечка... – голос Хаггеш сменился, стал вкрадчивым, разлагающим. – Ты считаешь меня проклятием? А кто дал этому телу силу, когда над тобой смеялись? Кто спас его от лихорадки, когда все отвернулись? Я – причина, по которой ты ещё дышишь. И так ты меня благодаришь? Бунтарка! Жрецы учат смирению. Прими свою ошибку. Прими меня. Я на твоей стороне. С моей помощью ты станешь той, кем мечтала: сильной, бесстрашной. Ты будешь править своей судьбой! Нужно лишь... дать мне чуть больше простора!

– Нет. Никогда. Отстань!

Последние слова прозвучали как отчаянный рёв. Земля дрогнула. Дух на мгновение потерял опору, будто титан, споткнувшийся об овцу. Наступила тишина, нарушаемая только тяжёлым, прерывистым дыханием. Потом – шаги. Твёрдые, безошибочные, направляющиеся прямо к моему дереву сквозь кромешную тьму.

Она прижалась к стволу. Тёплое дыхание коснулось моего холодного лица. Дерево, как саван, сковывало движения. Единственная рука была прижата к груди. Её стройная фигура в проёме стала непреодолимой стеной.

«Кто это? Хаггеш, взявшая верх? Или сама девушка?»

Время кончалось. С хрустом, громче ломающейся ветки, я подал остаток маны в кость предплечья. Рука обвисла, став гибкой, как плеть. Кончик пальца с отчаянной скоростью заскрёб по внутренней коре. Пыль забила в трещины моего тела. Я выжимал из себя всё, вкладывая в движение остатки маны. Ещё секунда и будет готова руна Даг – «малый взрыв». Она вывернет мне рёбра, оторвёт что-нибудь ещё... но вышвырнет из ловушки. Если дать Хаггеш искромсать это тело – о переселении можно забыть.

Передо мной мерцал облик. Он дрожал, меняясь: вот чёрные кручёные рога и багровые глаза, вот – снова хрупкие черты, искажённые мучением. Борьба длилась мгновения. Победила демоница. Её губы растянулись в едкой ухмылке, и лезвие ножа упёрлось мне в развороченную грудь. Я почувствовал, как по стали, словно по нервному волокну, побежал горячий ток первоматерии. Он обжигал мою душу, пытался выкорчевать её с корнем.

«Как она узнала?!» – в последние секунды я пытался осознать, как суккуб догадался использовать материальный предмет меж нами, чтобы обойти силу цепи Гебо. Прижал гибкую руку к нацарапанной внутри руны, пытаюсь решиться на отчаянный шаг.

«После этого взрыва не доползти даже до опушки... О походе до Стальграда можно будет забыть»

Рука Хаггеш вдруг дрогнула, будто наткнувшись на невидимую преграду. Суккуб задумчиво вытащила нож, а затем, в приступе чистой, бессильной ярости, вонзила его себе в ладонь. Она вскрикнула, её фигура исказилась, на миг превратившись в сгорбленную, страдающую старуху. Я держал ладонь на руне, ожидая развязки. Разум кричал, что цена будет смертельной.

Хаггеш выпрямилась. В её глазах, усталых, но ясных, читалась другая власть. Девушка. Она одержала верх. Её окровавленные, дрожащие пальцы прижались к моей груди. И я ощутил поток – чужой, знакомой, живительной и ядовитой первоматерии. Всё встало на свои места. Боль. Боль была ключом, которым она отпирала свою клетку. И теперь она отдавала мне их общую с духом силу, истощая себя до предела.

– Не надо, – сказал я. Картина её внутреннего боя пробудила во мне такие сожаления, что будь у меня слёзы, я бы зарыдал. – Тебе пригодятся силы.

– Мне они уже ни к чему...

– Но ты можешь победить! Ты только что сделала невозможное!

Она не ответила. Только слабо улыбнулась, и в этой улыбке было облегчение и конец сражения. Всё её тело била мелкая дрожь. Поток силы лишь усилился. Я пытался закрыть каналы, но её воля была упрямой, отчаянной. Она делала меня сильнее, обрекая себя.

Колени её подкосились. Она рухнула на ковёр из хвои, беззвучно, как подкошенный цветок. Глаза её оставались открытыми. Они неотрывно следили за бегом облаков, которых свет луны делал седыми.

– Как тебя зовут? – спросил я, выбираясь из дупла.

– Алина, – прошептала она, закрыв глаза.

– Держись, Алина. Ты справишься с ней.

Но она уже не слышала. Я сорвал рукав с мантии и неловко обмотал её раненую ладонь. Затем втиснул её хрупкое, безвольное тело в дупло. На хрупком плече начертил руны Ур – «бодрость».

«Пусть моя мана поддерживает в ней искру жизни, пока она не очнётся»

Больше я ничего не мог. Дупло было безопасно. Я устроился снаружи. Моё тело не чувствовало холода, но я вдруг вспомнил, что живые – чувствуют. Снова поднявшись, я сплёл из обрывков мантии подобие мешка, набил его мягким лапником и затолкал к её ногам. Оставшимся лоскутом, словно одеялом, прикрыл вход, оставив щель.

«Пусть спит. Её битва на эту ночь окончена»

Я лёг рядом, размышляя о судьбе.

«Выкурить духа из живого тела... С этой задачей бился мой орден, но безуспешно. Мощь небожителей и их порождений всегда превосходила человеческую. Лишь мне удалось победить духа, но в Тенебриуме и ценой своей смерти»

Я снова погрузился в транс. Время текло, а мощь нарастала с неестественной скоростью – помогла мана Алины, её последний дар.

Хаггеш уже сидела на поваленном дереве, холодно и недовольно глядя на меня. Всё пошло не по её плану. Я взглянул на дупло: труха была разворошена, лоскут отброшен в сторону. Суккуб вернула контроль с рассветом. Утром, когда первые лучи пробились сквозь хвою, я пробудился.

– Не везёт тебе, – кряхтя, поднялся я. – Попалась девчонка с характером. Сломаешь об неё когти.

– Пустяки, – она холодно улыбнулась, нервно покачивая ногой. – У неё молодое, сильное тело. Оно будет служить мне долго. Взнуздать дикого жеребца сложно, но игра стоит свеч.

– Нам пора, – ответил я, накинув на себя остатки мантии. Она не возразила. Руническая цепь между нами была теперь крепче – новые силы скрепили её звенья.

«Однако меня пугает находчивость суккуба. Ночью она едва не обрела все мои старания. И что будет потом, когда нам придётся расстаться?..»

Лес казался бесконечным. Я шёл, представляя, что ступаю по голове спящего титана, поросшей древесными волосами. Лес – магическое место, в которое стремится и бедный разбойник, и богатый граф, собравшийся на охоту. В нём слышны прекрасные голоса птиц, но не слышны последние вздохи умирающего. Я скучал по этому месту, которое всех делает равными. Скучал по свежему запаху, по шелесту травы под ногами, по огромным муравейникам, что случайно попадают на пути. И всё же я был заперт в трупном мешке, который не мог всего этого почувствовать. Отсюда у меня появилось ещё более горячее вожелание по-настоящему возродиться.

– Судя по всему, мы близко, – сказал я на зелёной седловине, показавшейся знакомой, несмотря на все перемены. Мы стояли там с Хаггеш. Она смотрела вдаль, а я лишь смутно ощущал огромный знакомый город где-то севернее. – Стальград. Его стены были легендой.

– В этом ты прав, – ответила суккуб. – Но не только стены. Чувствуешь?

Я сконцентрировался. Воздух вдали был иным – плотным, пропитанным магией. Руна Отила – «защитный купол», но в масштабах, невысказанных для моего ордена. Целый город под магическим колпаком.

– И давно это?

– С тех пор, как из разломов полезла нечисть. Деталей не знаю. Мелочи человеческих жизней меня не интересуют.

– Раз так, то тебе нужно было оставаться в Тенебриуме и не портить бедной девушке жизнь.

Хаггеш лишь хмыкнула. Мы вышли со склона, и я ощутил пульсацию – мощную, ровную, как биение гигантского сердца. Энергетический купол. Как мне хотелось вновь увидеть этот город, а не просто чувствовать его.

– Я исполнила свою часть, – в голосе Хаггеш зазвенела сталь, когда мы оказались на пригорке близ Стальграда. – Теперь твоя очередь.

– Какие гарантии, что ты не нападёшь?

– Разве я, обессиленная, справлюсь с таким могучим трупом? Было бы глупо.

В её словах была своя логика. Цепь нужно было разорвать в любом случае.

– Договор есть договор, – ответил я, напоследок вонзив себе в бок кинжал. – Это тебе за ночное покушение.

Хаггеш мгновенно закричала. На её животе образовалось красное пятно, из которого заструилась кровь. Я подошёл, прикоснулся к руне на её коже и разорвал нити Гебо. Синие линии погасли, оставив лишь бледный шрам.

– Теперь ты свободна. Поздравляю, – сказал я, пытаясь ухмыльнуться.

Суккуб тяжело дышала. По лбу её скатывались капли пота. И всё же глаза её злорадно улыбались.

– Какая подлость! Боюсь, ты не сумел меня превзойти.

Она оскалилась и резко распахнула свою мантию. По бокам от безупречного тела, окутанного красными линиями первоматерии, сидело несколько кристаллов – тех самых, что я забрал с тел мертвецов.

Хаггеш сделала глубокий вдох, и кристаллы один за другим лопнули, осыпаясь прозрачной пылью. Сила хлынула в неё невидимым ручьём. Рана мгновенно затянулась. Её рука с лёгкостью обхватила мою шею и подняла меня над землей. Холод, липкий и всепроникающий, пополз по моей оболочке, целясь в душу склизкими щупальцами.

– Что, не ожидал!? – она безумно захохотала, когда глаза её вновь загорелись красным светом.

Глава 6. Тёмный ритуал

Несколько позвонков хрустнуло, рассыпаясь в труху под её напором, но меня это только позабавило. Боль была далёким, почти абстрактным понятием.

– Чего ты молчишь?! Я уже забираю твою душу! Вот, смотри! – Хаггеш сжала зубы, и на её прекрасном лице выступили синие вены. Одержимая начала тужиться, накапливая в ладони, прижатой к моей груди, сгусток чужеродной энергии. Моя душа, вобравшая в себя силу веков, не поддавалась.

Пока суккуб тянула время, я начертил на её белоснежной коже руны пятого порядка Хагал – «антимагия». Но, к моему удивлению, когда я тут же пробудил её, знак загорелся не холодным синим огнём магии, а багровым, пульсирующим светом первоматерии.

Хаггеш отдёргнула руку, словно обжёгшись о раскалённую кочергу. Она припала к земле, схватившись за горло, словно утопающий, что выбрался на берег и пытается отхаркнуть воду. Грудь её трепетала, пытаясь впустить хоть толику воздуха. Я поднял своё тело на ноги. Кости заунывно провыли, а голова едва не оторвалась; пришлось поддержать её ладонью.

«Руна Хагал работает куда проще...» – думал я, глядя на извивающегося на земле суккуба. – «После поглощения Крандоса я приобрёл куда больше, чем думал»

Хаггеш с трудом поднялась на ноги, пошатнулась, пытаясь убежать, и едва не упала.

– Как... Откуда на тебе клеймо Пандемониума?! Это невозможно! – она зарычала, превозмогая боль. Преодолев магическое удушье, она выпрямилась. На лице сквозь боль проступила знакомая ухмылка.

– Не сомневайся – мы ещё встретимся! И тогда я возьму своё!

Первоматерия окутала её тело, укрепила его. Хаггеш спрыгнула со склона и начала быстро удаляться в направлении Стальграда.

«Бессмысленно тратить силы на её поимку. Нужно искать тело»

Теперь я остался один. Мой смертоносный спутник был для меня оберегом, теперь же приходилось двигаться медленно, поддерживая тление маны в оставшихся конечностях и исследуя округу. С трудом удалось спуститься со склона и пробраться через очередную стену леса к городу.

«Нужно время, чтобы изучить влияние первоматерии на мои руны. Если всё так, как я думаю, то моё новое тело приобретёт невероятную силу. Но выдержит ли оно переселение?...» – размышлял я, продираясь через кустарники. От моей сумки уже не исходила аура маны. Кристаллов там больше не было.

«Воровка! Раньше за моими вещами всегда следил оруженосец, если я был в походе, или камердинер, если я был в замке или во дворце. Быть королём – значит не тратить время на мелочи. Теперь же эти «мелочи» урезали мои шансы на новую жизнь»

Магическая сила, исходящая от купола, была такой насыщенной, что мне не приходилось задействовать магические каналы для ориентации – она пылала в моём восприятии, как второй рассвет. Тем не менее, колючие сорняки, встречающиеся на пути, разбирали моё тело по частям. Пальцы ног остались где-то позади, а ключья высохшей кожи болтались на ветвях, словно жуткие украшения. Выбравшись из зарослей, наткнулся на вытопанную конями дорогу. Она привела меня к городу. Уже издали ощутил, что купол в небе рассеивается.

Город был передо мной. Я ощущал древние камни – бессменных, нерушимых стражников людского сна. Из них были составлены колоссального размера ворота – в двадцать всадников в высоту.

Когда они отворились, внутрь города заехал конный отряд. Магические каналы сообщили мне, что их знаменосец несёт штандарт, на котором изображена корона на фоне кро-

вавой луны. Как только последняя шеренга проскакала за ворота, огромные створки начали медленно и со скрипом смыкаться.

Какой-то крестьянин подкатил свою кряхтящую клячу, запряжённую в повозку, впритык к воротам.

– Я тебе уже говорил, Осип-Балбес, провизию забирает младший наследник Григорьевых – Мстислав. Сейчас его отец командует в провинции, так что и законы устанавливает он, – сказал ему один из стражников, по-видимому, начальник. Броня его была цветастее, чем у остальных, сзади развевался красный плащ с золотой вышивкой, а на его шлеме в форме капли был плюмаж с длинными красными перьями.

– Но как же так, господин начальник?.. Я ведь сам приехал, сам оброк собрал, причём, добавил из своего хозяйства несколько литров молока!.. Разве вашей жене и детям не будет приятно? Просто впустите меня, я разгрузусь, а там, глядишь...

– Знаю я ваш народ! – перебил его начальник стражи. – Только дашь черни заехать в город, так она начнёт плодиться, как плесень! А ещё хуже – какой-нибудь оборванец может оказаться шпионом Фризовых, или... – губы начальника задрожали. Он произнёс шёпотом – ... одержимым.

– Ну пожалейте меня, милчеловек! Чёрные совсем обнаглели, грабят деревню, убивают людей! А нам что остаётся?

– Мне дали ясный приказ: никого не впускать и никого не выпускать, пока не сменится дежурство! Оброк заберёт младший наследник Григорьевых, как я сказал! Точка!

Крестьянин не хотел уходить. Начальник стражи нахмурился, положил руку на рукоять меча и выдвинул лезвие из ножен на палец. Сталь блеснула тускло в сером свете. Крестьянин быстро развернул лошадь. Он стегал свою сонную клячу, пока та наконец не зашевелилась, и проехал по дороге мимо меня.

– Ну и пропади всё пропадом!.. Набросаю вам под стены тухлого мяса, чтобы город крысы сожрали! – он проворчал, удаляясь.

«Интересная ситуация. Вместо того чтобы возрождать легионы и выжигать нечисть с лица земли, они прячутся под куполом, как тараканы под кастрюлей, и отнимают последнее у обездоленных»

Я собрался с силами и подошёл к стражнику. В город необходимо было попасть по нескольким причинам. Внутри довольно плотная населённость, благодаря чему удастся найти подходящее тело. Кроме того, в городе я узнаю всё, что творилось за последнее время, изучу политическую обстановку.

«Попытка того стоит», – решил я, подходя к начальнику стражи и заставляя мышцы лица сложиться в подобие дружелюбной улыбки.

– Здравствуй, добрый гражданин! Мне нужно в город... У меня, знаешь ли, дела первой важности, – сказал я, пытаюсь придать своему голосу былые командные нотки, но получился лишь хриплый шёпот. Тут же подул ветер, поднимая подол моей рваной мантии. Изрядно потрёпанные синюшные ноги, на которых проступали багровые пятна, заставили начальника поднять брови.

Взгляд его поднимался всё выше, пока не добрался до моей головы, склонённой набок из-за того, что она держалась на нескольких сухожилиях. Он вздохнул с таким отвращением, будто наступил в нечистоты:

– Ещё один нищий, на которого напали в лесу... Проваливай отсюда, пока пинками не прогнали! Ищи своего знахаря в деревне!

– Эй, Фан, время подошло! Сказали, все родовитые уже вернулись! – крикнул ему стражник со стенной башни. Начальник кивнул ему, и быстрым шагом пошёл к воротам, даже не удостоив меня взглядом. По его сигналу из-за стены высыпала дюжина стражников, которая распределилась по наружной стороне ворот, и приготовилась толкать. Лебёдка запела тяжёлым,

утробным скрипом. Стражники в одно горло ухнули, упёрлись ногами в землю и начали толкать. Морды вмиг покраснели, высокие сапоги взрыхлили землю не хуже запряжённых волов. С невероятным усилием створки ворот поползли навстречу друг другу. Едва между ними осталась узкая щель, стража бегом ринулась внутрь. Ворота закрылись с глухим, финальным стуком, и всё сразу стихло.

Всего за секунду над городом растянулся сияющий, переливающийся всеми оттенками голубого купол. Мне пришлось сделать пару шагов назад, чтобы он не сжёг моё иссохшее тело.

«Где они берут столько маны, чтобы накрыть куполом целый город?.. За годы моего отсутствия магия не умерла – её извратили и поставили на службу подлости! Когда-то Стальград, за стенами которого прячутся трусливые задницы, принадлежал мне! Теперь же я всего лишь оборванец в лохмотьях... И у меня всё ещё нет тела»

Сердцебиение одинокого крестьянина удалялось от меня всё дальше, словно гаснущий в ночи маяк. Немного поразмыслив, я выбрал другой план действий и отправился за ним.

«Значит, деревня»

Он ехал по дороге неспешно, склонившись к поводьям, и пожёвывал листья табака одновременно с тем, как его кобыла пожёвывала подножный корм. Повозка была нагружена провиантом. Ему приходилось двигаться медленно, чтобы колеса не попали в яму. Ставки для крестьянина были высоки: повозка может перевернуться на любой кочке и тогда он потеряет оброк, что так долго копила деревня.

Преодолев дорогу, он подъехал к небольшому мосту над рекой. Русло её уходило дальше в лес, туда, где Хаггеш и перенесла моё тело через поток бурной стихии. За время всего пути возчик ни разу не обратил на меня внимания. Впрочем, нам встретилось ещё несколько нищих оборванцев, так что не мудрено, что моё блуждание здесь никого не удивляло.

Возчик проехал мост. Здесь начинались первые деревенские дома. Само поселение было небольшим: всего несколько десятков хижин, которые, как братья-близнецы, были похожи друг на друга. Крыши уплотнены сеном, а стены составлены из еловых брусков, на которых вырезаны замысловатые волнистые символы – словно примитивная живопись древнейших племён.

Слева от дороги стояли плотные ряды елей, острые верхушки которых напоминали наколочки стрел. За лесом серое небо царапали горные склоны. Силы стремительно покидали меня. Я волочил по деревне своё тело, и выглядел, как перепивший кагора монах. У работавших в поле деревенских жителей было полно забот. На меня никто не обратил внимания. И всё же я хотел быть подальше от взглядов. Мне удалось пробраться в хлев у ближайшего деревенского дома. Упав на стог сена, я с хрипом выдохнул, выпуская из лёгких гнилостный, спёртый воздух.

«Даже мёртвым нужен отдых. До чего тяжело ходить! И где мне теперь брать ману, если все кристаллы сожрала Хаггеш?!»

Рядом с хлевом мельтешила орда мошкар. Солнце светило во всю прыть, и касалось моих охладевших, выглядывающих из хлева ног.

– Бэ-э-э!

Я вскочил со стога, стараясь придать своему полуразвалившемуся телу угрожающий вид. Из-за низкой дверцы загона высунулась морда козы. Животное вышло из укрытия, с тупым любопытством уставившись на меня.

Я выдохнул:

– Что, животное? Понимаешь, насколько мне тяжело? Я был королём!..

Она равнодушно посмотрела на меня, и отщипнула клочок сена от стога. Несколько секунд она жевала его, потом вдруг остановилась, обнюхала мою свисающую кисть и принялась жевать уже её, с хрустом размалывая высохшие фаланги.

– Да отстань ты! – я вынул уцелевшие пальцы у неё изо рта и замахнулся, сделав вид, что сейчас ударю. Коза даже не моргнула. Она фыркнула на меня, вернулась к стогу сена и продолжила жевать привычную пищу.

– Хоть бы немного наклонились из вежливости! Нет! Никто не признаёт прав законного короля!

Выплеснув своё отчаяние на равнодушную козу, я принялся размышлять о важных вещах:

«Так... Что там говорила Хаггеш? Светоходы. Светоходы ходят в разломы, чтобы отыскать необычные кристаллы с маной внутри. Они дадут мне силы, чтобы провести ритуал. Нужен разлом»

Я тихо вылез из хлева, замер, прощупывая каналами округу. В темноте моего сознания пылало красное пятно. Оно висело среди елей и тянуло меня к себе, шепча: «Возвращайся домой...»

Меня несколько не смутило столь странное поведение собственного рассудка. Я был мертвецом, который давно мог сойти с ума в Тенебриуме.

«Понимает ли сумасшедший своё безумие? Едва ли, иначе он бы не был сумасшедшим»

Вступив в чащобную гущу у края поля, я нацеплял на своё многострадальное тело сотни еловых иголок. Потрескавшаяся кожа идеально подошла на роль игольницы, и теперь в довесок ко всему я стал подобен ошпианному петуху. Наконец, разлом предстал передо мной. Удивительное и пугающее явление! Казалось, некая гигантская рука разорвала ткань реальности, и из раны сочится энергия самого Пандемониума.

Я подошёл ближе к потоку, который кружился вокруг эпицентра, пытаясь затянуть внутрь опавшие листья и мелкие ветви. Будь у меня уши, я бы слышал непрекращающийся шум, похожий на рёв гигантской волны.

Внутри разлома мерцала и колыхалась сердцевина, сотканная из переливающейся тьмы и багровых всполохов. Разрыв выглядел чужеродно и враждебно на фоне спящего елового леса.

Завеса уже развеялась: пелена в сердцевине была блеклой, и податливой. Это значило, что проход открыт. Нечто подобное разлому я открывал в прошлой жизни, что повести войска к Пандемониуму.

– Рад! Радомир! Ты здесь? – вдруг услышал я отчаянный, срывающийся на фальцет детский голос из кустов. Не было времени раздумывать. Я швырнул своё тело в разлом, пока меня не заметили. Сердцевина засосала тело с жадным чмоканьем. Суставы ощутили на себе всю силу энергетического вихря; они захрустели, и начали перемалываться в костяную кашу. Мне пришлось увеличить поток циркулирующей по каналам маны, и отчаянно ринуться вперёд, проплывая среди бесконечно кружащихся энергетических волн. Поток выплюнул меня в безжизненную скалистую местность с такой силой, что я отлетел на несколько метров. Голова оторвалась и покатила в сторону. Сорвав с мантии кусок, я туго перевязал им шею и поставил голову обратно.

«Смешно! Где мой народ? Где мои подданные?! Даже собственная голова от меня бежит!»

Скалистая порода здесь была чёрной, будто обожжённой в горне, а широкие борозды от когтей наводили на меня тревожные мысли. Передо мной зияла пропасть, уходящая в тёмную дымку. Я аккуратно подошёл к краю бездны и глянул в её лоно. Внизу, среди бескрайней тьмы, метались одинокие языки багрового пламени, словно неупокоенные души светоходов, которые сглушили, войдя в разлом. Потоки первоматерии переплетались, и тянулись на огромное расстояние. Где-то вдалеке, на периферии моего восприятия, чувствовалось присутствие живых существ. Их сердца бились тяжёлыми ударами, толкая по венам проклятую, густую кровь. Чёрные. Их было много. Помимо них, в разломе находилось и одно-единственное, слабое биение

человеческого сердца. Я почувствовал, что жизнь в маленьком теле юноши угасает, словно последний уголёк в кострище.

«Как человек очутился здесь? И как выжил?..»

Я потратил ещё немного драгоценной маны, чтобы расширить обзор магических каналов. Демоны были на большом расстоянии от его тела, занятые чем-то своим. Убедившись, что ни мне, ни юноше не угрожает немедленная опасность, я подошёл к нему, двигаясь от уступа к уступу.

Мальчишка лет шестнадцати лежал в небольшой расщелине, умирая от рваных ран на груди и боку, оставленных когтями чёрных. Кровь медленно сочилась из него, образуя липкую лужу на камне. Сердце его едва билось, слабыми толчками, но в остальных органах были целы. Слишком поздно для знахаря, слишком рано для последнего вдоха.

«Спасти его уже не удастся. Он не выдержит дорогу до деревни, да и бессмысленно его туда нести: такие раны не вылечит ни один деревенский лекарь» – решение напрашивалось само собой. – «Более подходящего тела мне не найти. Нельзя дать мальчишке погибнуть до завершения процесса»

Я опустился на колени рядом с ним. Он полуоткрыл глаза. Взгляд был мутным, отрешённым.

– Тише. Всё кончится. Боль уйдёт, – прошептал я и коснулся пальцем его холодного, вспотевшего лба. Вскоре руна пятого порядка Ансухагал – «замещение души», выведенная кровью мальчика, была готова. Я почувствовал, как между нашими телами протянулась тончайшая нить магического канала.

«Проверим ритуал на практике. Пока всё идёт хорошо»

Следующий этап. Я начертил на наших телах – на его груди и на том, что осталось от моей – руны седьмого порядка Райдо – «духовный мост».

«Заземление потока энергии. Самая сложная и самая важная руна в ритуале. В случае неудачи Райдо убьёт и меня, и моё новое тело»

Шипение, похожее на крик раскалённой болванки в воде, разрезало тишину скал – чёрные почуяли всплеск чужеродной силы. Они понеслись огромной стаей к месту проведения ритуала. Я старался не думать об опасности и продолжал ритуал.

Внутри у меня всё вспыхнуло. Мана, которую приходилось переправлять в тело мальчика огромными объёмами, разрывала меня изнутри. Кожа начала осыпаться, как обугленный пергамент, обнажая почерневшие кости, иссохшие сухожилия, застарелое мясо. Даже будучи мертвецом, я чувствовал невероятную боль – не физическую, а экзистенциальную, как будто саму ткань моего «я» растягивали на дыбе. Агония разливалась по душе в то время, как тело моё покрывалось сетью светящихся трещин, из которых бил багровый огонь. Тысячи раскалённых игл пронзали мою душу, пытаясь удержать её на месте, не дать сорваться в небытие. Демоны выжимали из своих мускулистых конечностей максимум, будто чувствовали, что им нужно успеть прервать ритуал. Горячий, вонючий пар вырывался меж их клыков. Они неслись во весь опор.

Я умирал второй раз. Сначала отвалились и рассыпались в пыль ноги, из-за чего туловище моё рухнуло на землю. Единственная рука повисла на клочке кожи, а после расплзлась на несколько частей, как гнилая ветка. Голова покатилась в низину, напрямик к наступающим демонам, и яв последний раз почувствовал их перекошенные морды, полные кровожадного вождения.

«Удалось!»

Невероятная лёгкость, сродни чувству невесомости, окутала меня. Затем – всепоглощающее одиночество, словно тебя выбросили в незнакомую, враждебную среду, как слепого котёнка. Я был ничем. Я был всем. Я был потерян. Но уже через пару секунд, которые для моего сознания были соразмерны вечности, в этой пустоте возник якорь, вытягивающий меня

на поверхность вместе с цепью. Я ухватился за него всей силой воли, что осталась, и переправил остатки души в новое тело.

По коже пробежали мурашки. Кровь пульсировала по венам молодого, восставшего из забвения тела. Вдох. Выдох. Снова вдох. Живое тело дышало само, без моей воли. Каждой крупницей кожи я чувствовал холодные камни, чувствовал, как живот недовольно урчит, а раны стягиваются с невероятной скоростью.

«Жизнь! Наконец-то!..» – обрадовался я, но затем ощутил ужас в душе: «Теперь меня могут убить!»

Тёмное небо разлома было полно багровых сгустков, так похожих на кровоточащие порезы – странный рассвет новой жизни. Издали раздался рёв демонов, что приближались всё ближе.

Глава 7. Чужая семья

Тело трепетало в экстазе: все радости жизни вдруг раскрылись передо мной. Подобно паразитам из Тенебриума, мне удалось завладеть чужим телом, более того, я стал его единственным хозяином. В моих зорких глазах всё вокруг было представлено так резко и чётко, что с непривычки голова закружилась. Рядом лежали останки Моргрея. В мерзких, развалившихся конечностях я не мог узнать себя. Запах был таким резким, а вид останков столь отталкивающим, что живот мой скрутило, нечто гадкое поползло вверх через горло и вышло рвотными массами.

«И по несовершенствам живого тела я тоже скучал...»

– Ра-а-а-а! – рядом раздался нечеловеческий крик. Я обернулся и увидел чёрных, которые выглядели даже более зловещими, чем представлялось. Морды были заляпаны кровью, а здоровенные резцы торчали из пастей частоколом. Они стремительно сокращали дистанцию. Я рванул к выходу из разлома, пока у нового тела ещё были силы. Чёрные двигались быстро, и вскоре стало ясно, что они вот-вот меня настигнут.

Я свернул в сторону, заметив выступ у бездны, и скатился в овраг. Пальцы скользнули по земле, выводя линии руны первого порядка Лаг – «пахучая приманка». Круг загорелся, и над ним поднялось облако насыщенного аромата.

Чёрные вбежали в облако, и вдруг остановились. Они начали вертеться, вдыхая сладостный запах ноздрями, и пытаюсь найти его источник. Я притаился за выступом, и аккуратно высунул голову. Ораве чёрных понадобилось всего пару секунд, чтобы раскрыть мой обман, и ринуться в сторону моего укрытия.

Пришлось бежать со всех ног к воротам разлома. Хитрость с руной позволила мне выиграть десяток секунд, и эта толика времени играла решающую роль. Горячее, шипящее дыхание смерти за моей спиной становилось насыщеннее. В голове быстро произвёлся расчёт: мне не хватит пары метров, чтобы убежать.

«Нужно действовать!»

Остановившись, я начертил и пробудил на земле руны второго порядка Тейваз – «заслон». Едва заметная глазу синяя энергия поднялась вверх, окутывая полукругом пространство перед воротами разлома. Чёрные неслись на полном ходу, высунув наружу длинные языки, словно гончие. Они не успели остановиться перед заслоном, из-за чего врезались лбами в магическую стену. Страшные морды скривились от злости. Демоны не стали ломиться, а лишь с интересом разглядывали меня через заслон и угрожающе шипели. Я посмеялся:

– Не вышло меня достать, глупые твари?

Ответа не последовало. Демоны просто повернули обратно, и медленно пошли по чёрной пустыне, потеряв ко мне всякий интерес.

«Я был на волоске от смерти! И тело оказалось рабочим, способным пробуждать руны!» – с радостью подумал я. Ноги подогнулись от бессилия. Голова закружилась, и разлом превратился в кружащуюся вокруг меня кашу из тёмных цветов. Я пошатнулся, но сумел устоять. Закрыв глаза, расправил плечи и пару раз тяжело вздохнул.

«Телу нужен отдых. Надеюсь, удастся найти семью мальчика, в чьё тело я переселился, и вжиться в его роль. У меня будет кров и еда. Сейчас это главное»

Изнутри врата разлома были практически такими же, что и снаружи. Единственное отличие – сердцевина с этой стороны была белая, с синими прожилками, словно первый снег накрыл пустошь. Достаточно было поднести к ней руку, чтобы мечущийся поток энергии подхватил моё тело, и пронёс обратно в человеческий мир. На этот раз переход был куда легче: живое тело куда лучше преодолевало иномирскую тягу.

Верхушки елей вяло покачивались на ветру. В глазах рябила зелень, цветы с розовыми и жёлтыми сердцевинами, мохнатые головы одуванчиков, широкие листья папоротника, среди которых на меня смотрели чьи-то голубые глаза.

– Рад! – юноша с уже знакомым мне голосом выбрался из зарослей, подошёл ближе, и крепко обнял меня. Как только он отлип, я оглянул его с головы до ног. По виду чуть старше моего тела. Худощавый, но крепкий. Русые волосы на голове выются, но ближе к корням держатся прямо. Его лицо казалось моложе из-за задорных веснушек, что облепили его нос. Отыскав меня, он очень обрадовался. На глазах выступили слёзы, но юнец сразу отвернулся, чтобы их скрыть. При этом он мельком меня оглядывал, дабы убедиться, что со мной всё в порядке.

– Слава богам, Радомир! Меня бы родители до смерти выпороли, не вернись я с тобой. Как ты сумел сбежать от чёрных?..

Я быстро сообразил, какой легендой надо воспользоваться:

– Они отвлеклись, и я побежал со всех ног к выходу из этой странной штуки, – я указал пальцем на врата разлома, а после показал на свою рваную рубаху для большей убедительности.

– Правда? Бегаешь ты, что надо! А я бы не убежал! Я бы дал бой чудовищам и победил их! – юноша два раза махнул рукой, будто мечом, издав губами дребезжащие звуки. Затем он увидел моё усталое лицо, устыдился, и прекратил. – Пойдем, пока отец нам не всыпал! Да ещё неясно, сколько эти твари там будут сидеть. Могут и выбраться!

«Его опасения насчёт чёрных разумны. Тейваз будет закрывать врата ещё пару часов. Но что будет дальше?..»

Пашка удивился:

– Что это у тебя на руке?..

Я проследил за его взглядом и остановился на своей ладони. От неё по запястью шли сияющие красные линии, будто под кожей у меня разверзся вулкан, а по венам протекали лавовые реки. Сумерки уже охватывали лес, а потому моя светящаяся рана была особенно заметна.

– Дивно как... Это ты как сделал? Тоже так хочу! – возбуждённо проговорил Пашка. С ребяческим любопытством он начал обследовать каждый уголок моей кожи в поисках новых открытий.

– Меня просто ранили. Нужно пару дней полежать, восстановиться, – ответил я, а сам мысленно попытался найти разгадку этому явлению.

«Неужели с новым телом что-то не так? Или, быть может, это последствия проведённого ритуала?»

– Никогда не видел такой раны! А мы ведь их насмотрелись! Помнишь, Неждан всё угомониться не мог и вызвался подраться с чёрными, а когда на них наконец нарвался, то так получил по шее, что родители его месяц выхаживали! Тогда вся деревня собралась на него посмотреть – весь красный, свёрнутый в клубок, как избитый щенок! Вот умора!

– Наверно, моя рана совсем другая... Она не болит, я чувствую себя отлично. Думаю, через пару дней пройдет, не переживай, – успокоил я Пашку, хотя сам испугался.

«Если красные линии действительно являются какой-то магической заразой, то мне нужно быстро найти кристаллы, дабы восполнить силы, и затем найти решение этого вопроса»

Пашка наконец осмотрел меня. С недовольством от того, что рана – единственное чудо на моём теле, он принялся разведывать округу. Остерегаясь врат разлома, внимательно разглядывал окружающие кусты, пытаясь найти там следы чёрных. Забавно было наблюдать, как он представляет себя осторожным следопытом. Но что-то странное замерцало в моих глазах. Пашка, который нагибался у кустов, затем зорким взглядом прицелился шуршащую рядом мышь, расплылся и превратился в серое пятно.

Слабость разлилась по моему телу. Мир вокруг зашатался, раздвоился, после чего взору явились иные планы: безветренные, пребывающие в бесконечном энергетическом хаосе, полные кровожадных чудовищ и меланхоличных духов. Пару секунд – и странное видение оста-

вило меня. Я вдохнул толику воздуха, пришёл в себя. Пашка уже погнался за мышью. Та ловко скрылась в норке, и юноша злобно зарычал сквозь зубы.

«Что произошло? Нечто будто показало мне, насколько велики миры, что скрыты от человеческого глаза! Так ли необъятны внутренние планы?»

Вены на руке пульсировали, боль расходилась по всему телу, и я ощущал, как нечто чужеродное пытается вырваться наружу. При этом сознание становилось спутанным, лихорадка нарастала, как поднимающаяся морская волна, которая вот-вот перевернёт моё новое судно.

– Ладно, давай возвращаться домой, – сказал я Пашке, который нашёл где-то палку и уже начал уничтожать убежище мыши. – Мне и вправду нужно отдохнуть.

– Отдохнуть? – Пашка засмеялся, подошёл и играючи ткнул палкой в моё плечо. – Совсем раскис! А ну давай кто первый до моста. Проиграешь – на заре будешь отмывать свинарник!

И мальчишка, даже не спрашивая моего согласия, помчался в сторону деревни.

«Мыть свинарник?» – подумал я с раздражением. – «В теле мертвеца это ещё ничего, а вот в теле живого человека, у которого работает нюх, то ещё занятие!»

Я начертил на своём колене руны первого порядка Сиг – «скорость». Хотелось насладиться новым телом всласть, опробовать на нём разные руны. И ребяческий вызов – отличная для этого возможность. По коже пробежал лёгкий магический холодок, который придал моему телу лёгкости, а мышцам ног – крепости. Сперва особо не разгонялся, но потом, когда ощутил полный контроль над телом, прибавил ходу. Пашка, который опередил меня на пятьдесят метров, через пару секунд оказался за моей спиной. Я сбавил ход, чтобы разрыв между нами был небольшой, и первым пришёл к финишу. Когда же Пашка вступил на каменную кладку моста, то тут же согнулся, уперевшись ладонями в колени. Он тяжело дышал, как загнанная скаковая лошадь. Я встал перед ним, подбоченившись, и улыбнулся:

– Надеюсь, у свиней ночью будет несварение. Жидкое, говорят, отмывать легче.

Пашка уже восполнил запасы воздуха в теле и весело ответил:

– Но оно и более вонючее! – при этих словах он театрально зажал нос и зажмурился. – А вообще ты молодец, брат. Когда научился так бегать?

«Так значит, мы братья. Нас объединяют кровные узы» – подумал я, глядя в его глаза. – «Неудивительно, что он пришёл искать моё тело прямо к разлому»

Пашка положил мне руку на плечо, и мы пошли к одному из домов. Я старался идти уверенным шагом и делал вид, что деревня мне хорошо знакома, но вместе с тем неотрывно следил за направлением движений брата.

– Обычно я всегда тебя обгонял! – напомнил о своём вопросе Пашка.

– Пока ты спал, я тренировался. Ну, знаешь, закидывал козу на плечи и приседал с ней, бегал ночами по лесу, вдыхал свежий еловый аромат...

– У нас же нет коз! – возмутился брат.

– О, я взял её там! – я указал в сторону хлева, где мне встретила коза-падальщик.

– Ах ты проказник! – засмеялся Пашка. – Правильно, тренируйся. Пускай в этот раз чёрные оказались сильнее, но настанет час, когда мы их одолеем!..

«Чего только не придумает этот деревенский малец! И ведь удивительно, что ребятам никто не дал наказа не приближаться к вратам разлома»

Вид местных натолкнул меня на ответ. В деревне работали все: и дети, и их родители, и старики. Поля, скотоводство, ремесленные хижинки, охотничьи уголья, пекарные дома, рыбацьи гнёзда на высоких сваях – занятий здесь хватало. Через небольшую деревню проходила одна-единственная дорога, вытопанная конями и колёсами повозок. Но несмотря на малочисленность, трудовая деятельность здесь кипела.

Солнце уже скрылось за горизонт. Соломенные клубы, что по бокам выбивались из-под деревянных крыш домов, походило на растрёпанные волосы куртизанки. Некоторые из жилищ окружал неумело выточенный частокол – попытка защититься от демонов. Меж некоторых

домов стояли деревянные идола, изображающие богов. В особенности здесь был популярен идол Ша-Зирры, которую изображали волчицей, вскармливающей дюжину волчат.

«Огромный кусок бесформенной плоти с сотней грудей – слишком отталкивающий образ для людей, пускай он и правдивый. Более романтично представить великую кормилицу в образе волчицы...»

Вскоре мы дошли до родительского дома – типичной деревенской хижины, за которой находился огородный участок и небольшой хлев с двумя загонами внутри: для свиней и куриц.

– Только не говори, что мы ходили к той штуке, а то нам обоим влетит... – сказал Пашка, от страха пощипывая кожу на руке. Вскоре я понял, почему он так волнуется. На пороге нас встретил серьёзный отец. Его и без того крупную челюсть окаймляла пышная борода. Кустистые брови придавали лицу внушительности и животной силы. Он был широкоплеч, с натруженными, чёрными от въевшейся грязи ладонями. Вены синим буграми проступали на его предплечьях, а сухие узлы мышц тянулись по всей ширине рук. Вид у него был усталый, но решительный.

– Радомир! Пашка! Вы где были, негодники?! – спросил он, подбоченившись. Вид его мощных кулаков заставил Пашку съёжиться.

– Да, пап... Мы с Гришкой гуляли в лесу. Загулялись... Но ничего страшного не случилось, – ответил он, с трудом выговаривая слова. Мужчина перевёл на меня грозный взгляд, заметил мою рваную рубаху, покачал головой и снова взглянул на брата:

– Ты, Пашка, в ответе за младшего. Почему его рубаха порвана? Кто её должен зашивать? Мать? По-твоему, у неё и так хлопот маловато?

– Нет, пап. Просто... так получилось! – чуть не плача ответил Пашка.

– Об этом мы ещё поговорим. А сейчас в дом, пока по шее не получили. Ужин стынет.

Руками он обнял нас за плечи, и мы прошли внутрь. Дом выглядел благородно-бедным: чистым, без лишнего хлама и ненужных побрякушек, которыми так любят обставляться зажиточные торгаша. И всё же здесь не было той комфортной роскоши, к которой я привык на закате своей прошлой жизни.

«А ведь когда-то у меня был собственный дворец с пятью обеденными залами, тремя туалетами, двумя отдельными резиденциями для гостей и одной для иностранных дипломатов. Но то прошло»

Оконный проём закрывал натянутый через раму коровий пузырь. Через его мутную поверхность я видел снаружи еловый лес, который поднимался к горам. Деревья не отваживались расти выше подступов каменных великанов.

– Быстренько ешьте и спать, – мать вышла из продольной комнаты и поставила деревянную тарелку с пареными овощами на стол. От посуды шёл характерный еловый запах, который сбивался лишь запахом копоти и сдобы. На стенах были прибиты полки, на которых выстроилась в ряд посуда: тарелки из ели и оловянные горшки.

Я лучше рассмотрел мать. Она была миниатюрной, темноглазой, стройной и улыбчивой. Красивые каштановые локоны вились, словно спадающие вниз горные реки. Улыбалась она через силу, но глаза не ввали: она рада и тому, что имеет.

Мы расселись на табуретах вокруг стола. Небольшая щепка горела на металлической подставке, освещая комнату. Сама же подставка стояла в глиняной чашке с водой, куда и опали угольки. За окном была сплошная чёрная пелена, среди которой мелькали скудные огни в окнах деревенских домов. Кусок копчёного сала остывал в большой посудине рядом со щепкой. Отец разделил его на всех: детям кусочки поменьше, а себе и своей женщине равные.

– Пришлось зарубить пороса. Того и гляди, утащат его чёрные, – сказал глава семейства, пока женщина раскладывала кусочки сала по тарелкам с овощами. – Ладно, дети... – устало продолжил он. – Помолимся богам, чтобы они сделали нашу участь сносной. В королевстве нынче тёмные времена, но у нас есть крыша над головой и пища. А о другом и мечтать не стоит.

Они начали перечислять имена богов в молитве. Воспоминания о жутких тварях заполнили мою голову. Геммон – бог перевоплощений, Йктар – крылатый судья, Вуль'грахот – бог бездны и смерти, Ша-Зирра – великая роженица, Лалейра – богиня тайн и судьбы... Имена проклятых, что восседают на вершине горы.

– Никогда не забывайте, дети, пантеону богов нужно молиться ежедневно. Это они возводят на небосвод солнце. Это они посылают на небо дождь, который питает землю. Это они видят наши горести и радости, и вечно нас судят, решают, кому какая судьба предрешена. Чтить богов – наш удел, – произнесла мама нежным голосом.

Отец во время её речи довольно кивал, после чего приказал всем начать молитву.

– Одарите нас своей милостью, небожители! Дайте своим рабам надежду на завтрашний день, позвольте дышать свободно и спокойно, и наслаждаться вашими дарами! Мы вверяем свои жизни в ваши руки!

Я повторял молитву со всеми, тихо коверкая её слова, а внутренне вскипал от гнева.

«Они поклоняются тем самым лжебогам, с которыми мне приходилось биться за благо людей!»

Очевидно, чудища оказались хитрее. Они смогли подчинить людей, захватить власть над их разумом. После молитвы я решил проверить, насколько божественные черви прогрызли мозги семьи:

– А вы когда-нибудь слышали о короле Моргрее?

– Мор... что? – удивилась мама.

– Какая-то ахинея. Где ты услышал это, сын? – возмутился отец.

– Я тоже о таком не слыхал. А когда он правил? – с любопытством спросил Пашка.

«Они ничего не знают. Хаггеш говорила, что теперь меня считают мятежным королём. В деревнях же, как видно, моё имя смело порывом времён. Зря я надеялся на почитателей, что ждут моего возвращения. Иннокентий был безумцем в единственном числе»

Как только поужинали, отец отправил нас с Пашкой спать. Вторую комнату спальни можно было назвать с натяжкой. У печи стояло несколько кроватей: родительская, и наша с братом. В темноте я не сразу понял, куда идти. Брат взял провёл меня к нашей кровати, сам лёг у стены, а мне предоставил место ближе к выходу. Места было мало, и вскоре я понял, что лежу на циновке с настилом из сена. Лунный свет, будто призрачное, неземное полотно, проник через окно в спальню. Глаза мои начали понемногу различать обстановку. Глиняная печь, в которой остывали угли после готовки, согревала моё тело. В углу спальни стоял покосившийся шкаф, в котором моль догрызала одежду. Вскоре родители улеглись у печи. От отцовского храпа содрогались стены, а мама спала тихо, укутавшись под настил, и совсем не замечала своего громкого соседа.

Пережитые за последнее время события так будоражили мой разум, что спать было невозможно. Я думал о том, как попасть в Стальград. Думал об этой странной болезни, что въелась в моё тело.

«Первоматерия, столь ненавистная мне, стала моей частью. Скверна подобная той, которой страдают одержимые. Как только она развернётся в полную мощь, не останется ничего от настоящего меня. Но откуда она взялась?.. Одержимым я мог бы стать, если бы во мне остался жив Крандос!»

Отцовский храп раскачивал стены, заставляя петь углы и откосы. Этот хор из треска, сопения и гортанного рыка сотрясал пол и заглушал мои мысли. Но усталость помогла, и через минуту я провалился в объятия сна.

– Просыпайтесь! Твари идут! – крикнул снаружи чей-то мужской голос. Я открыл глаза, пытаюсь прийти в себя. Короткий сон позволил восстановиться лишь частично. Пашка же не

торопился просыпаться: он ворочался в постели, считая происходящее дурным сном. Отец сразу вскочил, закончив храпом пытать хижину, затем поднялась и мать.

Я смотрел из мутного окна за происходящим. В деревне мелькало несколько факелов, которые следовали от дома к дому. Через минуту на улице уже образовалась суетливая толпа, которая будила оставшихся жителей деревни. Зажигалось всё больше деревянных голов, вымазанных в смоле. Их свет отодвигал от земли ночной навес. Из сараев и хлевов мужики хватали кустарные копья, грабли, серпы. В ход шло всё, что помогло бы отразить внезапную атаку. По деревне прокатывались крики от одного её края, до другого, созывая всех боеспособных мужчин в ополчение. Затем раздался женский вопль. Он был продолжительным, с каждой секундой усиливался, в конце став душераздирающим.

Глава 8. Древний инстинкт

Отец побежал в хлев, чтобы снарядиться. Он натянул на себя нелепый доспех из потёртой кожи, схватил копьё, надел ржавый шлем с ушами и дырой на затылке. Мать обеспокоенно смотрела, как глава семейства собирается, и не смела возразить. Она лишь прижала обе руки к груди в молитвенном жесте.

Мы стояли на крыльце дома, провожая отца – новоиспечённого бойца. Пашка чесал глаза после сна и ещё толком не понимал, что происходит. Перед уходом отец потрепал нас по головам, поцеловал страстно маму, как в последний раз, и присоединился к другим, которые как раз пробежали мимо нашего дома с криками:

– Туда! Туда! Хватайте оружие! Крики шли из дома Фроськи!..

– Идите спать, дети... Мы им ничем не поможем, – сказала мать, пытаясь загнать нас с Пашкой обратно в дом.

– Но как же отец?! – возмутился брат.

– Вы ещё слишком малы, – ответила она, тяжело вздохнув.

Пашка ни на миг не сомневался. Он был настойчив, хоть и слабо понимал, на что идёт.

– Нет! – ответил брат и топнул ногой.

«Мы достаточно взрослые. А боевой опыт отсутствует здесь и у молодых, и у старых»

Мать с сомнением посмотрела на нас, и тогда я взял слово:

– Что, если отец не вернётся домой? Что, если они не выстоят? Мы должны присоединиться и помочь им отбить поселение у демонов!

Деревня должна была стать моим временным убежищем. Я имел личный интерес в её защите.

Мать опустила голову. В её душе на одной чаше весов был страх за мужа, на другой – страх за детей. Наша с Пашкой настойчивость взяла верх.

Уставшая женщина едва заметно качнула головой, после чего мы побежали к хлеву. Брат схватил вилы, а я выбрал более удобное оружие – мясницкий нож. Пашка засмеялся:

– С таким оружием придётся лезть на голову чёрным. Не боишься?

Я помотал головой.

«Ещё не понимает, что лучше взять оружие поменьше, если силёнок маловато. Один неуклюжий взмах, и быстрый демон его тут же настигнет»

Однако я не стал настаивать. Мне нужно было играть роль его брата, а не закалённого в боях воина.

Как только вооружились, полем побежали к дороге. На улицах уже никого не было. Женщины и малые дети заперлись в домах. В окнах погасли огни. Вдалеке сияли огни факелов, за которыми раздавались мужицкие крики:

– Я с ними разделаюсь! Одним махом!

– Да ты неуклюж! На ровном месте упадёшь!

– И всё же мы раздавим этих иродов!

Пятнадцать ополченцев, что храбрыми вскриками пытались подначить друг друга на смелость. Среди них был наш отец.

Вид у вчерашних земледельцев был до того несуразный, что я едва сдержал смех. Беззубый старик, к груди которого был привязан каркас бочки, едва стоял на ногах. Другой боец как оружие использовал деревянное ведро, дно которого ломилось от камней. Ещё один, самый смышлённый, нацепил на голову чугунный котёл и при беге врезался в каждый столб.

Мне представилось, как этот выездной цирк гастролирует с успехом по деревням, и набивает кошелек медяками хохочущих зрителей. Но смех как рукой сняло, когда я представил, как им тяжело приходится.

«Над чумазым народом можно потешаться сколько угодно, пока не окажешься в его шкуре»

Скоро чёрные дали о себе знать. Их нарастающее шипение раздавалось по всей деревне, словно предгрозовой гул. В ночи демоны были едва различимы. Казалось, тени проскальзывают меж домами, вынюхивают добычу, наносят смертельный удар и снова прячутся в укромной тьме.

Сперва ополчение выдвинулось к низине на севере деревни – оттуда доносился вой чёрных. Здесь на сваях стояли рыбацкие хижины. За ними покоилось озеро, у берега которого скрежетали кузнечики и стрекозы.

Перед хижинами лежал мёртвый крестьянин. Соломенная шляпа лежала чуть поодаль, рядом с тюком пшеницы.

Один из ополченцев перевернул тело рукой, и мы увидели рваную рану на груди мертвеца. Всё говорило о том, что чёрные торопились, и даже не попробовали жертву на вкус.

– Опоздали! Ловкие твари! – плюнул на землю один из ополченцев. Позади нашей группы раздались крики людей. Отряд вновь отправился в путь. Деревня была крохотной, из одного её конца в другой можно было добежать за пару минут. Потому нам не составило труда быстро добраться до колодца, откуда и шли крики.

На месте не было ничего необычного. Лишь бархатная синяя ленточка лежала в траве, да рядом валялась полупустая бадья воды. Отец взял ленточку и сказал, осмотрев её:

– Это завязка Агнии!.. А где сама девочка?

Ополченцы огляделись, стоя на месте, сбились друг к другу, как испуганное стадо овец. Ветер затряс ветви деревьев. Вокруг, среди сумеречной дымки, поднялся шелест. Храбριвшиеся ополченцы стали тише воды.

У колодца трава была примята, на земле виднелись следы когтей. Ополченцы же всеми силами не замечали улики.

– Чёрные! Они утащили её в лес! Побежали скорее, дадим им по макушкам! – крикнул брат, с трудом подняв вилы к небу.

– Не глупи, сын, – отец свёл брови к переносице и со всей строгостью покачал головой.

Пашка понуро склонил голову.

«Если продолжу бегать с ополчением, то никого спасти не удастся» – подумал я. – «Чёрные слишком хитры, чтобы сражаться лицом к лицу с крестьянами. Они будут утаскивать людей поодиночке. Хотя с такими противниками бояться им нечего» – я взглянул на мужчину с котелком на голове. Из его «шлема» доносился голос:

– Что там такое? На нас напали?

В тот же момент из кустов выпрыгнул чёрный, по виду даже среди своих собратьев отличавшийся безумием. Его выпученные глаза смотрели на ополченцев с вызовом, а морда, как и когти, была вымазана в крови.

Отряд отшатнулся назад, словно колосья в поле прижал сильный ветер. Старик, что использовал часть бочки как кирасу, потерял ботинок, попытался его поднять, но рухнул на спину. Он напоминал перевёрнутую черепаху, которая попала в западню из-за своего панциря.

Ополченец с котелком на голове услышал шипение чёрного, поднял деревянную киянку и побежал в неизвестном направлении. Остальные щебетали, пытаясь спровоцировать друг друга.

– Ну давай, Афанасий! Это же ты бахвалился в кабаке, что ничего не боишься! Тут-то коленки у тебя трясутся. Мож-то не словом, а делом докажешь?

– Так, народ... Я, кажется, сынишку забыл у реки. А ещё у меня корова в поле гуляет. В общем, дел много, – Осип-Балбес захотел выбежать из толпы, но отец крепкой рукой вцепился ему в шиворот, и затащил его обратно.

– Нет у тебя никакого сынишки, и уж тем более коровы. Знаю я, как ты недавно хотел продать нас за городскую жизнь! Весь оброк вывез! А ну, иди бейся! – крикнул отец, пнув Осипа к демону. Тот упал перед чудищем, уставился на зубастую пасть, с которой капала слюна, и пополз обратно к толпе.

Чёрному надоело ждать. Он ринулся без страха, как остервенелый от голода дикарь. Я сделал отскок в сторону, свистнул, привлекая внимание демона, и сделал рывок. Руки твёрдо сжимали рукоять ножа. С демоном мы пролетели мимо друг друга, и приземлились по разные стороны поляны.

Он взвыл, сделал пару шагов, собираясь нырнуть в лес, но тут же рухнул среди травы. Багровая кровь окропила зелень.

Сперва я увидел непонимающий взгляд брата. Затем – ополченцев, что радостно выплёвывали похвалу в мою честь:

– Бесстрашный мальчика!

– Вот это да! Вот это правда! Герой подрастает!

– А я был поискусней в молодости! Вот если бы колено не ныло, я бы эту тварь так шарахнул!.. – произнёс старик-черепаха, которого уже подняли на ноги.

Они обсуждали мою победу до тех пор, пока на другом краю деревни снова не послышались крики. Отряд помчался на зов. Я сделал вид, что бегу с ними, но вскоре затерялся среди теней хижин. Толпа была подобна летящему на огонь мотыльку – её манил свет собственной гибели.

Собрался с мыслями, и раскинул сеть магических каналов по округе. След первоматерии вёл в лес.

«Насыщенная демоническая сила... Там орудует целая стая демонов»

Я сжал рукоять ножа и вступил за стену елей. Было тихо: ни криков птиц, ни шелеста листьев. Лишь моё дыхание, да сердцебиение, отбивающее барабанную дробь.

«Тело неподготовлено. Оно не выдержит серьёзных повреждений. Рисковать нельзя» – подумал я и решил пожертвовать маной. Пробудил на теле руну Эльгиз – «защитный покров». Едва заметная глазу магическая плёнка обволокла мою кожу.

– Отстаньте, черти! Вы у меня ещё попляшете!.. – крик девочки доносился из чащи. Её комариный писк не прекращался, и этим он отлично помог её выследить.

Я скрылся за кустами, выглянул. Девочка бежала через лес с особым проворством. Она путала демонов, огибая кусты, деревья и меняя направление бега, как хитрая лисица. Чёрные мчались во весь опор, но их могучие тела сдерживали пышные ветви елей.

«Должно быть, Агния» – подумал я.

Её побегу пытались помешать: могучие корни, торчащие из земли, спрятавшиеся в зелени овраги, хитрые камни, которые норовили удариться о ногу девочки. Рядом, среди стволов и крон скакали тени с жёлтыми глазами.

К счастью, сам я остался незамеченным. У меня было время, чтобы спокойно продумать план действий. Девочка отлично отвлекала чёрных.

«Их здесь больше шести. Нужно использовать сильную руну, чтобы одним ударом уничтожить всю стаю»

Держась среди чащи, я обогнал девочку. От чёрных моё тело держалось на расстоянии, притом они были слишком заняты поимкой добычи. Перемахнул через упавшее дерево и затаился в кустах.

Девочка без труда перепрыгнула через препятствие. Я выскочил из укрытия и быстро нацарапал ножом на коре руну Исхейм.

Послышался едва заметный шорох, а затем округу окутало шипение. Тени прыгнули вниз, и армия жёлтых глаз поплыла в мою сторону. Я улыбнулся:

– Похоже, вам попалась добыча посерьёзней, – я властно усмехнулся и прислонил ладонь к начерченной руны. По линиям побежал синий огонёк, и сразу погас. Чёрные продолжили надвигаться.

«Что случилось?!» – тело охватила дрожь, на спине выступили холодные капли пота. Жёлтые огни уже облепили меня со всех сторон. Я стоял в окружении, сжав рукоять ножа.

«Поторопился я с героической речью. Они разорвут меня на части!»

На меня набросились сразу три демона. Остальные в это время пробрались за спину, рассредотачивались по бокам, закрыв все пути к отступлению.

Я не оставил попыток выжить. Дрожащие пальцы начертили руны второго порядка Уруз – «сила» с молниеносной скоростью. Её линии запылали синим светом, после чего прилив сил охватил моё тело.

Под кулаком хрустнул череп ближайшего демона. Двое других достигли своей цели: они отбросили меня в сторону, но удары их могучих лап сдержала защитная пелена.

Увидев мёртвого собрата, чёрные стали осторожнее. Это дало мне время, чтобы принять боевую стойку и начать двигаться в сторону, чтобы закрыть от демонов тыл. Но они следовали за мной неотступно, и сжимали кольцо окружения.

Лунный свет пробивался сквозь еловые ветви, и освещал их страшные морды. Жёлтые глаза горели, словно железо в горне кузнеца. Следующий из них зарычал и сделал прыжок. Отставив правую ногу, я развернул корпус и сделал быстрый взмах ножом. Тварь пролетела мимо, но задела мой бок когтями – руна сдержала удар.

С лезвия ножа закапала кровь. Я посмотрел назад. Чёрный вытянул своё туловище, жалобно провыл и растянулся на земле. Из его рассечённой шеи захлестала кровь.

Демоны продолжили наступать. Теперь они не использовали прыжков и резких движений.

«Быстро научились на опыте павших собратьев»

Я запаниковал: если они облепят меня со всех сторон, то защитный покров точно не выдержит.

«Выхода нет. Тело слишком слабо. У меня просто не хватило времени, чтобы вернуть былую силу и навести порядок в своём королевстве» – я стиснул зубы. – «У меня остался последний шанс: та сила, невольником которой я стал. Как её пробудить?..»

Я ринулся на одного из демонов, а остальные словно того и ждали. Они кинулись на меня всем скопом, когтями разрывая магический щит. Руна выдержала ещё пару ударов, после чего пелена рассеялась, и телу пришлось ощутить всю боль кровоточащих ран.

Мои слепые удары изредка попадали в глаз, в шею, в ногу очередного демона. В пылу схватки боль быстро забылась. Забылось всё. Даже то, что я человек.

Один из чёрных встал на моём пути. Я бесстрашно ринулся на него, и ударил снизу-вверх. Лезвие пробило череп насквозь, и застряло внутри. Слева подоспел другой. Я схватил его руками, бросил на землю, и ногой сломал ему хребет.

Медленным, непрекращающимся потоком чужеродная сила наполняла мои вены. Мышцы окрепли, разогрелись, стали источать пар, будто я вылез из горячего источника.

Красная пелена застлала глаза. Демоны одновременно напрыгнули, совершив смертельный удар. Я сумел вовремя согнуться, и откатиться назад. Но шквал не прекращался. За одним ударом следовал ещё десяток. За одним демоном – остальные. Я чувствовал уже не столько усталость, сколько разочарование.

«Неужели этим тварям не будет конца?..»

Знак Уруз начал тлеть от истощения маны. Сила уходила из моего тела, вновь превращая меня в обычного деревенского юношу.

Я сделал последний вдох. Воздух обжигал мои лёгкие. Выдохнув, непроизвольно издал дикое рычание. В сознании появилась навязчивая мысль: моя миссия не может закончиться здесь!

Клыки чёрного впились в плечо, из-за чего мозг окутала болезненная вспышка. Перво-материя прошла волной по коже, после чего руна Уруз запылала красным светом.

Разумом овладел древний инстинкт: **УБИТЬ.**

Глава 9. Взгляд

Дьявол задыхается в глубине, рвется на волю, просит жизни. И все очевиднее становится для человека, что это душа его просит воли, что рвущийся из-под крышки дьявол – это и есть он сам.

Викентий Вересаев

Налившиеся силой пальцы сдавили глотку демона. Приятный хруст разломавшегося кадыка заставил губы изобразить подобие улыбки. Тело демона грохнулось о ствол дерева, как безвольная тряпичная кукла.

В один шаг я перемахнул поляну. Под моим ботинком голова чёрного превратилось в месиво из костей, мозгов и жидкости. Другой напрыгнул сзади, и вцепился когтями в мою грудь. Его тело для меня не обладало тяжестью, а боль лишь раззадоривала мой звериный нрав.

Я схватил его за лапы, перекинул через себя и прижал к земле. Челюсти, что были не в силах противиться моей мощи, медленно раздвигались, пока голова демона не разделилась надвое.

«Вот оно, спасение! Битва! Она бессмысленна, как сама жизнь. Она красива! Она наносит раны и пробуждает во чреве восторг, когда гибнут враги!»

Последние четыре демона отползали с места битвы, предупреждая на меня рыча.

– Что, уже уходите?! – крикнул я и удивился демоническому эху, что вырвалось из моей глотки. Оно подняло стаи птиц с верхушек деревьев. Я упивался страхом, и чувствовал себя хозяином на поле боя.

Лежащее рядом бревно показалось мне лёгкой палкой. Один взмах, и все четверо отродий с жалобным визгом разлетелась в разные стороны.

И не было им секунды покоя. Одному я раскрошил череп, другому пробил грудную клетку, третьего схватил за ногу, и, как грязный ковёр, выбил об землю. Четвёртый остался на десерт.

Я вытащил лезвие ножа из морды чёрного. Выживший в это время принялся бежать.

Безумное биение сердца, прерывающееся дыхание, суетливая работа всеми конечностями. Я чувствовал демона, знал, куда он пытается спрятаться, будто мы были неразрывно связаны с ним братскими узами.

Лезвие ножа сорвалось с моих пальцев. Со скоростью арбалетного болта оно вошло в его затылок, и вылетело через глаз. Туша рухнула, проехала мордой по траве, и затихла.

Тело тянуло меня к земле, словно его придавливали свинцовые гири. Чужеродная сила оставила меня.

По руке расходилось жжение, будто меня ужалила тысяча ос. Красные линии стали ярче, и протяжнее; они были подобны потоку воды, который проделывает новые рывины. Раны затянулись мгновенно. Но в душе разливалось неприятное ощущение.

«Я потерял разум... Я...»

Рухнув на землю, я смотрел на небо и улыбался. По нему плыли тёмно-синие линии, напоминающие пустынные холмы. Бледная луна была живописно прекрасна: её окружала пушистая грива облаков, в которой отражался калейдоскоп цветов: красных, синих, коричневых, жёлтых. Закат отгорел, но напоминал о своей недолгой жизни блеклыми красками. Ночное светило, пользуясь временной свободой, опустило белый подол вниз, и в лесу стало куда светлее.

Слабость едва не погрузила меня в сон. В округе не было отклика первоматерии, но рядом стучало ещё одно человеческое сердце.

«Девочка?.. Точно. Ведь я сражался, чтобы спасти её и саму деревню»

Открыл глаза, с трудом поднялся и подошёл к кустам, из которых доносилось слабое биение сердца. Среди ветвей лежала девочка в простом крестьянском платье, подвязанном шнурком. Она тяжело дышала, держась за тёмное пятно, что наливалось кровью. Я присел рядом, и слегка надавил на рану, чтобы остановить кровь.

– Надави посильнее, – сказал я.

Девочка пронзительно посмотрела мне в глаза. Пока она сдерживала кровь, я оторвал рукав своей рубахи и сделал ей перевязку. Это не сильно помогло: рана была слишком большой, и кровь никак не хотела останавливаться.

Тело моё было истощено. Оставались крупички маны – такие ценные и такие жалкие.

Взгляд девочки, задающий немой вопрос, казался мне знакомым. Память пробудилась, и я наконец вспомнил, что таким взглядом смотрела на меня девочка в снегах племени Хейднов.

Племя Хейднов

Следуя со своей свитой по захваченному племени, я видел кучи трупов, что громоздились до самых крыш. Под них дикари подкладывали хворост. Вдалеке завывал ветер, поднимая снежные клубы. Места здесь были холодные: повсюду, куда ни посмотри, простиралась ледяная пустошь. Буйволы прекрасно были приспособлены к такой погоде. Мы забрали их у племени, и теперь я не сомневался – войско будет обеспечено мясом.

Проходя далее, я видел у разграбленных алтарей ряды женщин побеждённого племени. Красные, заплаканные лица опустились, когда подошёл ближе. У одной из женщин под боком была маленькая девочка. Она жалась к маме и непонимающе смотрела на сваленные в кучу трупы. Затем её пронзительный взгляд устремился на меня.

– Отец! Хальфрик предлагает с ними «позабавиться». А я думаю, что ни к чему марать себя о чужаков. Убьём их и дело с концом, – родной голос прошёлся ножом по сердцу.

Я обернулся и увидел своего сына. У него были те же любопытные глаза, что и у девочки. Но они видели жестокость, и теперь отражали её в своей глубине.

– Жестокость ради жестокости. Не трогайте их, – ответил я, но вдруг увидел в его зажатых пальцах длинные волосы, на конце которых свисала отрубленная голова.

Круг руны Берк – «стягивание ран», сиял красным на её боку. Надрез, совершенный когтем чёрного, быстро обрастал коркой. Сердце девочки успокоилось, а пот прекратил градом катиться с измученного лица.

«Кажется, получилось...» – я попытался встать, но ноги не слушались. Сердце резко кольнуло, и замерло. Во рту почувствовал металлический вкус. Сгустки крови сорвались с губ, и обагрили рубаху, после чего глаза мои закрылись. По щекам пробежала щекотка: то ли от травы, то ли от косы девочки.

– Радомир! Брат! Ты живой? – послышался знакомый голос. Следуя нему, как путеводной звезде, мне удалось вернуться из небытия и открыть глаза. Рядом сидел брат, который испуганно тряс меня за плечи. За ним стоял отряд ополченцев. Факельные головы трещали, разгоняя тьму.

– Отец, он жив! – крикнул Пашка и обернулся.

– Хвала богам! Сердце бы моё не выдержало этой потери, – отец вздохнул, присел и устало улыбнулся. Затем он глянул на мою плающую скверной руку, подняв брови. – А это что за зараза?

– Меня ранили, – прохрипел я, вглядываясь во встревоженные лица.

«Не заподозрили ли они?..»

Все молчали, и недоумённо глядели на мою руку. Отец пожал плечами:

– Ну, рана так рана. Всякое бывает, – внезапно он стал сентиментальным. – Что мы будем делать, если тебя не станет? У нас тут не город, спасения нет! Никто лечить не будет! Береги себя, сын, и не лезь больше в переделки!

– А то кто будет работать в поле?! – серьёзно выкрикнул Пашка, и ополченцы в один голос засмеялись, приговаривая: «Малец-то дело говорит!»

Хотя тело ныло от боли, а дышать удавалось с трудом, я не сдержал смех. Девочки уже не было. На земле осталось лишь несколько капель крови.

– А где девчонка? Она жива? – спросил я.

– Агния? Так её ж ведь чёрные утащили! Жаль, ничо не поделаешь, – сплюнув на землю, произнёс старик-черепаха. – Постоянно кто-т-то умирает или теряется. Ничо не поделаешь!

«Если бы сюда явились демоны, то я бы уже не проснулся. Значит, убежала»

– Смотрите! – сказал Пашка, выхватив факел у отца и пробежав по лесной чаще, заваленной телами чёрных. Ополченцы остолбенели от ужаса. Они с опаской смотрели на растерзанные тела, боясь к ним приблизиться. Наконец, отец первым проявил храбрость – взял с земли веточку и принялся тыкать ей в трупы. Демоны не шевелились. Тогда ополченцы присоединились к отцу.

– Как такое возможно? Такую ораву не одолели бы даже гвардейцы Григорьевых!

– Такое под силу лишь группе светоходов... Говорят, они те ещё мастера бороться с тварями, – перекидывались они словами.

Как только я услышал догадку ополченца, то поторопился её поддержать. Версия отлично ложилась на произошедшее.

– Здесь проходила группа светоходов. Как он бились!.. Бросились на чёрных и стёрли их подчистую!

– Ого! – в один голос промычали трое ополченцев. Мои слова подбросили дров в огонь их беседы.

– А у меня знакомый в светоходах ходит! Мож эт-то он и был, кто-ж знает?

– Да надо тебе рассказывать? Светоходы с такими лопухами не водятся!

– Сам ты лопух! Не тебя ли на прошлой неделе петух клюнул? Не тебя ли коза чуть не забодала? Вот и молчи, увалень!

Суетливый переполох прервали слова Пашки:

– А я не верю! Радомир просто очень скромный! Помните, как он расправился с чёрным у колодца? Это он всех убил! Такой вот мой брат – прирождённый светоход! И я тоже!

«Он меня погубит!» – я затаил дыхание, и смог лишь выдавить неуверенное:

– Глупости! Ну разве я бы смог?..

Подул лёгкий ветерок, играя лесную музыку клубами листьев. Птицы вдали отрывисто верещали, будто предупреждая о чём-то друг друга. Поляна наполнилась хохотом. Особенно ехидные подшучивали:

– Маньяк растёт! Надо бы с ним быть поаккуратнее!

– Мальчишка, конечно, хорош. У колодца он себя показал отважным воином. Но чтобы победить целую стаю... Нет, в такие сказки мы не верим. Верно, всё дело в светоходах! – вытянув указательный палец вверх, заключил старик.

– Народ! Слушайте! – раздался крик со стороны деревни. К нам подбежал тощий, долговзый мальчишка, лицо которого вдоль и поперёк было изрезано белёсыми шрамами. – Демоны из амбара всё растащили! Тока дырявые мешки остались!

– Что ты говоришь, Неждан? Все чёрные здесь валяются! – указав на гору мертвых тварей, ответил отец.

– Так идите и сами проверьте! Старейшина чуть не вешается! Куры-то и поросся, которых утащили, его были!

Мальчик побежал обратно, выплёвывая слова:

– Ха-ха, дебил! Зря он меня жизни учил. Это ему награда.

Толпа ополченцев с выпученными глазами рванула к амбару. Я едва поспевал за ними, волоча измождённое тело. Когда прибыли, увидели выломанные ворота. Внутри – рассыпанное зерно, куриные перья и свиное копытце. В маленькое чердачное окно пробивался лунный свет, выхватывающий из темноты черенки вил, да запылённый тулуп.

Рядом стоял старейшина. По багровым щекам, исполосованным морщинами, текли слёзы. Он глянул на прибежавших ополченцев, затем на выглядывающих из домов женщин и детей, и остановил взгляд на пустом амбаре.

– Что мы дадим Мстиславу?! Завтра он прибывает за оброком!

Вся деревня собралась у разграбленного амбара. Выкрики, суетливость, раздражённость: деревенское совещание напоминало курятник в отсутствии петуха-надзирателя. Когда же жителям стало ясно, что слова ничего не изменят, то они замолчали. Кто-то разумный прошептал:

– Надо бы погибших подсчитать...

Новое дело разогнало скорбное уныние, пускай и было оно под стать гробовщику. В числе ушедших – двое мужчин и одна женщина. Судьба Агнии осталась для них загадкой, ибо все до сих пор считали, что её утащили демоны.

Тела сперва обмыли в реке, после чего плотник притащил к берегу плетёные бечевой плоты. Их украсили волнистыми символами и цветами. После у ног мертвецов подожгли лучины, и отправили их вместе с плотами в плаванье.

Течение было спокойным. После смерти лица покойников выражали ужас. Сейчас, когда луна обдавала их холодным сиянием, они казались умиротворёнными. Вскоре огонь перекинулся на связанные еловые колья. Пепел развеивался на ветру, и опадал чёрными клубами в воду.

– Я им завидую, – уныло проговорил старейшина, стоя на берегу. – Они отправились к богам, а мы останемся наедине с бедами.

«Знай, к каким богам вы их отправляете, мёртвые предпочли бы никогда не умирать. До чего жуткие, наглые, мерзкие морды!»

– Пусть же прах наших людей поднимется в небо, к подступам божественных чертогов!.. – крикнул старейшина деревни, и воздел руки к тёмному небосводу, на котором зажигались звёзды. Рядом раздавался плач женщин. Слова успокоения, поддержки, проклятия на головы демонов – всё смешалось в ночи.

– Как думаешь, откуда они вообще взялись, эти демоны? – спросил я у Пашки, который заморожено следил, как горящие плоты уходят под воду.

– Не знаю, – ответил он и пожал плечами. – Возможно, это проделки каких-нибудь злых божеств, о которых мы не знаем.

– А что, если небесный пантеон это и есть злые боги?

– Быть такого не может! Родители рассказывали мне, сколь многое они для нас сделали. Боги убирали плохих правителей, спасали наши земли от сухостоя... от наводнений спасали, и от других напастей! Мне кажется, что и от демонов они нас спасут!

Я промолчал.

«Глупость, переданная с молоком матери, неистребима. Впрочем, ему лишь забили голову»

Мы вернулись домой и сразу отправились спать. Мама с отцом ещё долго сидели за столом, обсуждая, что теперь будет с деревней и нашей семьей.

– Надо убираться отсюда! Брать все пожитки и убираться, пока деревня не превратилась в выжженое поле! Ты ведь слышала, что произошло с южными деревнями? Сейчас там мертвополье! – кричал отец.

– И какие, интересно, у нас пожитки?! У нас и есть-то всего пару серебряников! Где ты на такое состояние собрался жить?!

Отец ругнулся себе под нос, замолчал. С угрюмым лицом он вышел из дома, ушёл в неизвестном направлении. Мама же сидела на своём месте, задумчиво ковыряя ножом пустую тарелку.

Пашка никак не мог успокоиться и долго ворочался у меня под боком. Я начертил на его плече руну Манн – «сон», пробудил её, после чего мальчик засопел.

По улице шёл мелкий дождь. Сперва он барабанил по струнам моих нервов, а затем превратился в колыбельную. Дом окутала приятная свежесть.

Сладкие грёзы разрушил резкий звук.

«Опять нападение?.. Как же хочется выспаться! Были свои прелести в прозябании в холодном гробу...»

В окне ещё царила ночь. Пашка спал мертвецким сном. Мне стало интересно, что происходит. Я аккуратно выглянул из комнаты. На столе догорала лучина. У стены шатался пьяный отец. Задев рукой полку, он скинул её с гвоздей, и глиняная посуда с грохотом разлетелась по полу. Чуть правее от действия стояла мать, грозным взглядом целя в отца.

– Что в этот раз?.. – проговорила она, вздыхая.

– Да ничего!.. – отец икнул и устался в пол. – Я не справился... Моя семья... – он со свитом выдохнул. – Всё пропало. Ты понимаешь, моя любовь? Боги оставили нас! Мы прокляты!.. – он упал на плечи женщины и расплакался. Мать же застыла, склонив голову, и тем же устало-сердитым взглядом сверлила стену.

Я шлёпнулся обратно на циновку. Какое-то время спал. Затем вдруг проснулся. Мерцающий свет лучины продолжил исходить из комнаты, завлекая меня, как морская сирена. Мать уже спала на печи.

Встав, я вновь выглянул, повинувшись любопытству. Картина трагичная: окунув исполинские ладони в волосы, отец сидел за столом, и вяло постанывал. Рядом, словно молитвенный алтарь, стояла пустая бутылка. Как только щепка погасла, комнату охватила тьма. Раздался громовой храп.

Глава 10. Горький триумф

Капли стучали по крышам, задорно подпрыгивали, а затем скатывались по откосам в корыта. Над верхушками елей стояла густая пелена, зелень наслаждалась холодной росой и дождём.

Нас разбудил радостный отец. Хотя от него несло перегаром, а лицо было припухшим от ссадин, говорил он бодро:

– Просыпайтесь, дети! Радомир! Тебя ждёт награждение!

– Награждение?.. – удивился я, протирая глаза.

– Да, сынок. Ты показал деревне хороший пример в борьбе с чёрными. Теперь старейшина хочет тебя наградить.

Этот контраст поразил меня. Ночью отец был подавлен настолько, что готов был сдаться. А сегодня столь малозначительная весть сделала из него самого счастливого человека на свете.

«Простые радости простых людей. Я почти забыл, как это работает»

В известность сразу была поставлена вся семья. Мать надела самое добротное платье – с тысячами заплатками, натёрла себе щёки свеклой. Для остальных домочадцев она выбрала самую чистую одежду. Отцу нашёлся шерстяной пиджак, который он накинул на льняную рубаху с необычной вышивкой под воротником. Красные узоры составляли ромбовидный орнамент, в центре которого было нечто похожее на дерево с корнями, уходящими вниз по ткани.

Когда я спросил у Пашки, какое значение имеет этот знак, он ответил:

– Это же оберег от демонов и духов! Говорят, богиня знаний и тайн Лалейра даровала его людям, чтобы защитить наши дома!

«Корни эти так похожи на её продолговатые, мохнатые паучьи лапы...»

Дождь перестал. В округе запели дрозды, а небесное зарево мягко пригрело деревню. Одевшись, мы поторопились на площадь – мощёный островок, окружённый домами. Восточнее стоял амбар, слева – большой дом старейшины, самый крепкий в деревне, с резными ставнями.

На помосте площади стоял старейшина, одетый в красный праздничный камзол – истёршийся в локтях, но тщательно вычищенный. Перед ним собиралась толпа, среди которой звучал суетливый рокот. Старейшина, издали завидев нашу семью, крикнул:

– Радомир! Поднимайся сюда, мой мальчик!

Остальные стояли позади, пока я забирался по скрипучей лестнице на помост. Старейшина мне улыбнулся морщинистым, добрым лицом. На поясе у него висели ножны с мечом – символ власти, даже если эта власть ограничивалась двумя десятками душ.

– Тишина! – он протянул руку к толпе, и все вмиг успокоились. – Этот юноша, сын Петра, проявил себя как настоящий герой! Есть достойные люди среди нас, крестьян, но городские совсем об этом забыли! Больше того, многие вовсе забыли, что мы существуем...

В словах старейшины проявились нотки уныния, но он быстро взял себя в руки, выпрямив спину:

– Ночью наша доблесть подтвердила мои слова! Мы достойны лучшей жизни! И мы будем взращивать свой сад! Трудом укрепим наше положение, пока руки не будут стёрты в кровь!

Старейшина вытащил меч из ножен и протянул лезвие к полям за деревней. Меч оказался тяжёл для старика: рука его задрожала, ноги подогнулись, и старейшина начал заваливаться назад. Я придержал его. Он признательно кивнул мне, и продолжил, указав мечом на поля позади домов на площади:

– Вот, что нас кормит! Вот, что нас растило десятки лет назад! И раз уж положение наше тягостно, а впереди гибель, то кости мы сложим на своей земле! Ни под кого не прогнёмся!

Народ возликовал. Казалось, в людские сердца вернулась надежда. Стоило лишь высказать оду о доблести, о вечной борьбе с судьбой.

У мамы на глазах навернулись слёзы. Отец же стоял, гордо подняв голову. Впервые в его глазах читалась не усталость, а вера в будущее. Брат улыбался и тряс кулаком в небо, грозным жестом поддерживая слова старейшины.

– Вернёмся к нашим баранам! Радомир – уже не отрок! Это мужчина! Он подал нам отличный пример, как нужно вести себя, когда близким угрожает опасность! И как славно, что у нас есть такой прекрасный повод для праздника! Держи, сын мой!

Старейшина убрал меч в ножны, отстегнул пояс и передал его мне. Кожа ремня была потёртой, но прочной. Я тут же затянул его на своём поясе, вытащил меч, из-за чего тонкое лезвие блеснуло на солнце.

«К удивлению, неплохая работа. Добротное железо, которое было обработано не каким-нибудь подмастерьем или пропойцей, а именно кузнецом»

Старейшина достал из кармана кусок коры и кольцо с печатью. Взглянув на меня, он с грустной улыбкой пояснил:

– Мне эту печатку вручали двадцать лет назад! Уж не налезет. Пальцы стали толстоваты...

После он поднял к небу кусок коры в одной руке, а печать в другой – и стукнул ими друг о друга. На жёлто-бледной внутренней поверхности куска остался отпечаток: окровавленная корона над полями. Кусок коры старейшина передал мне.

– С этой путевой хартией тебя пропустят в Стальград. Путь тебе заказан в светоходы! Такие защитники нужны королевству!

Площадь наполнилась восторженным воем. Казалось, народ столь ярко отреагировал на трюк акробата, а не на моё награждение. Среди общего гула прорвался возмущённый голос брата:

– Я тоже хочу! Мой брат – сильный воин, но и я ничего! Пускай я даже буду его оруженосцем!

Тишина, будто кто-то неуместно пошутил. Все удивлённо смотрели на смелого мальчика, и мало-помалу начинали перешёптываться:

– Ну от-то куда лезет? Радомир-то понятно, гений схватки и герой, ему силы ниспослали боги! А этот что? Только за овцами и умеет гоняться, да на мельницы шипеть!

Старейшина задумчиво почесал бороду и обрадованно произнёс:

– В любом случае в гильдию надо отправить хотя бы троих наших ребят. Ты, Пашка, имеешь одну с Радомиром кровь. А значит, и воинские задатки у вас одним. И тебе будет путевая хартия!

– О-у да! – Пашка подпрыгнул на месте, лицо его сияло восторгом.

Отец успокоил его подзатыльником:

– Напросился на верную смерть!

– Я принесу больше пользы в гильдии! Вот увидите! Мы добудем с Радом целую кучу золотых! – Пашка выпрямился, пытаясь казаться взрослее. – А здесь-то что? Вечно бороться за урожай, которого едва хватает? Хочу, чтобы вы, мама, могли купить себе настоящее платье!

Родители переглянулись. В глазах матери блеснула гордость, смешанная со страхом. После чего отец крикнул мне:

– Приглядывай там за ним, Радомир! Чтоб целым вернулся!

«Ещё чего не хватало! Избавлюсь от него первым же делом»

– И я тоже хочу в светоходы! – вдруг раздался крик где-то с заднего фланга толпы. Толпа, будто подчинённая единым разумом, одновременно обернулась. К помосту шёл высокий, долговязый парень с задорным лицом.

Я вспомнил его. Это Неждан, что сообщил о разорении амбара.

– О! И его возьмите! Он со мной тренировался! – колотя себя в грудь, ратовал Пашка за товарища.

Старейшина пожал плечами и поставил печать на третью путевую хартию.

– Вот и отлично! Вы не представляете, как сложно мне каждый раз выбирать тех молодчиков, что не вернутся! Но в этом году всё иначе – сами напросились! Даже среди тьмы есть проблеск света! – задорно проговорил старейшина. – Вам нужно быть у ворот Стальграда завтрашним утром. Думаю, не потеряетесь. Со всех деревень туда будут стекаться и другие ребята, способные держать меч.

И снова народ пустился в словесный разгул. Они с интересом обсуждали новости, сплетничали, а кто-то откровенно посмеивался, добавляя: «Им не прожить и недели. С испытаний возвращаются единицы!»

Когда буря возгласов стихла, старейшина сказал мне:

– Можешь спускаться.

Я сошёл вниз, к семье. Отец добродушно потрепал меня по голове. Брат, сдержанно улыбаясь, одобрительно стукнул по плечу. Мама же подкралась сзади, с любовью обвила мою шею руками и прижала к себе. Её запах – дым, тесто и какие-то травы – ударил в ноздри, вызвав смутное чувство ностальгии.

«Какое странное чувство... Кажется, я и вправду верю... верю в то, что меня зовут Радомир и что вся моя жизнь прошла в крохотной деревне»

Старейшина продолжал торжественным голосом:

– Ночь была тяжела. Нам пришлось проводить на другую сторону братьев и сестёр. Ополчение работало на пределе своих сил, и сделало всё возможное. Теперь же, друзья мои, я предлагаю отдохнуть. Проспитесь. Послезавтра, как только солнце начнёт клониться к закату, начнём праздновать. Откроем подвалы, вскроем бочки с медовухой, да наконец заживём так, как живут зажиточные господа!.. Пускай и всего на один день.

В толпе прокатился одобрительный гул, перешедший в крики. Кто-то уже подносил к губам заветную бутылку, а женщины переглядывались с редкими улыбками и хихикали: «Наконец-то не сивуха, которой питается мужичьё!»

Все растворились кто куда. Моя семья вернулась домой, а я остался посреди опустевшей площади.

«Теперь у меня есть официальный способ попасть в Стальград. Славно» – обрадовался я, но затем посмотрел на свои руки. Красные линии стали ярче и протяжённее, а по соседству с ними ползли сгустки, своим цветом напоминали запёкшуюся кровь. Но было нечто новое – под кожей что-то шевелилось. Незримые паразиты, что медленно и лениво извивались, размножались и захватывали тело по крупице.

Обернулся на чей-то шёпот. Никого не было. Я был единственным оставшимся на площади человеком. После моего триумфа, который оказался лишь предисловием к масштабной попойке, все занялись своими делами.

Мне стало одиноко и страшно. Хотелось кому-то поведать о своих бедах, объединиться, чтобы вместе противостоять наступающему на мир злу. И злу, наступающему на моё тело...

По пути домой я разглядывал деревенские жилища. Они нисколько не изменились со времён моего правления. Дерево остаётся деревом, а земледельцы – земледельцами. Чувство родства с ними вызвало в душе грусть.

Я знал, что нужно сделать. Скверна не ждала. Я вошёл в дом, лёг на циновку и закрыл глаза. Надо было восстановить силы. Скоро – в разлом.

Направляя тонкие струйки маны по девственным каналам, я растягивал и укреплял их, как кузнец раскаляет железо. Когда по деревне расплзлись предвечерние тени, Пашка разбудил меня, тронув за плечо:

– Хочешь поиграть?..

– Нет, – ответил я, пытаюсь от него отделаться.
– А куда это ты собрался? – спросил он, когда я начал обмываться в бочке.
– На охоту. Нужно кое-что добыть перед дорогой.
– Ого, круто! Я сегодня сам охотился! На кузнечиков, правда... – сказал брат, смущаясь.
– Возьмёшь с собой?

– Нет, – строго ответил я, но затем сердце моё смягчилось, глядя на его поникшее лицо. Я дал вежливый отказ: – В другой раз.

Он молча следил за мной, когда я надевал ножны на пояс, брал факел, и снаряжался в самую потрёпанную одежду из шкафа.

«Моя проблема – скверна – не терпит отлагательств. Пашка ещё научится всему в рядах светоходов... Если выживет»

Отойдя к мосту, я окинул деревню взором. Несмотря на произошедшее ночью, она продолжала жить своей жизнью: среди холмов выгуливали животных, в полях трудились семьи, ремесленники занимались своей кропотливой работой. Плотник вытачивал бруски, охотник сдирал с зайцев шкуры, рыбаки удили, и сразу ножом вынимали внутренности рыб и снимали с них чешую.

Чужеродная сила, что пугала меня в ночи, помогла найти путь к разлому. Она вызывала во мне преступный соблазн, который мог обречь на гибель или спасти.

Кружащиеся волны энергии двигались медленнее прежнего, цвета их потускнели. Это был тот самый разлом, где мне удалось найти новое вместилище души. Пройдя через поток межплановых врат, я очутился среди чёрной пустоши.

Чутьё подсказывало: демоны ещё остались здесь. В темноте возникали красные сгустки первоматерии, которые вели меня вдаль, к скалистой пещере на горизонте.

Наверху было нечто похожее на небо. Серая пелена была плотной, густой, и будто придавливала меня к земле. В ней переливались красные блики, которые выглядели угрожающе, словно предвестие конца света.

Настоящая свобода взору. В разломе было одновременно и пусто, и занимательно: как только присмотришься к какой-то мелочи, то сразу поймёшь – это другой мир. Например, маленькая тварь, на теле которой были белые пластины, пробежала мимо меня и нырнула в нору, издав звук, похожий на скрежет камней.

Руна Эльгиз окутала тело магической пеленой.

«Я могу потерять остатки маны, но не само тело»

Факел успел отгореть. Он помог мне лишь в одном – не споткнуться о случайный камень. Пещера же, сердцевина которой уходила в уклон, была темна как сама ночь. Я начертил на коже руну первого порядка Совило – «свет». Над головой у меня вспыхнул магический огонь, который устремился к сводам пещеры. Солнце взошло, и разогнало темноту.

«Некоторые вещи лучше не совершать...»

Сперва глазам моим предстали четыре чёрных, которые в глубине пещеры доедали чей-то труп, и закусывали зерном. Рядом лежали разорванные мешки. Свет заставил демонов сморщиться и обратить внимание на непрошенного гостя.

Позади них, будто гигантский отросток на стене, стояло нечто. Как только глаза мои привыкли к мерцающему свету, я сумел разглядеть исполинского демона, от вида которого сердце замерло.

Он, подобно чёрным, передвигался на четырёх лапах, но был куда больше своих собратьев. Морда с продолговатым мощным лбом и большими нижними резцами, которые торчали из пасти, как две стенные башни. Глаза, пылающие ярким жёлтым светом. Но особенно меня удивили могучие лапы: широкие, на вид готовые раскрошить любого в кровавый порошок. Ногтевые пластины на них были толстыми, покрытыми каменной крошкой, кровью и грязью.

«Должно быть, эти дробилки и вырыли ход в пещеру»

Внешнее сходство с чёрными было неопровержимо: та же шерсть, но более густая, то же строение тела, те же глаза. Я предположил, что это вожак стаи, и оказался прав. Демон мотнул головой и приглушённо рыкнул, после чего вся стая, повинувшись приказу, набросилась на меня.

Дыхание сбилось. Тех крупниц маны, что удалось восстановить, едва ли хватит.

«В борьбе их не одолеть. Нужно проявить хитрость»

Отпрыгнув назад, я принялся лезвием меча наносить символы руны второго порядка Даг – «малый взрыв» на входе в пещеру. Не было времени отбежать: чёрные приблизились за секунду. Быстро прислонив руку к сердцу руны, пробудил её.

Взрыв ввёлся в самую толщу стены. Каменная крошка, что разлетелась беспорядочным шквалом, оцарапала моё лицо. В полёте я пару раз ударялся о землю, пока тело моё не остановилось. Защитная пелена сумела сдержать губительную волну взрыва, но затем рассеялась.

Что-то мешало дышать. С хрипом выдавив из лёгких пыль, я поднялся на ноги. Багровая гуща первоматерии захватывала «небо» разлома, в точности как скверна захватывала моё тело. Обвал вышел крупным. Среди валунов, что накрыли демонов, дрожала лапа. Кровь ползла по ней красной струей. В похороненных под грудой камней дотлевали остатки жизни.

Изнутри доносились приглушённые, скребущие звуки. Валуны дрожали. Там же, под толщей, были и кристаллы. Они – живительная сила, которая поможет бороться со скверной и вместе с тем восполнит магические запасы. Без них не справиться.

«Кто-то выжил. Рисковать нельзя»

Лезвием меча, чтобы упрочить связь магического канала с узлом Тенебриума, я начертил на земле руны Бодд-Берфи – «призыв Борова». В сердце знака вывел клык кабана, после чего провёл пальцем по лезвию, и капнул кровью. Линии руны запыхали синим светом. Из магических каналов начала сплетаться фигура могучего животного.

Наглые, раздражённые глаза излучали изумрудный свет. Кабанье тело было окутано кудрявой шерстью, которая на холке взвивалась в стоячий клуб, напоминавший рыбий плавник. Копыта разветвлялись на два острых пальца, будто жало скорпиона. Бивни были под стать размерам тела: по величине они скорее походили на слоновьи.

Голова закружилась, в ушах зазвенело. Та мана, которая ещё теплилась в моём теле, ушла на призыв. Я тяжело вздохнул, пошире расставил ноги, чтобы не упасть.

– Моргрей? – удивился Боров, вытаращив на меня глаза. – Разве Крандос не сгноил тебя в Тенебриуме? По-видимому, нет... И ты, как всегда, вышел сухим из воды. Когда же ты получишь по заслугам?!

– И я рад тебя видеть, Боров. Мне нужна твоя помощь.

– Помощь?! Из-за тебя, ярморочный мошенник, я просидел в узле столетие! Без пищи, без малейших вольностей! Какого быть осуждённым без вины? А? Ты-то явно о таком не задумываешься, – Боров с отвращением сплюнул светящейся синим слюной. – Король, мать твою.

Увы, его ворчание не закончилось.

– И ты думаешь, что я после такого буду тебе помогать? Иди встань под дуб, может, какой-нибудь жёлудь смилостивится, ударит тебе по голове, и мозги у тебя наконец встанут на место! Гад!

– Лучше посмотри, где мы находимся. Не видишь ничего странного?

Злобная маска кабана сменилась на удивлённую, когда он посмотрел вверх, а затем по сторонам. Пару раз шмыгнув носом, он заключил:

– Разлом! Разлом!.. Значит, и кристаллы где-то рядом, – Боров наострил уши, принюхался и прикрыл глаза. Шмыгнув поросычьим носом у обвала, он хрюкнул: – Там! Там кристаллы! Давай, Моргрей, не ленись. Разнеси это каменное ничто, и страдальцы получают хлеб.

– Не торопись, старина. Какая работа, такая и плата. Освободи проход, а я отплачу тебе несколькими кристаллами, которые мы найдём внутри.

– Три кристалла! Три! И ни кристаллом меньше! – заворчал Боров, чуть не тараня меня своими бивнями. – И чтобы не как в прошлые разы!

Я усмехнулся. Удивительно, как искра злобы не угасла в нём за несколько столетий.

– Договорились! Три. Ну, давай же! Ни к чему терять время! – подзадорил я, кивнув на завал.

Боров выдохнул горячий пар из ноздрей, ударил копытом по земле, и понёсся на заваленный валунами вход в пещеру. Как только кабан набрал скорость, вокруг него появились синеватые искры, что с каждой секундой лишь набирали силу.

«Такова особенность моего питомца: только он начинает смертоносный забег, всё его тело становится неуязвимым. Почти всё...»

Из размышлений меня вывел сильный грохот. Как только Боров влетел в стену, поднялось облако пыли, земля содрогнулась, а каменные осколки ураганом разлетелись по пустыне.

Боров вышел из облака пыли, откашливаясь. Вся его морда стала серой, точно он окунул её в ржаную муку.

– Ты идёшь? Я закончил, – лишь Боров успел договорить, как за спиной у него показался громадный силуэт, тенью накрывший всего кабана.

– Что? Что это? – Боров развернулся как раз в тот момент, когда облако пыли осело, и перед ним показался исполин. Жёлтые глаза пылали среди тёмноты, что воцарилась в разломе.

– Чёртов Моргрей, опять ты меня обманул! Мошенник! За такое надо платить сотню кристаллов! – взвыл Боров, развернувшись к демону. Вожак с грохотом опустил на четыре лапы, приготовившись к броску.

Глава 11. Завтра помрём, а сегодня – гуляем!

Вожак вздыбился и обрушил могучую лапу на Борова. Удар мог раздробить скалу, но мой питомец лишь вжался копытами в землю, расставив ноги. Его тело мгновенно превратилось в непоколебимую глыбу.

Сдержав атаку, Боров рванул в сторону. Вожак победоносно рыкнул – преграда отступила – и бросился на меня. Но кабан не убежал, а всего лишь брал разгон. Его копыта, высекая из камня магические искры, сотрясали землю. Он нёсся, неотвратимый, как оползень.

Вожак, увлечённый мной, заметил угрозу слишком поздно. Он пытался отпрыгнуть, но Боров уже настиг его. Бивни врезались в чёрный бок с глухим хрустом рёбер.

Демон отлетел в сторону. Вяло фыркнув, он поднялся, и продолжил сражаться. Демон высекал круги вокруг Борова, словно гиена, пытающаяся найти слабое место в шкуре льва.

Кабан вертелся, пытаясь держать противника в поле зрения. И всё же он был слишком неповоротлив, не поспевал за проворным соперником.

Вожак сделал обманный прыжок, и вскочил кабану на спину. Когти вонзились в густую гриву. Боров захрюкал, поддался инстинкту, и начал скакать, пытаясь скинуть с себя демона. Бесплезно: лапы вожака прочно укрепились в шкуре, словно мерзопакостный дух в теле человека.

Я ощущал, как тело Борова слабеет. Его связь с миром истончалась. Ещё немного – и оболочка питомца рассеется, а душа его отправится обратно в узел Тенебриума.

– Боров! В стену! – закричал я.

Кабан, рыча от тяжести, что восседала на его спине, сделал первый неуверенный шаг. Потом ещё. Демон впивался когтями глубже, и уже грыз его шкуру клыками.

Боров набирал скорость, скривив морду от боли. Глаза вожака расширились, превратившись в две круглые жаровни. Он крепко вцепился в гриву.

Магические искры срывались с копыт шлейфом. Кабан мчался к стене пещеры, выставив вперёд крепкую башку. С каждой секундой его тело ускорялось, и уже поднимало целые волны магической энергии. Копыта высекали огонь, отбивали каменную крошку. Вокруг Борова нарастал гул, подобный полёту облака саранчи.

На миг воцарилась абсолютная тишина, а затем мир взорвался. Стена не просто треснула – она распалась на мелкие кусочки, и из её чрева хлынуло слепящее сияние взрывной волны. Я отпрыгнул. Вспышка едва успела коснуться моей кожи – и на ней тут же проступили красные волдыри.

Земля под ногами вздыбилась. Сеть трещин, полыхающих изнутри первоматерией, побежала по всему разлому. Я подождал, пока грохот не сменился настороженной тишиной, и подошёл к груде камней, под которой были похоронены и Боров, и вожак.

– Две проблемы одним махом. И Борову не надо платить, и с вожаком покончено, – сказал я, отряхнув ладонь о ладонь.

Из груди вылезла окровавленная лапа. Когти на ней были обломаны, а толстые пальцы вывихнуты. Она сжалась в кулак и замерла. Я насторожился, и сделал шаг вперёд. Где-то внутри груди ощущалось биение сердца.

«Но чьего сердца?..»

Из-под камней вырвалась верхняя половина демона. С усилием она отшвырнула гигантский валун от себя. Грудь хрипела, с трудом вздымаясь и опускаясь, а из проломленного черепа сочилась багровая масса. Демон попытался вытащить нижнюю часть тела из завала, работая изувеченными лапами – тщетно. Он испустил жалобный рык, прикрыл жёлтые глаза и затих.

Я сжал рукоять меча: «Пора заканчивать»

Не успел подойти, как демон внезапно открыл глаза, и резко бросил в меня гигантский валун. Отпрыгнув, мне удалось избежать смерти. Валун покатился по разлому с грохотом.

– Хитрец! Ну теперь-то тебе точно конец! – крикнул я, ринувшись вперёд. Лапа вожака молнией выхватила меч из моих рук, другая – отшвырнула меня прочь, словно надоедливую муху. Я ударился о землю, и боль, острая и живая, пронзила грудную клетку.

Вожак, издав оглушительный рык, сжал клинок в своей лапе. Сталь затрещала, и разлетелась блестящими осколками к моим ногам.

– Какой настырный, – прошипел я, поднимаясь. – Умирай уже!

Но без маны и оружия задача усложнялась. Тогда я закрыл глаза, чтобы проникнуть в суть каменной глыбы, которая прижала демона. В её глубине теплилась искра маны – магическое сердце Борова.

По незримой нити, что связывает питомца и хозяина, я послал остатки своих сил. Ноги кабана дрогнули, с трудом начали разгибаться, повинувшись немой команде.

С животным криком Боров поднялся из-под обвала, сбросив с себя груды камней. Его шкура была порвана во многих местах, бивень обломан, но в маленьких глазах горела неиссякаемая ярость.

– Мы с тобой ещё не закончили, отродье!

Он сделал выпад, и его уцелевший бивень, словно копьё, пронзил ненавистную грудь. Лапы вожака судорожно сжали голову кабана, через секунду разжались, потеряв силу, и безвольно повисли. Туловище откинулось назад, челюсть раскрылась – казалось, демон удивился собственной кончине.

Боров отдышался, и недовольно уставился на меня:

– С тобой мы тоже ещё не закончили! – он ткнул в мою сторону окровавленным бивнем. – Где моя плата?

– Ладно, четыре кристалла...

– Пять!

– Сначала улов.

Торг шёл буднично, словно за секунду до этого не случилось масштабного кровопролития. Боров фыркнул, и начал ворошить груды камней. Вскоре он добрался до сердца завала и проломил его. Наружу, смешавшись с каменными осколками, высыпал град кристаллов.

Кабан припал к земле, чтобы заглотить добычу. Я вскочил ему на спину и дёрнул за холку. Он взвыл и затрясся, пытаясь сбросить меня.

– Нарушаешь договор? Не забывай, что узел Тенебриума, в котором ты коротаешь свой век, в моей власти. Я могу сжать его настолько, что вы с Котиусом и Фитильком будете сидеть на головах друг у друга.

– Ла-а-дно! Слезай! Не трогай гриву! – он жалобно захрюкал и покорно присел. Я спрыгнул, строго указав ему в сторону, и кабан покорно подвинулся.

В полутьме разлома кристаллы ярко мерцали, словно звёзды на небе. Несколько из них я раздавил в руке, и почувствовал прилив маны, текущий холодным потоком по предплечью. Хрустальные осколки потеряли свою силу, стали блеклыми, как жжённое железо.

Жжение скверны на руке притупилось, её красные нити потускнели. Я чувствовал облегчение телом, но разумом понимал – оно временно и вскоре скверна проявится.

Кристаллов было немного: несколько средних, горсть мелких.

«Скучно, если учесть, с какой нечистью ради них приходится сталкиваться в разломах»

Я швырнул Борову четыре мелких кристалла. Он разгрыз их зубами, и довольно облизнулся. Но морда его тут же снова нахмурилась.

– Вкусно... Хорошие кристаллы. Но не думай, что расплатился, Моргрей. Ты не кормил нас столетиями, тысячелетиями! Котиус всё подсчитал! Полный список!

– Список? – я сложил руки на груди и нахмурился. – Вместо того, чтобы пытаться меня выгнать из заточения, вы подсчитывали кристаллы. Очень благородно. Напомни усатому крохобору, что без меня вам не видать ни еды, ни свободы.

Кабан недовольно захрюкал:

– Плевать на Котиуса. Давай половину кристаллов, и мы в расчёте.

– Я дал тебе четыре кристалла. Большого не жди. Остальное мне, чтобы выживать и бороться с этим, – я показал ему руку, где под обугленной кожей змеились светящиеся линии скверны.

– Фу! – Боров отшатнулся. – От какой потаскухи это подцепил?

Я лишь вопросительно взглянул на него.

– Ладно, не любишь ты крепкое слово, – пробурчал он, и попытался настроить свой хриплый голос под изящный манер аристократов. – Ваше величество, откуда же сия проказа на вашей благородной длани?

Он хрюкнул, после чего разродился грубым хохотом.

– Крандос, – коротко сказал я. – Я его поглотил.

Хохот Борова оборвался. Вся его медвежья беспечность исчезла. Маленькие глазки превратились в маленькие щёлки, из которых едва пробивалось изумрудное сияние.

– Ты... не шутишь? Крандос был настоящей легендой в Тенебриуме! Жрец духов, апокалиптический наставник, проповедующий духам жизнь ради наслаждений!.. Без него должно быть, они впадут в отчаяние. Или в безумную жажду мести.

Боров громко хрюкнул, дёрнув пяточком.

– Так вот как ты выбрался. Вкусный он был? – Боров машинально пошевелил челюстью, затем отбросил мысль. – он поднёс морду к моей руке, и задвигал ноздрями, внюхиваясь. – Скверна... Я тебе тут не помощник. Спроси Котиуса. Он-то кот учёный.

– Спрошу. Когда понадобится.

Тело Борова начало мерцать, становясь прозрачным. Питомец покидал внешний план, чтобы уйти во внутренний.

– И не забудь про должок! – успел крикнуть он, прежде чем полностью раствориться в воздухе.

Я стоял снаружи, у заваленного входа в разлом. В ушах ещё стоял грохот, а в костях отзывалась тупая боль – прошедшее сражение давало о себе знать. По телу пробегал холод, пробивающийся сквозь рваную рубаху.

Казалось, временно одолев скверну, я замедлил восстановление своего тела и стал обычным человеком. Усталость свалилась на меня тяжёлым молотом. Все мысли теперь были устремлены к одной цели – поскорее лечь на твёрдую циновку и забыть обо всём.

Мне вспомнилась прошлая жизнь.

«Как приятно было бы очутиться в своём замке у камина! Как приятно, когда за быт отвечает прислуга, а тебе лишь остаётся рассуждать о тягостях жизни и о судьбе своего королевства. Теперь же я грязный, весь измазанный в крови, и у меня даже нет сил сходить к реке. Плевать. Оздоровительный сон – вот что мне нужно»

Однако я не забыл о вратах, несмотря на свою слабость. В них ещё пульсировали остатки первоматерии.

«Если не закрыть, кто знает, может из разлома родятся и другие демоны?..»

Начертил руническую печать – круг-основа с треугольником и двумя змеями внутри. Вспыхнув, она начала втягивать в себя рассеянный поток энергии. Когда работа печати была закончена, от разлома не осталось и следа.

На опушке, под корнями раскидистой ели, я вырыл яму и закопал сумку с кристаллами, дневником Иннокентия и ожерельем, пометив дерево знаком.

Кругом стемнело, подул резвый ветер. Лето подходило к концу, и в свои права вступала промозглая осень. Впереди, сквозь чащу, проглядывали жёлтые огни – слишком ровные для глаз чёрных. Факелы. Множество факелов, сливающихся в одно большое огненное пятно у деревенской площади.

«Гости? В столь поздний час?»

Я крался лесом, пока не упёрся в заднюю стену амбара. Скрывшись за ней, моя фигура была незаметна.

Конный отряд заполнил площадь. За ним теснилась пехота – человек пятьдесят, едва помещаясь среди дороги меж хижинами. В центре площади, на коне, восседал мальчишка лет шестнадцати. Щёки румяные, копна каштановых кудрей непокорно дыбилась над его головой, словно дерзкий скакун. Его расписной волнистыми символами доспех сиял при свете факелов. Длинный красный плащ свисал на живот коня. Перед юнцом на коленях дрожал старейшина.

Вся деревня попряталась. Только одна женщина, потупив взгляд, пыталась проскользнуть мимо с коромыслом.

– Эй, чумазая! – гаркнул ей один из всадников. – Оставь нам хоть последнюю ночь, раз первую просрала!

Хохот и свист прокатились по рядам. Гвардия чувствовала себя хозяином в этой деревне, хотя никому из её солдат не было ведомо, что здесь творилось. Право сильного – забирать последнее несмотря ни на что.

Я прижался к стене амбара и начертал у виска руну Хейр – «тонкий слух». Гул толпы отступил, и в фокус вышли два интересующих меня голоса.

– Господин Мстислав, вы уж простите!.. – два раза ударив лбом в землю, произнёс старейшина. – Твари из леса весь амбар разорили! Всё утащили! Весь оброк! Они такие прыткие, что даже от гнева богов ускользают! Что уж о нас говорить, обычных людей?

Мальчишка скривил пухлые губы:

– Меня это не волнует. Отец приказал: вернуться с оброком. Что я ему скажу? Что вы всё просрала?!

Он сжал удила, и конь взвыл от боли.

– Что делать-то, господин?! – крикнул старейшина, приняв вид тупого, ничего не понимающего крестьянина.

– Что делать? – Мстислав дёрнул поводья, заставив коня сделать театральный круг вокруг старика. – Может, твою седую тыковку на кол вздёрнуть, чтоб умнее стала?

Его воины закатились от хохота. Старейшине удалось перевести всё в юмор, пускай и потешались над ним.

«Чего не сделаешь, чтобы сберечь голову...»

Мстислав дал насладиться моментом своим людям, а затем вскинул руку в латной перчатке. Смех оборвался, будто перерезанный.

– Ладно, старик. В этот раз прощаю. Но будь уверен – весть дойдёт до отца. А там сам знаешь, что будет.

Он развернул коня и поскакал прочь сквозь строй. За ним, гремя доспехами, потянулась вся эта дорогая, бесполезная для сбора податей армия.

«Разве что фанфары забыли...»

Старейшина рухнул на землю и тяжело выдохнул. Тело его обмякло. Он обессилел от возможной опасности, от затаённого дыхания, что в эти минуты едва выбивалось из его груди. Но ему удалось всех спасти.

Из домов выползали люди, словно ночная живность в отсутствие хищника. Они окружили старейшину.

– Чего он сказал?

– Да ничего хорошего! Голова на плечах – и то благодать! – ответил один из крестьян.

Старику помогли встать. Он, с мрачным взглядом, пересказал угрозу наследника великого рода. После на площади повисла тягучая, гробовая тишина. Даже собака притихла, перестав гоняться за голубями.

– Вуль'грахот нас не слышит, – прошептал кто-то. – Три дороги у деревни: чёрные сожрут, голод добьёт или Григорьевы сожгут. Провинились мы перед богами...

– Ну и что?! – громыхнул на эту тишину раскатистый голос. Это был Осип-Балбес, толстощёкий, с носом-картофелиной и проплешиной под маслянистыми волосами. От него разило дешёвой сивухой. – Пить будем или нет?! У нас же праздник!

Его слова упали не в тишину, а в густую, созревшую гушу отчаяния. И прорвали её. Ропот, сначала нерешительный, потом нарастающий, подхватил эту мысль. Поразительная перемена: траурное настроение мгновенно сменилось праздничным.

– Да! – крикнул кто-то.

– Богам надо поклониться! Девочек раскрасить! Глядишь, и смилостивятся!

– Завтра помрём, а сегодня – гуляем!

Идея, дикая и спасительная, овладела толпой. Отчаяние нашло выход в истерической готовности к пиру. Люди возвращались в далёкие столетия назад, к пьяным бездумным увеселениям.

«Точь-в-точь племена, что колотили друг друга палками»

Люди, ещё минуту назад парализованные страхом, вдруг засуетились, разбегаясь по домам за столами, едой и сбережёнными свечами.

Глава 12. Демид

Циновка у печи манила меня. В эти тяжёлые минуты она казалась мне теплейшим и приятнейшим местом для сна. Не успел я до неё добраться, как ко мне подлетел Пашка:

– Мама сказала, чтоб мы принесли медовуху из подвала. Скоро уже праздник начнётся, с началом сумерек. А ты где был?.. – он вдруг оглядел меня с ног до головы и заметил кровь на моей рубахе.

Я ничего не ответил. Лишь состроил усталую гримасу, проходя к циновке.

– А я тренировался со своим деревянным мечом! Мы в гильдии светоходов всем покажем! – крикнул Пашка, прыгнув и издав дребезжащий звук губами. Он посмотрел в сторону и гордо выпрямился. – Ах, это вы миледи. Да, я тот самый светоход Павел. Что?.. Вы хотите поцеловать меня?

«Он от меня не отстанет»

С горечью взглянув на место сна, я ответил:

– Пойдем за медовухой... брат.

Пашка оклемался, взял со стола лучину и направился к подвальному люку, что был за печью. Отворив его, мы начали спускаться вниз по ступенькам лестницы.

В подвале пахло деревом и смолой. Воздух был спёртым, а по земле полз холодок. Рядом с полками, на которых сушилось мясо, стояли бочки, стянутые металлическими обручами, внутри которых хранилась квашеная капуста вперемешку с солониной. Кислотный аромат заставил меня скривиться.

– Смотри! – Пашка с улыбкой провёл рукой вдоль полок. – Отец всегда говорил: «Полный подвал – спокойная зима». И хорошо, что мы оставим родителей сытыми. Затем Пашка подошёл к бочке медовухи.

– А это от уныния! Тоже слова отца, – брат засмеялся, отыскал в подвале топор, и обухом выбил шпажку из вставленной в бочку трубки. Мутно-жёлтая жидкость полилась в ведро.

Брат довольно насвистывал.

– Тихо! – остановил его я, услышав позади шипение. В тот же миг я выхватил у брата топор, оттолкнул его и сделал размашистый удар по морде выскочившего из-за бочек сквернорыла. Удар пришёлся в лоб с глухим стуком.

Тело начало извиваться на полу, ударя мерзким хвостом по балкам. От его мокрой шкуры несло гнилью, и моё молодое тело едва не вывернуло наизнанку. Ещё и этот длинный хвост, который сбил Пашку с ног, своими движениями напоминал умирающего червя.

Полки задрожали. Банка с огурцами сорвалась и разбилась. Пашка в ужасе отполз к бочкам. Вторым ударом я добил сквернорыла. Тело дёрнулось в последней судороге и затихло.

– Ничего себе!.. Это ты вовремя! – восхитился брат, который не мог отдышаться. – Как эта тварь здесь оказалась?..

В тёмном углу я обнаружил ход прорытого тоннеля. Пашка поднялся, почесал затылок, озадаченно глянув в дыру:

– Хитрый гад!

Брат возвратился с медовухой к матери, а я молча лёг спать. Казалось, я приобрёл негласный авторитет, ведь больше меня никто не тревожил и не задавал лишних вопросов. Короткий, глубокий сон вернул мне часть сил.

За окном уже сгустились полночные сумерки. На площади уже выставили длинный стол, составленный из множества столов. Кое-кто уже накачался сивухой, кое-кто уже начал нелепо танцевать на поляне.

Всё больше деревенских стягивалось к месту праздника. На столах расставили свечи – дорогое удовольствие, которое хранилось на особые случаи. Воцарилась атмосфера таинства.

Казалось, ещё немного, и деревня превратится в заколдованный лес, люди предстанут в своих истинных ролях: мужчины обернутся сатирами, а женщины – нимфами.

Первое время я блуждал по тропам, краем глаза замечая пьяные тени и слыша истерический, звонкий смех. Было ли начало у праздника? Я не заметил, как улицы наполнились молодыми и старыми, веселящимися и скорбящими.

Какая-то дородная женщина принялась танцевать на столе, пока остальные свистели и смеялись. Обвисшая грудь выскальзывала из выреза, когда она подскакивала, кружась.

В тёмной дымке выглянула луна. Сидящий за столом Осип-Балбес заметил меня и подзвал ближе.

– О, мальчик! – с трудом выговорил он и потрепал меня по голове. – Тебе налить?

Лицо его расплывалось в хмельной улыбке, а глаза блестели, как драгоценные камни. Он поглядывал то на меня, то на девиц, которые плясали с венками на зелёной поляне. Я решил, что лучшего момента не найти. Медовуха развязала ему язык.

– Не стоит. Говорят, ты многое знаешь. А расскажи мне про гильдию светоходов.

– Знаю?! – Осип крикнул с надрывом, будто я серьёзно его оскорбил. – Да я сам был светоходом! Светочем, главарем отряда! Очень жаль, маленький боец, что ты не знаешь о моих подвигах!

– Люди нынче не ценят героев прошлого, – траурно вздохнул я.

Красное лицо Осипа расплылось в довольной улыбке.

– Конечно, мой мальчик. Все мы несовершенны. Хотя... – он оглянулся на своих пьющих коллег и вздохнул. – Я буду посовременнее этих.

Он прочистил горло выпивкой, сладостно вздохнул:

– Дело светохода простое и опасное. Найти разлом, не напустить в штаны с перепугу, забрать слёзы света и выйти живым. А светоч – он впереди, с путеводным камнем. Закалённый воин, командир! Он и путь указывает, решает, кому что делать. Да-а-а, прекрасное было время! Помню, как всё разрешилось...

– Вы герой! – я прервал его, похлопав горемыку по спине. Он отрывал в такт каждому моему удару. – Какое же испытание ждёт вступающих в гильдию?

– Ох, мой мальчик! Из года в год испытания меняются, порядки меняются, правила меняются...

– Каково было ваше испытание?

– Разлом, – Осип отхлебнул из кружки. – Монстр там был – лапища как целая телега! Весь отряд полег, а я его завалил. Вот так вот. Не шути с Осипом. Одним ударом!

Он подмигнул, явно привирая, но я не стал перебивать.

– Ладно, мальчик, мне пора. У меня тут... незаконченное дело, – он помог плясунье слезть со стола и повёл её в лесную чащу.

Я проводил их взглядом, после чего направился к реке, охваченный мрачными мыслями, и сел на берегу. Вода журчала. Деревенские огни мерцали позади. Я смотрел в своё отражение, вспоминая всё, что встретил в новой жизни: руины королевства, обедневший, умирающий народ, и знать, которая спряталась в городах, но продолжила пользоваться благами своего положения.

«Вот какие плоды пожала Гардарика. Тысячи людей погибли в войне с богами ради этого...»

Позади слышались развязные крики пьяных, обречённых на гибель. Я встал. Злость вскипала в моей душе.

– Я сделал только хуже! – крикнул я, со всей силой ударив по рядом стоящей яблоне. Плоды обрушились на мою голову с глухим стуком. В стволе осталась вмятина по глубине в локоть. Я отшатнулся: такой след не мог остаться после человеческого удара.

– Отец, во что я превратился?! – крикнул я, в ужасе от неконтролируемой ярости, которая никогда не была мне свойственна. Но смысла пережёвывать прошлое не было.

«Я должен всё исправить» – напоследок я сказал своему отражению, оглянулся на деревню, охваченную предсмертным угаром, зашёл обратно в дом и уснул.

Яркий восход разорвал серую пелену. Воздух налился свежестью. Летящая вокруг мош-кара пела оду сменяющемуся циклу природы.

Кожа моя покрылась мурашками. Прохлада щекотала, заставляла дрожать, но усилием воли я подавлял эту прихоть тела.

На дороге у моста меня дожидались Пашка и Неждан. Юноши несли с собой котомки с запасами, и по виду напоминали брошенных щенков. Мама подбежала, и снабдила меня мешочком с едой.

– Радомир! Береги себя! – она поцеловала меня в лоб. – В мешке несколько полос вяленого мяса и хлеб.

После подошёл отец, с улыбкой потрепал меня по голове.

– Берегите друг друга, – сказал он мне и Пашке.

Пока собравшаяся у моста толпа деревенских раздала мальчишкам советы, я отправился к тайнику. Она куда лучше подходила на роль хранилища, потому еду из мешочка я выложил в неё.

На женских лицах наворачивались слёзы, а мужчины вялыми словами старались их успокоить. Некоторые из загулявших всё ещё валялись на улицах и не могли прийти в себя.

Перейдя через мост, мы начали свой путь через грязное месиво, которое некогда было пыльной дорогой.

– Хорошо тебе, – сказал Пашка Неждану. – За тебя никто не беспокоится и тебя никто не ждёт. Кто знает, что будет с деревней? А ты можешь со спокойной душой оставить её позади.

Казалось, слова Пашки адресованы и мне. Ведь моих настоящих родителей давно не было в живых, и с этой деревней меня мало что связывало. И всё же есть в деревенских что-то простое и доброе, нечто такое, что роднит меня с ними. Возможно, в своей прошлой жизни я слишком много времени проводил с лизоблюдами.

– Ты неправ. Пускай в деревне у меня и нет родных, все они по духу мне родные. Рядом с ними я вырос. Первое время жил у тёти Любы. Она меня кормила. Плотник, Щербач, дарил мне вырезанные из дерева игрушки. Осип учил меня рыбачить и вечно рассказывал всякие небылицы, при этом забирая весь мой улов себе... Надеюсь, всё будет хорошо.

Втроём нам приходилось ступать бокам дороги, выбирая более сухие участки. Грязь на ботинки налипала быстро, и каждый отрезок пути приходилось их отряхивать – идти с таким грузом было невыносимо.

Так мы шли, пока мимо нас не поскакал отряд Григорьевых. Наряженного в доспех юнца среди них не было. Это был десяток вооружённых конников, и несколько пеших, что везли в окружении повозку с провиантом. Не обращая на нас внимания, они быстрым ходом отправились к Стальграду.

Когда мы подошли к городским стенам, купол ещё не воздвигли. Один из стражников заметил нас и подозвал жестом.

– Вы, значит, направлены в гильдию? – спросил он, как только мы приблизились.

– Да, – ответили хором мы.

Стражник проверил у нас путевые хартии, сказал: «Ждите» и скрылся за воротами.

Мы расселись на траве. Солнце встало в зените. Животы наши трещали от голода, но мы сдерживались и берегли запасы на будущее.

Наконец, наружу вышел странного вида парень. Из-под кожаной рубахи виднелась кольчуга. Пластинчатые наручи с выгравированными на них рунами крепости сияли скрытой в них

магической силой. Из-под кольчужного капюшона выглядывали пушистые усы, похожие на две клешни краба. Сам парень был долговязый, худой, как умирающее дерево мертвополя.

Оценивающим взглядом он скользнул по нам, и спросил:

– Это вы что-ле лучшие от своих деревень? П-ф-ф, – с видом знатока он почесал усы. – Да вы-ж никуда не годны! – он обречённо вздохнул. – Ладно, пошли.

Парень уверенно зашагал к западной стене Стальграда, где стоял натянутый шатёр. Внутри был стол, заваленный бумагами, сверху с цепи свешивалась горящая в подсвечнике свеча. Здесь же стояли трое бедолаг – такие же крестьянские дети.

– Не бойтесь, малышня, – сложив руки на груди, довольно произнёс парень. Сам он был старше нас на пару лет. – Звать меня Демид. Но лучше называйте меня Великий Светоч, ибо таков я. Пока вы рядом со мной, вам нечего бояться. Кста-ати... – он выглянул из палатки и посмотрел на небо. Солнце уже клонилось к закату, а серые тучи начинали разрастаться. – Нам пора идти к разлому. Его зачистка – ваше испытание. Выдвинемся сейчас, и вернёмся к рассвету.

Вид этого сморчка и его наглый тон отбили у меня желание задавать вопросы. И всё же меня удивляло, что «испытание» было таким банальным.

Рядом стоял сундук со снаряжением. «Великий Светоч» попытался с важным видом открыть его ногой, но упал. Как только с ним произошла такая оплошность, он быстро встал и открыл сундук руками. Внутри были комплекты стёганой кожаной брони. Потом Демид показал на рядом стоящий стенд, на котором были выставлены мечи и деревянные щиты.

– Я смотрю, гильдия не экономит на своих рекрутах, – усмехнулся я, переведя взгляд с обмундирования рекрутов на блестящую, усиленную рунами броню светоча.

– И я когда-то проходил этот путь. И проходил его с достоинством и без нытья! – выкрикнул он, пытаясь меня упрекнуть.

Я лишь улыбнулся в ответ. Как только все вооружились, Демид приказал нам построиться. Шестеро рекрутов – трое из нашей деревни, трое из другой.

«Вчерашние дети, неведомым образом отправленные в разлом...»

Светоч положил арбалет себе на плечо, достал из кармашка серый квадратный камень, поделённый на три звена. Звено, направленное на юг, замерцало синим огнём.

Демид шёл на юг, протянув перед собой камень. Позади плёлся наш отряд. Артефакт засиял сильнее, как только мы преодолели дорогу, вступили в лес, и прошли опушку.

– Похоже, разлом совсем рядом. Быстренько его зачистим и отправимся обратно, – сказал Демид. Врата оказались совсем рядом с нашей деревней.

Клубы облаков быстро плыли по небу, подгоняемые медными лучами заката. Солнце почти скрылось за горизонтом.

С холма в лесу нам всё отчётливо было видно. В деревне всё было тихо. Люди уже оправились от празднований, и неустанно трудились на своих местах.

Путеводный камень мерцал, указывая нам путь. Разлом находился восточнее от деревни, скрытый от любопытных глаз еловыми ветвями.

Пространство вокруг дрожало, воздух будто был раскалён горячей почвой.

Рекруты старались не показывать страха, но их колени дрожали, а пальцы судорожно сжимали рукояти мечей.

– Будьте осторожны. Внутри много демонов, – предупредил я. Все переглянулись, а светоч злобно посмотрел на меня.

– Не надо говорить очевидных вещей. Пошли, – ответил он, поднёс камень к разлому, и тот своим сиянием разрушил завесу. Межплановые врата напоминали демоническое око, смотрящее прямо в душу.

Вихрь энергии закружил нас, и провёл в самое сердце разлома. Оказавшись внутри, рекруты выпустили из себя водопад рвотных масс.

Светоч поддержал их своей желтовато-коричневой струей. Смахнув слюну со рта, он пошатнулся и выпрямился. К тому моменту все уже оклемались и построились. Внутри я посмеивался, принимая участие в этом балагане.

«Как часто обычный люд становится заложником глупых комедий начальства!»

Проверив снаряжение рекрутов, светоч довольно кивнул. Я в это время разглядывал округу. Ниже скалистого склона, на котором мы встали, покоился чёрный лес. Деревья были необыкновенными: со странными белёсыми пузырями на стволах, которые вздувались и раздувались, словно волдыри от ожогов. Над слизистыми проталинами меж ними тянулись клубы ядовитого пара.

Светоч приказал:

– Разделимся. Так справимся быстрее. Увидите слёзы света – сразу набивайте ими карманы. Это самое важное.

– Разделиться? – спросил я, усмехнувшись. – Если хочешь нас убить – отличный приказ.

– Так, мальчик, – светоч подошёл ближе, сострив грозную морду. – Я здесь командир, а не ты. Уяснил?.. – он задумался, глядя на меня испепеляющим взглядом. – Хотя... У меня есть способ всё доходчиво тебе объяснить. Мы разделимся, как и я сказал. Ты пойдешь на восток, а мы пойдём на запад, – он улыбнулся, хищно прищурившись. – Наверно думал, что я буду с каждым возиться. Посмотрим, как ты справишься в одиночку.

– Нет! – крикнул Пашка, встав меж нами. – Я пойду с братом!

«Якорь никак не идёт на дно!» – вздохнул я.

– И я пойду с ними! – Неждан вырвался вперёд с геройским видом.

«Вот ещё не хватало...»

Светоч надул губы, медленно покачав головой:

– Трое – слишком много. Нарушитель не поймет урока, – он почесал усы, приняв вид, будто от его решения зависит судьба мира. – Пусть брат пойдет с ним. Кровные глупцы погибнут вместе. Остальные – за мной!

Широкими шагами Демид направился вниз по склону. За ним, словно стая утят, поспевали рекруты. Позади всех шёл Неждан с грустной миной на лице. Он обернулся, прощаясь с нами взглядом.

Глава 13. Ещё рано умирать

Вяленую говядину, что приберегла нам мать, приходилось рвать зубами, словно кожу старого сапога. Брат глотал крупные куски в попытке насытиться и унять внутренний трепет.

Но вскоре его внимание переключилось. Он шёл рядом со мной и озирался, раскрыв рот. Лес напоминал скрюченные лапы старухи, сплошь покрытые бородавками. Ветви клонились к нам с треском, пытаясь то ли схватить, то ли удержать от верной смерти.

– Как это всё... появилось? – заворожённо произнёс Пашка, не сводя взгляда с накренившихся верхушек, с едких клубов, что густой пеленой стояли над проталинами. Факел в его руке дрожал, а огонь был словно придавлен незримой силой – он затухал каждый раз, когда осмеливался подняться выше факельной головы.

– Двигайся за мной и смотри по сторонам, – сказал я Пашке, заняв ведущую позицию. Куда ни глянь – отовсюду исходила опасность. Разлом был олицетворением трепещущего во тьме ужаса.

Моя осторожность оправдала себя: впереди, закрыв глаза, я чувствовал сияющий багровый сгусток, означающий одно – сконцентрированную в живом теле первоматерию.

– КВА! – громкий рык раздался из ближайших кустов. Он был не естественен для обычного земноводного.

«Они уже здесь!»

Начертив лезвием на коре дерева руну Совило, я осветил округу магическим огнём. Среди колючих кустов пронёсся желтый глаз с лягушачьим зрачком.

– Здесь! – крикнул Пашка, указав в другую сторону. Я обернулся, и увидел лишь мелькнувшую перепончатую лапу.

С братом мы встали спина к спине. Противник мог быть где угодно. Пока было ясно одно – он обладает невероятной скоростью и издаёт кваканье.

В меня полетел гигантский жабий язык. Скорость живого орудия была так велика, что мне пришлось упасть на землю в надежде уцелеть.

Язык растянулся, словно нить на прялке. Из кустов выглядывала лишь спина, сплошь усеянная толстыми шипами. На темно-зелёной коже особенно выделялись круглые разноцветные пятна: чёрно-жёлто-красные, как у настоящих ядовитых жаб. Трёхпалая лапа торчала из колючек, намекая, что яд – не единственное оружие земноводного.

Приглядевшись, я увидел открытый бездонный рот, чрево которого мерцало оранжевым светом. Я взмахнул мечом, но тщетно – язык мгновенно сжался, будто пружина. Земноводный демон раздул щёки, и снова выпустил своё оружие.

Я пытался отпрыгнуть, но земля была предательски сырой. Нога моя соскользнула, и я рухнул на колени. Язык летел по прямой траектории, неотвратимо метя в мою грудь.

Мышцы ног задубели от напряжения, и не могли разогнуться. Я завалился набок, как ожиревший тюлень, и пропустил живой снаряд над собой.

На этот раз жабий манёвр был мне хорошо известен. Резко вскинув ножны, я вытащил меч и сделал дуговой взмах. Половина языка отлетела в сторону и начала судорожно извиваться, разбрызгивая повсюду густую кровь.

Жаба зашипела, и её мшистое тело скрылось среди чёрных колючек. С братом мы снова встали спина к спине, и глядели во все стороны.

Обжигающая волна прошла по руке.

«Скверна?...» – подумал я, глянув на предплечье. На нём, словно на теле леса, дымились едкие проталины, от которых исходили струйки пара. Они разрастались всё шире и глубже, наплевав даже на красную паутину скверны. Жабьи слюни попали на кожу.

В голове – непрекращающаяся вспышка боли, которая накатывала с новой силой, словно растущая волна. Ногти скребли по коже, пытаясь её содрать, но тщетно – едкие слюни проникли слишком глубоко.

Сжав зубы, я убрал окровавленные ногти от разодранной кожи и сказал себе: «Терпи! Боль – ничто! Сначала – кровь, потом – перевязки»

Наконец, глаз земноводного промелькнул у оврага. Я рванул прямо в тёмную гущу, где он скрылся. Жаба внезапно выпрыгнула, и выпустила в меня длинный язык.

«Что?! Он снова цел?!» – промелькнуло в голове, пока тело моё припадало к земле. Я откатился в сторону, и как можно быстрее начертил на своём плече руну Эльгиз.

Не успел подняться на ноги, как вновь увидел летящий в меня склизкий орган. Жабы слюни летели от него во все стороны, словно жужжащий осиновый рой.

Правой ногой упёрся в землю и обхватил рукоять меча. Отодвинув корпус, пропустил язык в паре сантиметров от тела, после чего придавил его ногой и вонзил в него меч. Язык остался пригвождённым к земле.

Кислота сползала по лезвию вниз. Меч потерял свой блеск, края его покрылись тёмной бороздой, как у горелого пергамента, а на его кромке оплавленные дыры.

От подошвы моего ботинка, которым я прижимал язык, шёл едкий пар. Убрав ногу, я крикнул брату: «Давай!»

Пашка напал на жабу с правого фланга. Она не обращала на него внимания, и лишь пыталась подтянуть пригвождённый язык к себе, от боли зажмурил глаза.

Когда брат приблизился, в его щит врезалась перепончатая лапа, и откинула его. Деревянный круг разлетелся щепками.

Остатки меча уже растворились в кислотной пелене. Жаба проглотила язык в подбородный пузырь, и начала пожёвывать его с тихим кваканьем. Её тупой взгляд говорил: «Наплевать на вас. Главное – мой язык!»

Пашка занёс меч для удара, и я хотел атаковать совместно с ним, но жаба сделала молниеносный прыжок. Без усилий она пролетела над верхушками деревьев, словно комета, и бесшумно приземлилась на другой стороне опушки.

«Достать её в ближнем бою не удастся»

Я начертил на теле руну первого порядка Сиг – «скорость». Тело моё стало будто подхваченным потоком ветра.

– Обходи её с левого фланга! – приказал я Пашке и тот повиновался. Теперь в руке у него был один лишь меч, и мне приходилось внимательно следить за каждым движением брата – удар противника, и все рёбра мечтательного юнца будут переломаны.

Пашка побежал, держа меч над головой. Я вовремя прикрыл брата: как только жаба попыталась ткнуть его колючим боком, мне удалось сдержать удар щитом, на поверхности которого остались глубокие борозды.

Меч брата скользнул по морде жабы, оставив лишь царапину. Я же нанёс прицельный укол в подбородный мешок демона. Жаба зашипела, разбрызгивая повсюду слюну. Случайные капли попали на белёсый волдырь дерева, и заставили его лопнуть с оглушительным хлопком.

Я прикрыл брата собой. Защитная руна сдержала брызги, что разлетелись вокруг взрывными снарядами. Маленькие дымные язычки поползли от призрачно-синей оболочки вверх.

В голову мне пришла спасительная мысль: «Раз кислота жабы такая едкая, то она может воспламениться!»

– Факел! – крикнул я Пашке, увидев, что его головёшка догорает на земле в стороне от нас. Пока я сдерживал жабу своими взмахами, стараясь уворачиваться от её шипов, брат добрался до факела и кинул его мне. Я отпрыгнул от жабы, ловко подхватив древко. Жаба воспользовалась шансом, и прыгнула в одну из ядовитых проталин.

– Сорвалось! – с досады крикнул я. С братом мы тяжело дышали, измазанные грязью и потом с головы до ног. Руна Эльгиз потеряла свою силу. Мы остались беззащитны.

«Плевать на светоча, плевать на остальных. Надо забрать отсюда кристаллы, и попасть в Стальград. Но сперва надо разобраться с тварью»

Внезапно земноводное выпрыгнуло из проталины позади нас, и тут же выпустило в нас язык. Сбив брата с ног, мне удалось защитить его, и самому увернуться от молниеносной атаки.

Выпад жабы был для неё последним. Ударив головой факела по её растянувшемуся языку, я дал огню желанную пищу. Фиолетовая полоса ползла по склизкой поверхности, пока не добралась до жабьего нутра.

Земноводное скрутило язык в подбородный мешок, и тем совершило величайшую ошибку. Зашипев, оно разбрызгивало по округе пылающие слюны, прыгало во все стороны, пытаясь найти спасения. Огонь лишь набирал силу и пожирал её чрево. Она решила спрятаться в ядовитую проталину, но как только прыгнула туда, полностью покрывлась пламенем. Взвился столб огня, который отправил к небу разлома тёмно-серые потоки дыма.

– Ва-а-у... – прошептал Пашка, глядя на фейерверк. Ноги его дрожали, слезящиеся глаза отражали пламя, а лицо выражало усталое равнодушие.

Кислотная рана на моей руке утихла. В ноздрях стоял запах горелой плоти.

– Не расслабляйся. Здесь будут и другие, – сказал я брату, и проглотил кристалл, взятый из сумки. Брат удивлённо на меня поглядывал, но не смел задавать вопросов. Он видел, как я пытаюсь сосредоточиться, закрыв глаза. Огонь уже стих, и лес разлома вновь стал тихим, мутным, как убаюкивающий свою жертву убийца.

Впереди билось множество маленьких, но притких сердец. Они, словно медведки, рылись в земле. Я перевязал предплечье тряпкой, оставшейся от котомки брата, и мы двинулись дальше.

Демоны не заставили себя ждать. Из земли вырвалась целая стая сквернорылов. Они шипели, подбирались, шевеля усами и вытянув к нам продолговатые морды.

Я бегло начертил на плече брата руну Эльгиз. Синий мерцающий свет покрыл его кожу, его доспех. Брат с недоумением посмотрел на свои пылающие маной руки.

– Не разменивайся на осторожность. Руби их как можно быстрее, – я дал ему напутствие, не сводя глаз с множества врагов.

Брат кивнул, сглотнув. В его глазах огни решимости сменялись огнями тревоги, и наоборот.

«В этом бою всё решит первый шаг»

Руна первого порядка Ур – «бодрость», теперь пылала на моём запястье. Я начертил её, чтобы не обессилеть в нужный момент.

«Большого позволить не могу. Слишком мало маны и слишком много демонов»

Сквернорылы словно чуяли, что я не защищён, и сразу напрыгнули на меня. Они встали по флангу, но не могли зайти за спину – Пашка прикрывал тыл, отгоняя хвостатых мечом.

«Оступлюсь – сквернорылы вцепятся в мои конечности, и распотрошат меня, как прежде моё мертвое тело потрошили в трактире Архипа»

Выждав, пока первый попытается вгрызться мне в руку, я обрушил на его голову щит. С треском сквернорыл рухнул вниз, и тогда мой ботинок раздавил его черепушку. Второй напал справа. С противным писком он хотел вцепиться мне в плечо. С глухим стуком ударившись о поверхность щита, он рухнул на землю, и тогда мой каблук переломил его хребет.

Другие не заставили себя ждать. Они знали, что щит вот-вот развалится и я останусь беззащитным. И самое страшное – они готовы были пожертвовать жизнями ради этого.

Пять сквернорылов захватили все пространство передо мной. Они прыгнули и атаковали одновременно, словно стая волков, дорвавшаяся до раненого оленя.

Встретив их щитом, я подогнул ноги, и использовал всю силу молодого тела. Спасительная руна помогла. Сперва я разогнул колени, чувствуя, как ноги крепнут, а затем и руки.

С писком демоны отлетели на другой край поляны. Мягко приземлившись на лапки, они поползли обратно, огибая корявые стволы.

Пальцы скользили с особой быстротой и чёткостью – я чертил на земле руны второго порядка Даг – «малый взрыв». И снова квинтет сыграл партию уничтожения. Навалившись на мой щит, сквернорылы вгрызались в древесину, вырывали дощечки, просовывая в дыры свои мерзкие морды, чтобы достать до мягкой плоти.

Но мой план уже был реализован, а их участь предрешена. Я пробудил руны ногой, а сам изо всех сил толкнул сражающегося сзади брата. Под писк, и взрывной грохот мы кубарем полетели вниз.

Сквернорылы, что прыгнули за нами, получили дробь острой каменной крошки. Из вспоротых животов вываливались внутренности.

Выжившие ползли вниз, обтекая ловкими телами камни и кустарники, словно вышедшая из русла река. Пашка не получил повреждений, и без труда поднялся на ноги – магическая пелена защитила его. Я же летел вниз, и чувствовал телом каждый камень, каждую колючку, каждый бугорок земли, и не мог остановить его бег.

«Чёрт бы побрал моё благородство!» – думал я, завидуя брату.

Выскочив на небольшую поляну, я распластался на земле, словно огарок, выброшенный из дома за ненадобностью. Боль пронизывала шею, словно кто-то вставил иглу меж моих позвонков.

Столь щекотливая ситуация в бою равна смерти. Руками я разминал шею, пытаясь повернуть голову, но чувствовал лишь сильнейшую резь в позвонке.

«Бесполезно» – я смотрел на сквернорылов, которые уже приближались. В голове была единственная мысль – скверна. Та самая сила, которая помогла мне одолеть стаю чёрных. Раны на моём теле исчезали бесследно, когда демоническая сила брала верх.

«Она должна помочь!»

Я закрыл глаза. Остатки магических сил циркулировали в моей душе, и расходились по телу. Но этих крупиц было недостаточно, и вскоре они истлели, как последние угли в камине.

«Без меня ты ничто! Лишь блеклая тень короны!» – внезапно в ушах раздался шёпот, заставивший тело замереть.

– Кто здесь? – крикнул я, разворачиваясь по сторонам, но видел лишь подбирающихся демонов. Красные крысиные глазки неотрывно следили за мной.

Пошатываясь, я медленно отходил назад и пытался подавить дрожь в коленях. Из моего чрева шёл жар, который окутал тело лихорадочным плащом. Странные шепотки продолжили звенеть в ушах.

«Да, да! Помнишь, кто я? Не стыдись прошлого! Прелей немного крови за благо»

Громадные резцы порвали мой кожаный наруч, и вцепились в мою кисть. Я закричал и грохнул кулаком по морде сквернорыла, тут же раздробив её. Мёртвая туша сползла вниз, оставив свои резцы в моей руке.

Из глотки моей вырывался горячий пар. Капли пота скатывались по лбу. Я не мог моргнуть, глядя замороженным взглядом на противников. Я не мог вдохнуть – мышцы сдавили грудь стальным кольцом.

То, что горело во чреве, теперь расплзлось по всему телу – я позволил. Вместо холодной маны по моим каналам протекала липкая, тягучая масса, которая затуманивала сознание, но дела яростнее.

Вены вздулись на шее, словно толстые гусеницы. Боль мгновенно прошла. Тело стало невесомым, всемогущим. Грудь быстро вздымалась, как кузнечные мехи, а сердце кольнуло и замерло. Я кровожадно улыбнулся, глядя на врагов, и бросил им: «Подходите!»

Глава 14. Цена взросления

Два сквернорыла, словно бешеные дворняги, донимали брата с двух сторон. Когда один делал выпад спереди, заставляя Пашку отвлечься, другой подскакивал сзади, чтобы нанести подлый укус. Магическая пелена защищала юнца, но вскоре иссякла, и тогда сквернорылы начали грызть ремни его доспеха.

– Гадины! Деритесь честно! – кричал брат, задыхаясь от усилий, от нервного напряжения.

Наконец, сквернорылы снова сменили роли. Тот, что с фланга, грозно шипел на Пашку, и неохотно подпрыгивал, делая вид, что вот-вот набросится. В это время другой уже подкрадывался, чтобы укусить брата за спину.

Но как только он подобрался, брат развернулся и наугад махнул мечом. Лезвие скользнуло по морде твари, разрубив её пополам. Другой, увидев, что хитрый план раскрыт, остервенело ринулся в атаку. Но я уже был тут как тут.

Сквернорыл извивался в моей руке и пытался достать зубами моё предплечье. Хвост бился в судороге, извивался вокруг руки. Я надавил сильнее, переламывая хрящи и кости мерзопакостной твари. Она хрипло запищала, и вяло рухнула на землю.

Победа была далека. Ещё один сквернорыл, более крупный, навалился на меня сзади, и от неожиданности я не устоял на ногах.

– Брат! – крикнул Пашка, и рванул ко мне, но путь ему перекрыло двое демонов. Они выпрыгнули из земли, шипя, отряхивая шёрстку от земляных клубов.

Жжение скверны уже расходилось по всему моему телу. Сквернорыл плотно прижал меня к земле, и своими резцами пытался впиться мне в шею. Я же извивался как мог, избегая укусов монстра. Улучив секунду, когда сквернорыл готовился к следующему рывку, я обхватил его шею, но не помогло: шерсть его была, как у выдры – лоснящаяся и скользкая, а шейные позвонки были гибкими, как у обычных крыс. Демон просунул голову, наплевав на моё сопротивление, и я сперва с ужасом увидел раскрытую пасть, из которой торчали длинные резцы, а затем почувствовал невероятное зловоние.

«Эти твари возвращают мне должок! Когда-то они мучались от моего аромата!»

Пашка был беззащитен. Но он уже понял, что сквернорылам нельзя дать себя обойти. Пускай брат был измотан, но жизнь, что подвергается опасности, быстро учит её избегать.

Пока краем глаза я смотрел за братом, клыки сквернорыла впились в мою шею с писком. Я беззвучно крикнул – боль пронзила меня, и по нервам передалась всем конечностям.

Тело охватил судорожный паралич. Шейная артерия была прокушена, и кровь хлестала, заставляя мерзкого сквернорыла облизываться, и подставлять раскрытую морду красному фонтану.

Его жажда не была утолена. Мордой и когтями он вгрызся в мою грудь, сперва порвал кожаную поверхность доспеха, вырвал металлические вставки, а затем принялся за беззащитную плоть.

Руки налились силой. Эта тварь уже не вызвала в глазах ужаса – лишь омерзение. Сжав зубы, я обхватил его морду. Сквернорыл вырывался, а я смотрел на свои окровавленные пальцы, меж которых пробивалась серая шерсть твари. Мои большие пальцы скользнули вниз, легли на маленькие красные глаза. Затем – согнулись, вдавив две бусинки внутрь. И через секунду – надавили так, что под ними образовалась красное месиво, а крысоподобная тварь истошно запищала, пытаясь вырваться.

Но мне было мало. Я хрипло посмеялся, и из моего горла снова хлынула кровь. Казалось, она бесконечна. Напрягши свои кисти, я сдавил череп сквернорыла, и увидел, как сквозь мои пальцы теперь просачивается багровая масса.

Пьянящий, горячий пар окутал всё моё тело. Из горла уже не текла кровь. Никакой боли не чувствовалось. Лишь внутреннее раздражение – кровавая звезда, которая светила ярко и заставляла меня сеять смерть и пожирать её плоды.

Вскочив на ноги, увидел, что брат сумел одолеть одного сквернорыла, но второй вскочил ему на спину, оторвал кожаный наплечник и вгрызся ему в плечо.

Одним прыжком я оказался рядом. Прицельный удар кулака выбил из сквернорыла всю жажду плоти. Он отлетел в ствол дерева, и замертво рухнул.

Брат отступил, ошеломлённо взглянув на меня. Я увидел свои руки. По их венам текли ярко-красные сгустки, меж которыми кожа покрылась тёмными трещинами, пальцы набухли, стали нечеловеческими, уродливыми, а ногти на них отросли, почернели, стали подобны когтям гаргулии.

«Забавно. Теперь я... стал чудовищем?» – была последняя разумная мысль в моём воспалённом мозгу. Я тяжело дышал, бесконечно колотя ногами. Под ботинками у меня хрустели, смачно хлюпали тела давно убитых демонов. Я не мог остановиться. Брат с ужасом смотрел на меня и молчал, не смея ни сесть, ни убежать, ни промолвить слова.

Тела превратились в кровавую жижу. Повсюду жужжали странные комары – куда больше наших. Они садились, и своими острыми ртами-трудами, присасывались к размягчённой пище.

Мне уже было наплевать. Я выдохся и, пошатываясь, подошёл к оцепеневшему брату.

– Мы... в безопасности, – прохрипел я, но мои слова ничего не стоили. В глазах брата горел страх, и как только я делал шаг навстречу к нему, он отшагивал назад.

Я вздохнул, приняв его реакцию как должное.

«Вот она – цена силы»

Мир вокруг меня начал плыть. Я почувствовал рвоту, подступающую к горлу, и согнулся. Стоять было невыносимо, так что я упал на бок и почувствовал едва уловимое облегчение.

Пашка подошёл ближе, но побоялся тронуть меня рукой.

– Моя сумка... Дай мне слезу света, – нечеловеческим голосом произнёс я. Брат помедлил, сомневаясь. Он смотрел то на мою сумку, лежащую в стороне, то на моё дрожащее тело. Смотрел с состраданием и тревогой.

Наконец, доброта проснулась в его душе. Он порылся в моей сумке, нащупал небольшой кристалл и с опаской бросил его рядом со мной. Я вяло улыбнулся, и проглотил его. Осколки осыпались на мой голый живот – сквернорыл изорвал мою кирасу.

Получив немного силы, я вздохнул и опустил голову на землю. Всё казалось бессмысленным.

«Как же я собираюсь победить богов, если не могу совладать со своим телом?..»

Но вскоре меланхолия прошла. Я взглянул на брата, и вдруг вспомнил, ради чего иду кровавым путём. Незримым долотом я выбил важнейшую мысль в своём черепе: «Ещё рано умирать!»

Мана вдохнула в меня жизнь, и я поторопился дрожащими пальцами вывести на своей коже новую руну Ур. Придя в себя, я медленно поднялся, будто калека, который примеряется к новым костылям.

– Ты... Это ты, брат? – Пашка смотрел на меня так, словно видел нечто чужое, пришедшее из другого мира.

В горле у меня пересохло. Брат по моему виду понял это, открыл свою флягу и прислонил её горлышко к моему рту. Я жадно заглывал жидкость, проливая струйки на изорванную рубаху и оставшиеся от кожаного доспеха лоскуты.

Опустошив флягу, я со вздохом облегчения отбросил её в сторону. Хотелось поскорее пойти дальше, и отвязаться от ненужных вопросов.

– Откуда в тебе это? Почему... ты...

– Я маг, – ответил я, вытерев мокрый подбородок, на котором пробивалась щетина. – А ещё, во мне живёт скверна. Демоническая зараза. Она пытается сожрать меня, но я даю ей отпор... пока что.

Брат открыл рот, но передумал задавать вопрос. Он опустил взгляд, о чём-то тяжело размышляя.

– А-а-а! По-мо-гите!!! – слышались истошные крики с западной стороны разлома. Гнусавый голос мне был хорошо знаком – не так давно именно он играл на нотках моей души, вызывая ненависть.

«Великий Светоч...»

Звенья кольчуги порваны, она слетела со светоча, и на его теле остались лишь наручи с поблекшими на них рунами – магические знаки потеряли свою силу. Через его лицо, пересекая губу, горизонтально разрезая усы, шла красная полоса, сквозь которую видны были окровавленные зубы.

Увидев нас с Пашкой, светоч с криком побежал к нам. Сзади на него запрыгнули сквернорылы, и вгрызлись в бледные плечи, пытаясь свалить жертву. Но незадачливый командир был так испуган, что ноги его приобрели первобытную силу и не сгибались под тяжестью.

Пашка сделал шаг к бедняге, но я упёр ладонь в его грудь. Брат удивлённо посмотрел на меня.

– Некоторым вещам нужно позволить случиться, – холодно сказал я. Пашка хотел возразить, но мой непреклонный взгляд его отрезвил.

Не успел светоч добраться до нас, как демоны добрались до его шеи. Брызнула кровь. Обессилев, он свалился, и три продолговатые морды начали ворошить его тело, пытаясь добраться до мякоти.

Сквернорылам понадобилась минута, чтобы разобрать человеческое тело по частям. После они дрались меж собой, пытаясь отвоевать друг у друга самые мясистые куски.

В последнем бою моё тело выдержало слишком высокую нагрузку. Тяжёлая усталость не позволяла двигаться быстро, и что важнее – проявлять смекалку в бою. Поэтому я решил, что с оставшимися демонами нужно разделаться быстро.

– Дай мне меч, – я протянул ладонь брату, не отрывая взгляда от сквернорылов. Они были слишком заняты делёжкой добычи, и я не хотел терять ни секунды. Брат настороженно глянул на меня, неохотно кивнул и вложил гарду мне в руки. Проведя взглядом по лезвию, я убедился, что оно не пострадало – было всего несколько зацепов.

Рванув вперёд, я заставил сквернорылов обратить на себя внимание. Они подняли окровавленные морды и следили за каждым моим движением.

Как только приблизился, они предупреждающе запищали, после чего ближайший из них прыгнул на меня. Взмах, и половина его мерзкой морды отлетела в сторону. Его сородичи не стали ждать. Шаг влево, дуговой удар, укол снизу-вверх. Второй был разрублен пополам, а последних из них повис на лезвии меча, словно дичь на вертеле. Придавив тело ногой, я вынул из него меч и вернул его брату.

Пашка молча окинул взглядом место побоища. Среди хвостатых тел лежали и куски тела светоча. Кровь образовала ручейки, перетекающие в большую красную лужу, словно десятки рек протекали в океан.

Брат уже не удивлялся ни моему хладнокровию, ни моей жестокости. Он лишь тактично держался в стороне, не желая попасть под руку.

Я решил, что ни к чему тратить время на слова. Да и как это можно было объяснить?

«Извини, брат, но я не тот, за кого себя выдаю. Ты сейчас общаешься с древним королём, который отобрал тело у Радомира... Едва ли он будет в хорошем настроении после таких слов»

Осмотрев растерзанного светоча, я убедился, что ничего хорошего от него не осталось. Куски кольчуги лежали на всём пути его бегства, словно рассказывая историю ужасной смерти. Его арбалет разлетелся на куски, и теперь стал грудой деревяшек и мелких жестянок.

Но оставался ещё путеводный камень, который лежал рядом в грязи и ярко мерцал. Оказавшись в моих руках, одна из частей камня засияла, показывая нужное направление.

По его поверхности шли синеватые жилы, как по моим рукам линии скверны. Казалось, порода камня не имеет никакого отношения к человеческому миру, и всё же разделительные грани на нём были вырезаны инструментами каменотёса. Я понял, что путеводный камень – продукт разломов, который научились использовать люди.

Забрав путеводный камень, я отправился в сторону, которая освещала его мерцающая створка.

«Она должна привести меня к кристаллам! Заберу их, и дело с концом»

– А как же Неждан? А как же остальные ребята? – вдруг сказал Пашка, стоя позади меня. Я развернулся к нему, удивившись его напоминанию, и только сейчас вспомнил о существовании ребят, чьи жизни меня не сильно заботили.

Брат смотрел на меня с укором и потирал свою руку, как он обычно делает при тревоге. На секунду я задумался: «Разве у меня так много времени, чтобы спасти каждого отрока королевства?..»

Но укоризненный взгляд Пашки заставил меня усомниться. Из-за него я начал копаться в себе, посмотрел на ситуацию с другой стороны.

«Только что я в изнеможении молотил тела демонов ногами...» – затем я задумался, и признался сам себе в страшной мысли. – «Только что я едва не прибил брата. У меня было такое желание»

Тело моё слабело. Хотелось поскорее закончить с этим разломом, попасть в Стальград, найти где-нибудь подходящую койку, и восстановить на ней силы.

– Ладно... Пошли, – нехотя сказал я, развернувшись к тропе, по которой бежал светоч.

На сырой земле были отчётливо видны следы сапог светоча и когтистых, тонких лап сквернорылов. Из ствола дерева торчало несколько болтов, выпущенных из арбалета светоча. Поодаль, в канаве, усеянной жуткими, шевелящими отростками, похожими на ножки насекомых, лежали трупы ребят. Сквернорылы не успели ими полакомиться.

Но на одном из парней доспех уцелел. Из шеи его сочилась кровь.

«Эти твари знают, куда кусать» – подумал я, потеряв то место на своей шее, в куда не так давно вцепился сквернорыл. Я освободился от порванной в десятке мест кирасы, стянул целую часть доспеха с мертвеца и затянул его на своём теле.

Пашка молча смотрел на мёртвого Неждана, что лежал рядом с остальными с мечом в руке. Руки брата дрожали. Он пристально изучал каждый клочок изорванной плоти, и лишь удивлялся, что совсем недавно его друг был жив и здоров.

– Нам пора, – сказал я, закончив возиться с обмундированием.

– Зачем?... – тихо произнёс брат, глядя в глаза оторванной головы Неждана. Взмокшие волосы прилипли ко лбу, в остеклевенных зрачках отражались плывущие вверх сгустки первоматерии. – Никого не осталось.

– Мы должны закончить начатое, – я покрутил в руке путеводный камень и тот загорелся мерцающей синевой, указывая нам путь к слёзам света. – Привыкай. Ты ещё немало друзей потеряешь в боях с демонами. И не только с демонами.

Пашка кивнул, смахнул слёзы с щёк и пошёл за мной. Мы пробирались через овраги, впадины, болотистые, широкие проталины, пока не наткнулись на огромный горный перешеек.

Даже горы здесь были другими. Их чёрная, изборождённая красным мхом поверхность, едва заметно плыла, словно облака на небе. И в этой вечно движущейся поверхности мерцали кристаллы.

Но оставалась сложность – как вытащить слёзы из этой странной материи? Руны малого взрыва будет здесь недостаточно. Мне понадобится десяток взрывов, чтобы раскрошить горы. Слишком затратный способ.

«Неужели придётся вызывать Борова? В таком случае я введу брата в ещё больший ступор»

Пашка смотрел на мерцающую кристаллами гору равнодушно. Не осталось ничего от мальчика, мечтающего стать доблестным рыцарем.

– Отнесись к этому... с пониманием, – произнёс я, начав чертить на земле. Пашка удивлённо следил за моими движениями.

– Ты точно мой брат? Откуда в тебе всё это? Ведь всего месяц назад мы с тобой дрались на мечах, гоняли голубей и играли резными солдатиками! – голос его сорвался, глаза заслезились, а руки сжались в кулаки. Он подошёл ближе, замахнувшись на меня.

Брат не выглядел угрожающим. Он выглядел обессиленным, уставшим от внутренней борьбы, потерянными. Я посмеялся ему в лицо со словами:

– И не такое тебе придётся пережить.

Удар. Кулак Пашки скользнул по моей щеке, не причинив боли. Лицо брата налилось краской, по нему побежали слёзы.

Сердце моё смягчилось. В который раз.

– Я точно твой брат. Просто... – я задумался, пытаюсь подобрать легенду, которую нельзя будет ни проверить, ни опровергнуть. – Я маг. В моё тело вселился дух. Порой он делает меня... другим.

– Я уже не знаю, чему верить! – голос брат сорвался на фальцет, он тяжело задыхался и уставился в землю. После исподлобья глянул на мои руки, которые уже выглядели, как две демонические кочерги.

«От этого мальчишки одни проблемы. Но надо отдать ему должное – он не трусил, не убегал от демонов, как тот недоделанный светоч»

– И как скоро ты преврати...

– Я не стану одним из них. Хватит. У нас нет времени.

Пашка замолчал. Я пробудил руны, после чего массивная фигура Борова замерцала над магическим знаком.

– Клятый Вуль'грахот! Клятый Геммон! Клятая Ша-Зирра! Ну почему они не высосали тебя тогда, две сотни лет назад?! – заревел Боров. – Почему ты теребишь меня так же часто, как юнец теребит свой отросток?! Почему не дёргаешь остальных?!

– Ты любимый мой питомец, – усмехнулся я, покосившись на Пашку. Тот остолбенело разглядывал кабана, его толстую шкуру, его наглые сверкающие глаза. Мне оставалось надеяться лишь на то, что свалившаяся на брата груда информации заставит его и дальше быть молчаливым, и никому не выбалтывать о том, что он здесь видел.

«Впрочем, ему всё равно никто не поверит»

– Задача для тебя типичная, – я показал Борову на скалу, возвышающуюся над нами. Боров кинул взгляд вверх, пару секунд подсчитывал количество кристаллов, а после рывкнул:

– Половина!

– Я не могу себе такого позволить.

Глаза Борова округлились. Он нахмурился и глянул на Пашку:

– А ты чего стоишь, тюфяк? Нравится, когда мучают животных? Скажи своему хозяину, чтобы поумерил свой аппетит! Мне тоже есть надо!

– Э-э-э... – Пашка начал нервно тереть свою руку, отступая назад. Кожа быстро стала красной, а белые волоски на ней встали дыбом.

– Заткнись и не трогай его. Он ничего не знает.

Глаза Борова блеснули: кабан нашёл, за что зацепиться.

– Не знает? Вот как... Думаю, ты не заинтересован в том...

С размаху я заехал кулаком по мясистой морде Борова. Костяшки мои испытали невероятную боль, покрылись ссадинами, но прицельный удар в глаз обнаглевшего кабана того стоил. Животное завыло, захрюкало и в приступе начало бить копытами в воздух.

– Я больше не намерен с тобой шутить. Делай то, что сказано, – твёрдо сказал я, не отрывая взгляд от вертящегося вокруг себя кабана.

Вскоре Боров успокоился. Взгляд его стал мягким, как у члена стаи, получившего нагоняй от вожака. Кабан начал орудовать своими бивнями, разламывая скалистую породу, словно умелый каменотёс.

В груди камней, разбросанной у горной цепи, сияли слёзы света – многочисленные звёзды на чёрной, как ночное небо, земле. Я насчитал десять мелких, четыре средних и два крупных.

«Крупный кристалл пригодится на магической тренировке – мне придётся орудовать непомерно большими объёмами маны. Мелкие будет удобно использовать в бою – они отлично поместятся в кармашках кожаного доспеха. Средние... в любом случае пригодятся»

Глянув на Борова, который поджал свои пороссячи уши, и искоса поглядывал на меня, я со вздохом сказал:

– Бери себе пять мелких. Остальное нужно мне.

Кабан без слов разгрыз россыпь кристаллов, облизнулся, после чего живот его заурчал ещё сильнее.

– Моя душа изголодалась по мане... Мне бы ещё... – жалобно провыл Боров.

– Нет, – я сложил руки на груди.

– Как скажешь, хозяин, – Боров согнул ножки, чтобы казаться ещё меньше.

Без лишних слов я разорвал магический канал, стерев руну с земли. Искры маны истлели в воздухе. Боров отправился обратно в узел Тенебриума.

Собрав слёзы света в сумку, я водрузил ношу на спину и ощутил тяжесть – тело моё было уставшим после боя, и никакая мана уже не исправила бы положения.

Пашка тоже был измотан, и во многом это меня спасало – он не был настроен на разговоры. Вернувшись обратно, я поставил на врата разлома печать. Пашка, выйдя обратно в человеческий мир, вздохнул с облегчением. Лицо его прояснилось, когда мечущийся поток энергии исчез, поглощённый моей печатью.

Вокруг был тихий лес, куда ветер не заглядывал даже мельчайшим порывом. По небу можно многое определить. Сейчас его поверхность была густой, тёмно-синей, и луна сияла во всей красе. Было немного за полночь.

– До Стальграда пару часов хода. Сделаем привал. Деревня наша рядом, – сказал я брату.

«В город попасть очень важно, но не хотелось бы оказаться среди неизвестности в обесилённом состоянии»

Мы пробирались сквозь еловые ветви, пока издали не послышался мерный треск древесины.

«Пожар?..»

Звук предвещал беду. Мы вышли из чащи к мосту, и увидели потоки дыма, что расстилались по небу, словно растёкшаяся краска на холсте. На подступах к деревне горели не только хижинки, но и золотистые пшеничные поля, и зелёные луга, издали так похожие на дикие островки в океане. Овцы, что с блеянием металась из стороны в сторону, издали напоминали облака зарева – такие же горящие и белые.

«И этот чудовищный запах горячей плоти, смешанный с гарью... Знакомый аромат смерти»

Чем дальше проникал мой взор, тем становилось страшнее – всё поселение было объято пламенем. И ни души. Ни одного мучительного крика.

Глава 15. Выжившая

Не обмениваясь ни словом, мы следовали среди догорающих, но таких родных домов. Вот рыбацкие хижины, которые превратились в груды хлама, из которой выглядывали рыболовные сети и горелые сваи. Вот изысканный дом плотника (повсюду на нём были плавные узоры, посвящённые богам), все труды которого развеялись по ветру. Вот таверна, откуда постоянно слышался хохот и стук бокалов, – теперь их сменил огненный треск, перемежающийся с угрожающей тишиной.

– Выходи, девочка, и мы тебя пощадим! – крикнул незнакомец, массивное тело которого было покрыто завязками ламеллярного кожаного доспеха. Колючая борода его пропиталась потом, и блестела при свете огня. Белёсый глаз, пересечённый шрамом, не выражал ничего и был будто вставным. Крикнув, незнакомец хищно облизнулся, и заколотил своими короткими мечами друг о друга.

Позади него стояли другие – худощавые и молодые бродяги с щетинистыми, запылёнными пожарами лицами. Броня их была куда менее добротная.

«Вороны, прилетевшие разграбить то, что не забрал огонь. Но кого они хотят выкурить из горящей хижины?»

Вскоре их главарь сам ответил на вопрос:

– Чрево Ша-Зирры! За девчонку дадут хорошую цену, возможно, даже в несколько золотых. Какой-нибудь богач точно возьмёт её «на воспитание»!

При последней фразе один из мародёров мерзко хохотнул. Как только они завидели нас, то насторожились, и пригнулись, словно кошки перед броском. Пол минуты меж нами раздавался лишь треск горящей древесины.

– Чего надо? – брызнул слюной их главарь.

– Да? Чего надо?! – поддакнул мародёр.

В этот момент балка крыши накренилась, скрипнула, и обломилась пополам. Плавающие тюки сена припали к земле, и языки пламени задорно побежали по сухой траве вокруг.

Главарь не стал ждать. Если мародёры были неуверенны в себе, и всецело зависели от его мнения, то сам он не обращал ни на кого внимания и был поглощён собственной дикостью. Он не работал в команде, и ни с кем не считался. Лишь летел на меня, выставив вперёд свои обоюдоострые мечи, на которых ржавчина соседствовала со спёкшейся кровью. Другие поспевали за ним.

«Без главаря эта стая ничего из себя не представляет. Как только убью его, остальные разбегутся. Но я не хочу отпускать их живыми...»

Гарду меча я сжимал из последних сил. Лезвие плавало туда-сюда, влекомое ослабевшей рукой.

«Ни к чему рисковать»

Защитный покров руны Эльгиз окутал меня. Шавки главаря это заметили, и едва усомнились, замедлили шаг. Но видя безумную ярость своего главаря, они ей заразились.

Главарь орудовал клинками, как скорпион клешнями – столь же быстро и смертоносно. Первые два укола удалось отразить, а третий скользнул по моей мерцающей пелене, не оставив и следа. Главарь в удивлении поднял брови – он явно не рассчитывал, что его точный удар не достигнет цели.

Я ушёл в сторону, и нанёс резкий удар. Главарь сумел увернуться, отпрыгнув назад. Я подмечал каждое его движение. Его ехидное выражение лица, на котором в пляске теней изгибались морщины, говорило об обмане. Наскочив на меня, он занёс оба меча для удара.

«Этот оскалившийся дикарь считает, что он самый умный... Однако жизнь преподносит сюрпризы»

В полёте он резко убрал левую руку в сторону, и уже намеревался исполосовать меня с двух сторон – сверху и искоса. Раздался истошный крик. Я выставил меч так, что главарь, опустив руку для удара, на самом деле опустил её для её же расчленения. Локоть наткнулся на холодное лезвие, послышался хруст суставов, а затем я дёрнул меч вверх, помогая стали напиться кровью. Половина руки главаря отлетела к горящей хижине.

– А-а-а!!! Твою мать! – завопил он, выпустив из второй руки клинок и пытаясь ладонью остановить кровь. Мародёры подскочили с обеих сторон. Лица испуганные, но злые, словно морды раненых собак, пытающихся перед смертью куснуть врага.

Один кинулся на меня с дубиной, окаймлённой железной набойкой. Нога назад, развернул корпус, и дубина опустилась на землю передо мной. Затем – резкий удар ногой по голове нападавшего. Руки его разжались, отпустив оружие, тело рухнуло на спину.

Третий мародёр обладал «угрожающим» оружием – серпом.

– Лучше бы косил колосья, да сорняки. Жив бы остался, – засмеялся я, пока его главарь кричал, брызгая кровью на мародёра, что лежал рядом без сознания.

Страх подтолкнул его идти до конца. Едва он поднял руку для удара, как голова его слетела с плеч.

Бой закончился быстро. Пашка даже не успел ничего сообразить. Он лишь поддержал меня в самом конце, когда я едва не рухнул на землю. Усталость навалилась на плечи чугунной гирей.

– Можешь идти? – спросил брат, возвращая меня на ноги.

– Да... Всё нормально, – ответил я, найдя опору. Главарь едва слышно сопел, лёжа на земле. Из его культи уже почти не струилась кровь, в лужицу лишь скатывались редкие капли. Оглушённый мародёр так и остался лежать. На его лице плясали тени огня.

– Убей их, – сказал я Пашке, вложив ему в руки меч. Брат непонимающе глазел на окровавленное лезвие, на тела недобитых, пока я направился ко входу хижины. Она уже накренилась вбок – опоры лопнули, и казалось, что это человек, тело которого перекосило от тяжёлой жизни. Вход был завален пылающей балкой. Коровий пузырь, некогда бывший окном, расплавился и лопнул. Внезапно в проёме, из которого валил дым, я увидел чёрное лицо девочки. Слёзы и сопли смешались, размазывая гарь на её лице. Волосы обуглились, стояли торчком, словно это была маленькая ведьма, собравшаяся на шабаш. Она ничего не кричала, и лишь мелькнула в окне, будто призрак.

«Уже чудо, что она продержалась так долго!»

Я ринулся ко входу, откидывая в сторону обломок потолочной балки. Руна Эльгиз легко сдерживала пламя, и даже волоски на моих руках не обгорели. Потолок окутал дымный навес. Девочка громко кашляла, свернувшись клубком рядом с печкой. Я прошёл к ней, наклонился, скрежеща зубами от усилий и боли, и сумел поднять её на руки. Она весила не больше мешка картошки, но руки готовы были сейчас держать лишь подушку.

Дымный туман лишил меня зрения. Спасло то, что хижины здесь были маленькими, не имели внутренних дверей и заблудиться в них было так же сложно, как в Астаре – моём родном поселении, стоящем на берегу Змеиного моря. Что любят на севере, так это простор.

Но внезапно дрожь земли заглушила треск древесины. Она передалась бревенчатым стенам – они тут же накренились вовнутрь, и потолок, соломенная прослойка которого уже полыхала, начал валиться.

В очертаниях входного проёма мелькала фигура Пашки. Я резко кинул ему девочку, после чего изо всех сил оттолкнулся ногами. Одно из брёвен сорвалось, рухнув, и подтолкнув тем самым полное разрушение хижины. Мне удалось согнуть тело, и перекатиться по земле в проём. Но умирающая хижина не хотела меня отпускать: лоскут моих штанов зацепился за гвоздь, торчащий в доске.

Обхватив ногу руками, я упёрся в землю, и резко дёрнул её, разорвав штанину. Тело моё перекатилось назад под грохот, скрип, громовой треск. Над хижиной поднялось пламя, вокруг которого рассеялись клубы пыли.

Девочка лежала на руках брата. Пашка придерживал её за голову, и разглядывал её со свойственным ему сожалением. Он хотел ей помочь, но не знал, как.

Несмотря на то, что девочку в саже было сложно разглядеть – слой был такой, что даже волосы её превратились в чёрную шапку, я узнал её по раскрывшим серым глазам – глазам Агнии. Она смотрела на меня, на Пашку, на проступающие на небе звёзды. Грудь её трепетно вздымалась, а горло сжималось, пытаясь выдавить гарь. Агния пыталась откашляться и давила себе на живот.

Я резко надавил ей на грудь. Она начала громко кашлять, отплёвываясь чёрными слюнями. Это продолжалось несколько минут, пока мы с Пашкой несли её подальше от горящего поселения. По пути я заметил тех самых мародёров – главарь уже умер от кровопотери, а оглушённый медленно задыхался от гары.

«Пашка обрёл их на более мучительную смерть... Но это уже неважно»

– Я думал, что она пропала! – удивился он, глядя в красные от дыма глаза Агнии. Затем Пашка перевёл взгляд на огненное зарево, поднявшееся над деревней. Пожар будто пожирал само небо. – Я ничего не понимаю... Как всё это ужасно...

Как только девочка выплюнула из себя всю гарь, я достал фляжку, и обмыл её лицо. Лицо её было красным, со вздувшимися на щеках и подбородке волдырями. Тем не менее, она не могла сдерживать улыбки при виде знакомых лиц и от осознания, что всё ещё жива.

– Снова?.. – с вымученной улыбкой сказала она.

– У тебя интересная способность попадать в передраги, – ответил я, вздохнув. Агния на удивление быстро восстановилась и уже могла самостоятельно сидеть. Пашка отдал ей остатки своей воды. Она промочила горло, после чего говорить ей стало проще.

– Что случилось с деревней? Где люди? – обеспокоенно спросил брат.

– Я... Там пришли какие-то странные люди... Они повесили старейшину, а дальше... повсюду разгорелся пожар... Эх, я ничего толком не знаю, – она обречённо выдохнула, не в силах припомнить подробности.

В её красивых серых глазах до сих пор стоял невыразимый ужас. Я понял, что ничего толкового из неё не вытянешь. И всё же произошедшее было слишком важно.

«Кто сжёг деревню? Обычные налётчики? Может, Григорьевы, которые решили расплатиться за недостачу оброка? Или случайный пьяница, который обронил бутылку на горящую щепу?» – я размышлял, с тревогой глядя на догорающие хижины и не мог поверить, что больше никого не осталось.

– Не противься. Доверься. Я не сделаю ничего плохого. Мне нужно узнать, что произошло, – сказал я, глядя в её глаза. Она пристально на меня посмотрела, будто выискивая в моих зрачках истину, и медленно кивнула.

На лбу Агнии пальцем я начал вести линии руны второго порядка Лаумар – «скрижаль памяти». Белая полоса прорезала гарь, образуя несколько кругов и замысловатых символов. Пашка не отрываясь следил за столь странным ритуалом, пока Агния послушно лежала на могучих еловых корнях. Дотронувшись пальцем до руны, я пробудил её. Над белыми линиями появилось синее свечение.

Воспоминание Агнии

Птицы беспокойно взмыли ввысь, разнося гул по всему лесу. Агния сидела в своём домике на дереве, наслаждаясь сочной черникой, облизывая пальцы каждый раз, когда нужно было перевернуть страницу занимательной книги – «Дитя степей». Её, как и остальные книги, лежащие в домике на дереве, она своровала с ярмарок, которые устраивали когда-то по всему

королевству. Ярмарки свернули, когда участились нападения чудовищ и теперь Агнии по сотне раз приходилось перечитывать уже имевшиеся у неё книги.

– Боги! Смилуйтесь! – раздался душераздирающий крик со стороны деревни. Агния вскочила на ноги и припала к окну. Несмотря на то, что она сбежала из деревни, и порой подворовывала у местных жителей, судьба поселения её заботила не меньше, чем судьба собственного домика на иве.

Домик слегка возвышался над лесом, так что она без труда разглядела жену старейшины, что распостёрлась на деревенской площади. Издав крик, она рухнула замертво. Тёмные волосы закрывали её лицо. Босые ноги лежали на серых камнях. Перед её телом стоял отряд вооружённых людей. Позади – на том самом помосте, где недавно вознаграждали Радомира, она видела стоящего на табурете старейшину. Солнце ярко освещало виселицу, в петлю которой была засунута шея старейшины.

Бледный старик в чёрном сюртуке вещал с помоста на всю площадь голосом проповедническим и злым:

– Будет вам известно, чумазый народ, что за все свои грехи нужно платить! И сегодня вы наконец поймете, где ваше место! В рабских кандалах! Кончайте его! Пусть это всем будет уроком!

Губы старейшины дрожали. Руки были связаны сзади, а ноги неуверенно стояли на табурете, продвигаясь ближе к краю; он будто сомневался: «не взять ли смерть в свои руки?»

Агния не знала, как его спасти. И всё же чувства внутри неё взяли вверх над разумом. Она быстро спустилась, пробежала через лес, проскользнула через оцепление наёмников, и оказалась в толпе.

Но как только последнее слово сорвалась с уст бледного старика, один из наёмников выбил табурет из-под ног старейшины. Петля сдавила загорелую шею. Сердце Агнии забилось в бешеном ритме. Ей никогда не доводилось видеть столь жестоких сцен, пускай практически в каждой её книге упоминали о виселице или гильотине.

Повешенный даже не двигал ногами. Он принял свою участь покорно, прикрыв морщинистые веки. Народ взорвался. Крики, вопли, толкотня. Вот один из деревенских попытался вырваться из засады – головорез тут же врезал ему в живот. Какую-то женщину, которая вопила, жестоко тащили за волосы через всю площадь.

Вскоре образовался строй из закованных в кандалы крестьян. Их связывала одна цепь, звенья которой переливались магическим блеском.

Стройные ряды будущей бесплатной рабочей силы медленно потекли через мост к Стальграду. Их с обеих сторон сопровождали конники с копьями наперевес.

В суматохе Агнии удалось скрыться в тени хижин. Она двигалась в приседе в обратном направлении. Деревня была оцеплена по кругу. Девочку спасло лишь то, что некоторые головорезы допились до беспамятства, а другие отправились сопровождать строй.

Проскользнув в лес, она со всех ног бежала к своему домику. Уже на подступах были видны обломанные доски, вырванные страницы, что торчали из густых ветвей ивы, склонившейся к земле.

Агния остолбенела и боялась подойти ближе. Её уютное жилище, её одинокий островок жизни был разрушен. Рядом копошились головорезы. Один из них, глазами пробежав очередную страницу книги, раздражённо крикнул:

– Ну ты! Дребедень какая!

И порвал книгу надвое.

– Ты бы сперва читать научился, а потом-то уж оценивал! – ответил ему другой, который ногами откидывал обломки хижины, пытаясь найти что-нибудь ценное.

Агния сделала шаг назад – под её ногой скрипнула ветка. Трое верзил, что наводили здесь свой порядок, одновременно обернулись к ней.

«Они улыбаются или скалятся?..» – подумала Агния, глядя в обезображенные отсутствием разума лица.

Не найдя ответа, она бежала со всех ног, огибая знакомые лесные препятствия. Лес ей был знаком, как пять пальцев.

Наёмники кряхтели за ней, пытаясь поспеть, и отплёвывались у каждого дерева. Среди них нашёлся особенно хитроумный.

Агния проклинала его всеми знакомыми ругательствами, когда её нога наткнулась на растяжку, и улетела вверх под давлением петли. Каштановая коса моталась перед её носом, мешая дышать. Агнии взмахнула головой, без промедлений согнулась, напрягнув всё тело. Узел верёвки был слишком крепким. Девочка быстро поняла, что ей мешает её же вес. Она взялась за верёвку обеими руками, подтянула тело повыше, и попыталась удержаться на одной руке, чтобы второй развязать ногу. Её тонкие ручки горели огнём, пока она не соскользнула обратно.

«Грёбаные верзилы!»

– А ну лови её, чертовку! Она где-то здесь! Я чувствую её запах! – послышалось рычание бегущих головорезов.

Агния подтянулась, сжав зубы и издав пронзительный писк. Её ноги болели – не то от постоянного бега, не то от напряжения. Агния с трудом держалась за верёвку, медленно представляя дрожащие руки. Наконец, девочка зарычала как детёныш рыси, и смогла подтянуться выше, балансируя, как акробат на канате. Пару рывков – и она освободила ногу.

Через секунду Агния проклинала себя за старания – у неё не хватило сил удержаться, из-за чего она рухнула вниз. В голове раздался протяжный звон. Сверху маячили тысячи иголок на пышных ветвях. Агния переводила замыленный взгляд, и не могла понять, где она.

– Здесь! Вот её следы! – крикнул головорез совсем рядом. Его грубый голос мгновенно отрезвил девочку. Она поднялась на ноги и ринулась вперёд, сломя голову. Выскочив из кустов, маленькое тело, не найдя опоры, полетело вниз по оврагу. Хруст веток, встречные камни, что больно впивались в кожу, приставучая грязь и бесконечный ковёр лапника не заставили Агнию расслабиться и потерять бдительность. Оказавшись внизу, она отползла к ближайшему кусту, и прислушалась.

Головорезы остановились у порванной растяжки. Агния выглянула и отчётливо увидела их лица: грязные, красные от выпитого и долгой пробежки. Белёсый глаз главаря немного косил, и девочке показалось, будто он её заметил.

– Ловкая девчонка! Надо будет занести это в ярлык, когда будем её продавать, – сказал главарь, оглянувшись, присел, проводя пальцами по контуру тела Агнии на земле. Облизнув собравшуюся на кончиках пальцев грязь, он задумчиво её пожевал. – Она где-то рядом. Не могла убежать далеко.

С клинками наголо безумец помчался дальше. Остальные ринулись за ним. Агния выдохнула. От пережитых волнений и невероятных усилий она прикрыла глаза – лишь на секунду. Но в тот же миг тело её погрузилось в нервный, прерывающийся сон. Ноги и руки её порой дёргались в судороге, пока кто-то не схватил её за косу.

Агния открыла глаза с криком:

– Я тебе яйца оторву!

Но тут же крик сменился удивлённым взглядом. Перед ней были не верзилы, а обычные деревенские жители. Сперва она увидела широкий нос, затем – красные, обветренные щёки, а после маленькие, хитрые глаза, которые улыбались, разглядывая её. Это был Осип-Балбес – деревенский шут.

«Ну, его нечего бояться» – подумала девочка. Рядом с ним сидела какая-то массивная женщина в простом платье.

– А неплохо ты от них дёру дала, ха-ха! – посмеялся Осип, но в тот же момент оглянувшись, став серьёзным. Видно было, что он в курсе того, что произошло в деревне. Женщина рядом

с ним время от времени начинала трястись в истерике и кудахтала как курица. В эти моменты Осип давал по её расплывшемуся лицу смачную пощёчину, и она замолкала.

– Вы... – не успела сказать Агния, как Осип потянул её за обе руки, подняв на ноги. Извилистыми лесными тропами они вместе с найденной отправились обратно к деревне.

Агния ничего не понимала. Она была настолько обессилена, что доверилась знакомым лицам. А как ей не хватало этих тупоумных крестьянских лиц! Они были в сто раз краше безобразных лиц наёмников, что её преследовали.

К её удивлению, в деревне, когда они пришли, уже никого не было. Повсюду пылал пожар.

– Мы спасены! – женщина подпрыгнула, после чего подпрыгнули и её груди. Она вцепилась сочными губами в щёку своего спасителя – Осипа, кокетливо приподняв ногу.

Агния пошатывалась, и не понимала, стоит ей радоваться или нет.

– Не стоит благодарностей. В первую очередь я спасал себя, – улыбнулся Осип.

– И правильно сделал! – зарычал кто-то совсем рядом. Агния узнала этот голос, – содрогнулась, – главарь.

«Как он сумел найти нас?!»

Шайка вышла со стороны леса и окружила троицу незадачливых беглецов. Главарь покосился на Осипа, высунул руку из кармана и с недовольством кинул ему звенящий мешочек.

– Приятно с вами иметь дело, – улыбнулся Осип, поймав награду. Он поклонился наёмникам в ноги, затем улыбнулся своей женщине, которая жалобно пищала, и Агнии, которая стояла, ошарашенная. – Начальный капитал! Я собираюсь открыть лавку в Стальграде. – он звякнул мешочком в руке.

– Да-да, конечно, – буркнул главарь и снял со своего пояса цепь с кандалами.

Воспоминание оборвалось. Боль проникала внутрь головы, била в самый мозг, словно мне удаляли часть черепа. Прийти в себя мне помогли знакомые серые глаза Агнии и русые волосы Пашки. Ребята сидели рядом. Боль стихла.

«Но как же Агния выбралась из засады?» – задался вопросом я, но едва не упал на девочку. Усталость лишила меня речи.

Синяя пелена на небе становилось блеклой, вдалеке брезжил рассвет. Куда заметнее стало чёрное пепелище, оставшееся от деревни.

– Рассвет через пару часов. Идём в город, – сказал я, с тоской выбросив из головы мысли об отдыхе. Редкие огни заканчивали свою жизнь, растворяясь в сумерках.

Глава 16. Новый Стальград

Величественные ворота Стальграда стояли, не согбенные под тяжестью веков. Теперь мне довелось увидеть их настоящими глазами. Стены были, как и прежде, крепчайшими в королевстве даже несмотря на то, что по их поверхности уже бежали трещинки-морщины. Это была благородная старость, ведь за ними хорошо ухаживали. Видимо, городские управленцы понимали, что если рухнет купол, то лишь стены выстоят и спасут их жизни.

Сам город имел богатую историю. Стальград был бастионом, который и привёл меня к завоеванию всей Гардарики; он был опорным пунктом на границе с Веландрией. Тогда ещё не существовало королевства, лишь срединные племена, которые пытались выдержать натиск севера. И в этой затяжной войне Стальград встал железным клином, который не давал врагу вернуть свои земли.

Над стенами возвышалась громадина из стали, сверкающая на солнце. Она, словно ветка, родила множество почек – шпилей, а ниже во все стороны смотрели круглые башни, похожие на чаши. В них несли своё бдение дозорные, в арсенале которых были небольшие катапульты.

«Средств на город не жалеют», – подумал я, взглянув на стальной замок, на катапульты, что готовы были обрушить каменный шквал на врага.

Вереница рабов тянулась в раскрытые ворота. Они были связаны цепью из «живого серебра» – особой материи, которая восстанавливается после повреждений. Его я видел лишь на подступах Пандемониума. Им же были оплетены колонны моего склепа.

«Для чего тратить столь драгоценный металл на каких-то рабов?..»

Но моих спутников больше занимал вопрос: «Неужели это наши родные, те самые, которых увели из деревни?»

В напряжённом молчании они рассматривали угрюмые лица рабов.

– Нет. Не наши, – Пашка пожал плечами и вздохнул.

– Раз уж этих ведут сюда, то и наши должны быть внутри. Это ведь логично, – сказала Агния. – Не могу поверить, что я наконец попаду в город. Мне казалось, вся жизнь пройдет рядом с грязной деревней...

– Грязной?! – вспыхнул Пашка, схватив Агнию за грудки крестьянского платья. Он тяжело дышал. – Там мы родились! Там набирали силу! И неизвестно ещё, живы ли наши родители! Как можно быть такой равнодушной?!

Брат тяжело дышал, его глаза сверкали от гнева. Через пару секунд разум возобладал, и он отпустил девочку. Агния подняла брови от удивления и театрально отряхнулась – так, словно прикосновение Пашки одарило её покрытое гарью тело ещё большей грязью.

– Я сбежала из деревни из-за таких, как ты. Таких, которые не хотят думать. Хотят жить, как скот, – Агния с ненавистью выплёвывала слова. Но её резкий выпад не подействовал. Брат уже поник и перестал обращать на неё внимание. Ссора меж ними утихла сама собой, будто песчаная буря.

У ворот нас встретила кучка стражников, которая сыто и с довольством поглядывала на вереницу пленников. Стражник ткнул капитана под бок, и ехидно выдавил:

– Нет пощады тем, кто не соблюдает законы королевства! Они ещё должны радоваться, что их освободили от налогов...

Капитан почесал висок под шлемом, и, не глядя на говорящего, вздохнул:

– А по мне так в Стальграде только прибавится проблем. Чернь не умеет себя вести. И всё это ляжет на наши плечи. Впрочем, в Ржавчине им самое место.

Должно быть, мы выглядели крайне странно. Два мальчишки в изорванных крестьянских нарядах, покрытые кровью и лоскутами того, что осталось от брони, и девочка, по рукам и ногам которой шли чёрные полосы копоти.

Стражники уставились на нас сверху вниз. Один из них, тот, что шептал капитану, буркнул:

– Что, на вас кандалов не хватило? Так мы их любезно предоставим.

– Закройся, идиот! – рявкнул Пашка, выступив вперёд. Брат теперь взрывался от каждой мелочи – его чувства переливались через чашу терпения.

– Да я тебе!.. – рявкнул стражник, положив руку на гарду меча. Одним глазом он поглядывал на капитана – боялся сделать любое движение без его приказа.

– Мы просто не поняли друг друга. Мы рекруты светоходов. Вернулись после тяжёлого задания, в разломе кишмя-кишели демоны! Уж поверьте, вымотались знатно! – произнёс я с легкомысленным видом.

Черты стражника и капитана смягчились. Теперь они с любопытством нас рассматривали.

– Рекруты светоходов, говоришь? И смогли вернуться из разлома? – спросил краснощёкий капитан, выгнув бровь. Он уставился на нас, и я уже подумал, что он поставит мои слова под сомнение.

Капитан продолжил, самодовольно улыбаясь:

– Дело хорошее. Кто ещё будет бороться с демонами? Нас даже можно назвать коллегами – мы действуем внутри города, защищая его, а вы работаете за его пределами. – он улыбнулся, уже хотел протянуть мне руку в латной перчатке, но тут же отбросил эту мысль. – А что насчёт слёз света? Много нашли?

– А вы разве уполномочены проверять их у рекрутов светоходов? – прищурился я, чувствуя неладное.

– Уполномочены. Мы отвечаем за любые выходы и входы в Стальград. А с гильдией у нас особая договорённость...

Делать нечего. Я отстегнул пару пуговиц своей сумки, и показал сияющие кристаллы. Капитан сглотнул, выпучив глаза:

– Так много!.. Клянусь богами, такой россыпи не видывал никогда!

Другие стражники молча уставились в мерцающую гладь кристаллов. Они видели несметные богатства, и уже обдумывали, как до них добраться. Я поспешил закрыть сумку. Капитан откашлялся, сверкнул глазами по своим стражникам, и хрипло произнёс:

– Вообще-то, за вход полагается плата. Всякий сейчас хочет попасть в Стальград, это не секрет... С каждого из вас я возьму всего по кристаллу. Считаю, справедливая плата за городскую жизнь.

Капитан выдумывал правила на ходу. Это читалось в его бегающих глазах. Но не успел я возразить, как решётка в створке стены поднялась, и наружу вышел подтянутый воин в пластинчатом доспехе, сверкающем на солнце, с красным развевающимся плащом за спиной. Он напоминал ветерана, возвратившегося с пышного парада – так блистали его доспехи. Смуглое лицо, богатое белыми шрамами, говорило о том, что триумф заслужен. Казалось, воин чувствует себя неуютно из-за столь вульгарного вида и излишнего внимания к его персоне.

– Что такое? – бойко рявкнул он, и все трое, в том числе капитан, вытянулись по струнке. Он подошёл к капитану, щёлкнул пальцем по его шлему так, что тот отлетел назад. Тут же воин издал громовой хохот, держась за пластины доспеха на животе. – Степан? Ты уже в штаны наложил? Да-а, со старшим светочем говорить не то, что лениво переваливаться с ноги на ногу и гонять бедных крестьян. – Он глянул на нас, и уголки его рта растянулись в улыбке. – Узнаю рекрутское снаряжение гильдии! – Он ударил себя в грудь, и подставил ногу к ноге, встав прямо. – Пойдемте, я вас провожу, пока жадные стервятники не отобрали у вас честно заработанное.

– Старший светоч Блик, благодарю за ваш великодушный визит, – кивнул капитан и ударил себя в грудь, глядя в пространство перед собой.

Воин развернулся, плащ его описал дугу, и он прошёл обратно в проход. Я замыкал шествие. Покосившись, заметил, как все трое стражников с облегчением выдохнули, после чего капитан нагнулся за своим шлемом.

«Похоже, светоходы имеют большую власть в городе. Возможно, и в самом королевстве» – подумал я с облегчением: в моём кармашке лежала путевая хартия. – «Если получится хорошо продвинуться в их рядах, то разобраться с предателями будет проще простого. Где власть, там и возможности. И опасности...»

Каждая деталь Стальграда строго служила своей цели. Ничего лишнего – всё ради обороны. Архитектура была выверена, кладка проверена тысячью ударами, купола и навесы проходили испытание горящим маслом, выстрелами катапульты, и даже магическими снарядами. Стальной замок, что стоял на возвышении Стальграда – вершина мастерства и последний, несгибаемый оплот города.

«Оплот не изменился, а вот его окружение...»

Сперва меня встретил запах помоев. Как только к изучению подключились мои глаза, то я захотел ослепнуть: стены были размалёваны оскорбительными надписями и рисунками, выполненными то ли выделениями, то ли какой-то смолой.

Повсюду шныряли оборванцы, а в тёмных углах тесных улочек притаились сомнительные личности. Мясные лавки здесь находились по соседству с выгребными ямами. Вой, мошकारа, мельтешащие крысы.

Нынче Стальград было легко победить – дай волю любой болезни, и некогда неприступная крепость сожрёт сама себя.

Старший светоч шёл непреклонно, не отводя плечи. Если оборванцам случалось столкнуться с ним, то они падали в грязь и торопились отползти в тёмный угол, подобно тараканам. Мы же следовали за ним по пятам. Как только я нагнал его, он стрельнул в меня глазами, улыбнулся и продолжил смотреть вперёд:

– Когда-то и я был мелким и слабым. Когда-то, сто лет тому назад... Тогда всё было проще, но и глупее, – он с радостью глянул на черепичные крыши домов, грязь по которым шла разводами, и вздохнул. – А теперь я знаю такие заботы, которых никогда бы не хотел знать. Порой мне кажется, что умнее было бы сложить кости в одном из разломов.

Его чистосердечность поразила меня. Впрочем, это один из признаков его силы – светоч не опасался последствий своих слов, а спокойно размышлял сам с собой. Удивительный контраст наряду с тем светочем, что встретился мне ранее.

Несколько раз свернув через тёмные переулки меж домами, мы вышли на широкую мощёную дорогу, где по обе стороны тянулись зелёные полосы травы и аккуратных кустарников. Здесь было куда тише. Гул исходил из застенка, а сама стена, что сдерживала его, меня удивила. Камни были выложены впритык, но раствора было маловато. Заметно, что некто хотел повторить успех внешней стены, но ему не хватило ни мастерства, ни ресурсов. Углы каменных блоков торчали и осыпались, хотя сама стена была поставлена недавно.

– Вам лучше запечатлеть в памяти эту дорогу, – сказал старший светоч. – По ней вы часто будете возвращаться в гильдию. Если, конечно, будете успешны на нашем поприще.

– А что это за стена? Для чего она здесь? – спросил я, поднимая взор. На башнях дежурили дозорные.

– Ах, эта стена делит Ржавчину и Блестящий – два города внутри Стальграда. Вам со многим ещё предстоит познакомиться. Но не привыкайте. Вы лишились своего светоча, так что ждите последствий. Доступ в город вам пока будет запрещён, как и за его пределы.

Впереди выросла куполообразный силуэт входных врат – круглый, из белого камня, он выделялся среди грязи Стальграда не меньше, чем стоящие по обе стороны от входа белые статуи воителей – со спокойными, мужественными лицами, они держали щит и меч, как бы отражая нападение.

Над куполом врат поднималось квадратное здание из красного кирпича. На выступах каждого этажа сидели гаргульи, из пасть и глаз которых лился оранжевый свет. Но краше всего были открытые балконы со стеклянными дверьми. В округлых ребристых горшках росли прекрасные растения, обвивающие сами себя.

Как только на входе бойцы, облачённые в чешуйчатые доспехи, увидели старшего светоча, то поторопились открыть ворота арки. Проходя мимо, я заметил что-то странное – доспехи их чересчур сверкали и переливались, как стекляшки на солнце. Скользя глазами по блестящей поверхности, увидел чёрточки руны Ордбрин – «призрачный доспех».

Их необычные доспехи были сотканы из магической энергии, подпитываемой руной. На самом деле, они стоят в тренировочных трико, которые никак не стесняют движения.

«Продуманно. С виду кажется, что они стоят в тяжёлых, неудобных доспехах, но как только враг нападёт, то убедится – стражи двигаются ловко и быстро, и при этом обладают достойной защитой»

Мы шли по низкому каменному коридору, выполненному в форме арки. По обе стороны были вырезаны статуи героев, в глазах которых пылали слёзы света, освещавшие коридор. Таких разных героев, но с одинаковыми глазами.

Агния с интересом разглядывала их, останавливалась у каждого, но затем нагоняла нас. Пашка смотрел на статуи с некоторым недоверием.

В конце коридора стояли стражники, будто скопированные с тех, что снаружи. Они открыли врата, нам предстали зелёные поляны, аккуратные аллеи с памятниками, каменные изящные ограды у домов. Над всем этим поднималась гигантская стена Стальграда. Гильдия приютилась у самого её края.

Это место всем своим видом хотело показать, что оно обычное, милое учреждение, в котором воспитывают доблестных сынов королевства. Однако, я чувствовал здесь фальшь, чувствовал скрытую силу, которая проявит себя при первой угрозе.

Казармами и оказалось то самое здание, что я видел снаружи – из красного кирпича. Никогда бы не подумал, что такое место может выглядеть так великолепно.

«У нас на севере были облезлые бараки, в которых мы теснились гурьбой и едва не спали друг у друга на головах. Но и то было радостью»

Блик повёл нас на второй этаж казарм по каменной лестнице. Вокруг шныряли светоходы в тренировочных трико. Они подходили к стенду с оружием, снаряжались, и строем отправлялись на тренировочную площадку.

По бокам коридора второго этажа были двери спальных комнат. По пути нам повстречался высокий старик с длинными, сплетёнными в восьмёрку усами. Его вечно нахмуренные густые брови окаймляли чёрные зрачки с белыми, почти светящимися белками. Длинная чёрная мантия, на которой выделялись жёлтые языки пламени, доходила до линии бинтов, в которые были замотаны его ноги. Руки старик сцепил сзади и высокомерно выпрямился, увидев нас.

– Новые? – строго спросил он, и брови сошлись к переносице. – Почему никто не доложил? Где ваш светоч? Кто ваш светоч? – он перевёл свой острый взгляд на меня. Казалось, ему не терпелось огреть кого-нибудь розгами.

– Демид был нашим светочем, – невозмутимо ответил я, выдерживая испепеляющий взгляд. Старик уже начал злиться, не увидев в моих глазах покорного страха.

– Демид? Демид Арсийский! И почему он «был»? Он и есть ваш светоч! – проворчал он. В плаще его нависающая надо мной фигура напоминала колышущуюся штору.

– Погиб в разломе, – ответил я, пока Пашка нервно тёр свою руку. Брата явно напрягал тон старика. Старший же светоч, который был так уверен в себе у городских стен, теперь безвольно молчал.

– Хранитель, – Блик кивком его поприветствовал. – Рекрут говорит правду. Увы...

Старик недовольно покачал головой.

– Этого нельзя было допустить. У Арсийского влиятельные и большие предки, – он зло посмотрел на меня. – И гильдия не может оставить это без наказания. Ты и сам знаешь, Блик.

– Знаю, – разочарованно вздохнул старший светоч. Я вопросительно на него посмотрел, но он даже не поднял взгляд. – И всё же горько терять бойцов из-за такого...

– Хватит слов, – отрезал хранитель и перевёл взгляд на нашу троицу. – Будете проходить Суд Крови. Такой ошибки я не прошу. И Совет не простит.

Лицо его сжалось в клубок морщин. Затем хранитель резко развернулся и направился к лестнице, так же держа руки за спиной.

Старший светоч присвистнул, подняв голову:

– Давненько я не видел старика Якоба таким злым. Ну и нажили вы себе хлопот... смертельных хлопот.

– Что это за Суд Крови? – спросил я, чуть не засмеявшись от такого помпезного названия.

«Судя по всему, опять что-то злое. Наверно, нас отправят к другим мерзким старикам, которые будут паясничать и делать из себя невесть что»

– Я мало что о нём могу сказать. На такой суд попадало всего двое провинившихся за всё время существования гильдии... И оба не выжили. Говорят только, что там присутствуют лица из Совета. Эта свора собирается со всего королевства. Могут даже прибыть иностранные послы... И ещё знаю, что придётся пролить немало крови.

Краем глаза я заметил, как с обеих сторон коридора к нам бесшумно движутся люди в чёрных мантиях, окаймлённых золотыми полосами. Их лица скрыты капюшонами, а в руках они держат шипастые биты. Они обступили нас со всех сторон, и я почувствовал могильный холод, исходящий от их орудий – странное, но до боли знакомое чувство.

– Ямщики... – прошептал Блик.

Глава 17. Хозяин Ямы

Ямщики, как их назвал Блик, отобрали и наше оружие, и путеводный камень, после чего заставили нас переодеться в сухие бордовые одежды – тренировочное трико. Сопровождающие были, мягко говоря, неразговорчивыми. За них говорили шипастые биты, усиленные рунами Хрим – «колкий холод».

«Мои же магические знаки работают против меня»

В тоннелях не было освещения, не было и ступеней. Просто сплошная кишка, по которой мы спускались неизвестно куда. В давящей тишине отчётливо слышалось громкое и энергичное дыхание Пашки, и прерывистое, едва заметное дыхание Агнии.

Мне и в голову не приходило отбиваться или противиться «Суду Крови». Я был настолько измотан, что хотел только одного – лечь в тихий уголок и на пару дней погрузить своё тело в целительный сон. И всегда какая-то мелочь мешала этому простому желанию!

Неизвестно, сколько мы шли молча. Казалось, время превратилось в тягучую массу, которая поглощает сама себя и рождается вновь. И всё же это закончилось: в конце тоннеля показался свет – тусклый, тёплый свет жаровен.

Как только мы миновали световую завесу, то увидели огромное пространство с невероятно высокими потолками. Под ними на цепях висела гигантская чаша, в которой тлело множество углей, освещающих ряды каменных трибун внизу. Здесь же красовалось привилегированное зрительское место: выемка-ложа с навесом, исписанным прекрасным барельефом. Вид с того места на арену открывался отличный.

Ямщики провели нас в небольшую каморку, вход в которую был перед воротами арены – острыми прутьями, что сейчас были выдвинуты из-под земли.

У колышущейся свечи сидел старик в таком же балахоне, что и ямщики. Рукой он опирался на деревянный стол и медленно жевал ломоть хлеба. Из чашки на столе к потолку струился пар. Сидящий лениво махнул рукой, и ямщики ушли.

Мы остались один на один со странным человеком. Он слегка поднял голову, и тусклый свет озарил лицо, изрезанное шрамами вперемежку с морщинами. Оно неуверенно улыбалось, как если бы переживший войну человек пытался наслаждаться маленькими радостями жизни. Было в ней что-то кровожадное, трагичное, и вместе с тем снисходительное.

Я опустил взгляд, и заметил, что на месте его правой ноги – обмотанная белоснежной повязкой культя.

– Сколько лет у меня не было гостей?.. – старик улыбнулся, но сразу поморщился. Пускай его шрамы затянулись, но боль, кто знает – реальная или основанная на воспоминаниях, осталась. Сбоку зияла чёрная дыра на месте зубов. – Гости – всегда большое событие. Чаю?

От его слов веяло добротой, гостеприимством, что вызвало во мне недоверие. Странно было слышать такое в каменной могиле, которой мы оказались.

Вскоре старик доказал и делом, что рад гостям – в чугунке вскипятил воду над каминном, добавил в каждую чашку по щепотке каких-то трав, и уселся обратно. Передвигаться ему помогала палка – он опирался на неё, каждый раз подпрыгивая, поскрипывая зубами, кряхтя.

– Я прилягу, вы не против? – спросил я, не желая даже разбираться, чем обернётся это знакомство. Мои низменные потребности взяли верх.

– Конечно, дорогой гость. Ложись, – он указал белой, морщинистой рукой на койку в комнате, которая стояла на каменном возвышении. Лежать на ней было довольно удобно – прослойка шерстяного настила была толстой и плотной.

– Где мы? – тихо спросил Пашка, оглядываясь. Юноша уже привык, что повсюду подстерегает опасность и всё не то, чем кажется. Агния же молча осматривалась, влекомая любопытством.

– В Яме, под толщей земли и камня. За какие заслуги вас сюда занесло? Вы же совсем дети... А уже успели понаделаться ошибок.

Пашка грозно, красноречиво на меня посмотрел: «Ну что, доволен? Нужно было спасти светоча!»

Я не обратил на это внимания.

«Безусловно, мы бы здесь не оказались, если бы тот тщеславный неумёха остался жив. Но я не изменяю своим принципам: если у цепи есть слабое звено, то его нужно заменить»

– А вы кто? – внезапно у Агнии прорезался голос.

– Я? – спросил старик и его хохот перешёл в кашель. – Я всего лишь приглядывающий за этой ямой старик. Иногда, раз в столетие, когда здесь появляются гости, я их готовлю к Суду Крови.

Мой замыленный усталостью взгляд скользнул по окружению. Довольно чистая, миниатюрная комната, хорошо прогретая камином. Её владелец сделал всё для уюта: на голых, оштукатуренных стенах висели причудливые картины природы, деревень, живописных лугов. В углу стоял холст с запёкшимися пятнами яичной темперы и кусочками сажи и охры.

На ещё одну важную деталь я обратил внимание: и бинт его был белоснежно белым, и всё вокруг было вычищено до блеска. При этом в мешках, что стояли в углу, было полно крупы, в закромах у старика лежало вяленое мясо, рыба, над стенным шкафом на верёвочке сушились сухари.

«Ямщики часто пополняют его запасы. Значит, отсюда есть прямой выход» – подумал я, сквозь подступающий сон.

– А что такое... Суд Крови? – спросил Пашка. Я посмотрел на расплывающуюся в глазах фигуру брата, и заметил, что он уже до красноты натёр себе руку.

Агния же казалась невозмутимой. Она осматривалась, бесцеремонно раскрывала дверки настенных шкафчиков, заглядывала под каждый угол. Хозяин коморки не обращал на это внимания.

– Ну, попозже я вам всё покажу. Лучше увидеть всё своими глазами, чем слушать рассказы старого калеки. А сейчас кушайте, – старик вытащил из настенного шкафчика три чашки и, подсакивая, расставил их на столе. Пашка не выдержал и помог ковыляющему старику.

Затем половником хозяин каморки налил каждому из нас варево – суп из овощей и говядины. Четыре чашки создавали облако пара над столом.

Запах мяса поднял меня из мёртвых. Я с усилием разомкнул глаза и убедил себя сделать последний рывок, чтобы лечь спать сытым.

«Так мне удастся быстрее восстановиться»

Стук оловянных ложек. Нам хватило пары минут, чтобы управиться с ужином. Старик же ел медленно, обдумывая каждую ложку, и наслаждался варевом, причмокивая.

– Вообще-то, это не культурно, – сказала Агния, нахмурившись.

– Вообще-то и ты не голубых кровей, – рявкнул Пашка и скрестил взгляд с Агнией.

– Оу, простите, юная леди, – старик расхохотался и театрально поклонился, не отрываясь от стула. – Я не привычен к высокой публике, а потому и манеры мои оставляют желать лучшего.

С добродушным видом он продолжил причмокивать. Насытившись, удовлетворённо вздохнул, поднял свою рубаху и пару раз хлопнул ладонями по белому, озябшему пузу.

– Второй этап варки! Внутренний! – расхохотался старик.

Ребята странно на него посмотрели. За мою долгую первую и недолгую вторую жизнь мне встречались разные сумасшедшие, но этот... я пока не мог понять, можно ли расслабиться или нужно держать ухо востро.

Через сон, который окутывал меня материнскими объятиями, я слышал лишь обрывки слов. Тревога заставляла меня каждый раз просыпаться – сейчас я не мог ложиться ни на Пашку, ни на Агнию.

«Вдруг калека захочет нас убить? Или ещё что похуже?»

Но он лишь умиротворённо шептал, вводя меня в транс монотонным голосом:

– Отдохните. Пospите, – сказал он и подковылял к стене. Резко ударив кулаком по невидимой выемке, калека заставил каменную поверхность выдвинуться, а затем показались резные створки металла, скользящие по проёму в камне.

Морщинистые руки тянули изо всех сил, но калеки не было опоры из-за отсутствующей ноги. Тогда он взял небольшой ломик, лежащий в деревянной стойке, скреплённый металлическими полосами, поддел каменный прямоугольник, и на выдохе его выдвинул.

– Пойдем, – сказал он Пашке и начал ковылять к выходу. Брат покорно шёл сзади, и не отводил взгляда с места, где должна была быть его нога.

Я не дал себе заснуть. Что-то внутри тревожило меня, и я знал, что это чувство не обманчиво. Нельзя позволить калекe усыпить мою бдительность.

«Люди с более ничтожным видом пытались ввести меня в заблуждение, и убить»

Вскоре они возвратились. Пашка принёс подмышкой два плотных настила, а ещё один зажимал старик свободной рукой. Они положили их рядом с кроватью, на которой я лежал, после чего выдвинули из стены ещё две каменные плиты и обустроили места для сна.

– Завтра я вам всё покажу, а дальше мы решим, что делать, – сказал хозяин каморки, а затем пробубнил себе под нос, ковыляя к одной из кроватей: – Хороша ли такая жизнь?.. Вряд ли.

Под землей не было ясно, где кончается день, а где начинается ночь. Разница была лишь в том, что на ночь калека тушил свечу, а угли в жаровнях гасли сами собой.

Полумрак сменился на тьму. Порой в тишине гремели цепи или слышалось слабое постукивание, переходящее в рычание. Казалось, звуки доносились глубже из-под земли.

Это несколько меня не заботило. Всё то раздражение, желание мести богам и предателям, тоска по потерянной семье – всё сменилось на вялое оупение от усталости. Во мне лишь осталась механическая осторожность, привитая мне с детства прошлой жизни.

На своём теле я незаметно для калеки начертил руны Эльгиз и оставил все тревоги. Калека изредка поглядывал на мои нечеловеческие руки, пылающие красными линиями, и упорно молчал. Агния всё время проявляла к ним не меньшее любопытство. Хотя она была благодарна мне за спасение, девочка боялась касаться столь зловещей темы.

Неизвестно, сколько прошло часов, но в тёплой, крохотной комнате мне удалось прекрасно выспаться. Калека встал раньше всех. Я услышал его кряхтение и мутными ото сна глазами наблюдал, как он мягкими касаниями будит остальных. Я развеял магическую пелену руны, чтобы не тратить ману.

Помогая себе костылём, старик вышел в проём комнаты, слезливым взглядом окинул своё жилище, на пару секунд остановился на каждой картине, улыбаясь, как если бы прошался с лучшими временами.

Прохладная вода из бочки заставили нас проснуться. Агния никак не хотела просыпаться. Девочка мирно сопела, улыбаясь какому-то приятному сну. Старик не мог нарадоваться этому виду. Затем он осознал, что времени нет, набрал в ладошку воду и вылил её на лицо девочки.

Агния вскочила, как если бы её укололи, и уже готова была отражать нападение. Но перед ней стоял лишь добродушный калека.

– Пойдемте скорее, – сказал он, выходя из коморки. Мы отправились следом. Теперь, когда у меня появились силы, я хотел расспросить его о светоходах, об этом гадком хранителе, о молчаливых ямщиках. Но калека торопился и весь был занят своими мыслями.

Старик подпёр тело костылём, налёг ладонями на лопасти ворота, и начал крутить его против часовой стрелки. Входные кольца опускались под звон цепей.

На арене, куда мы теперь прошли, уже горели настенные факелы. Вверх кто-то поджог и жаровню, которая была подобна летающему кострищу.

Мы очутились на круглом широком пространстве, окружённом высокими стенами, над которыми поднимались трибуны.

– Видели бы вы Яму раньше... Повсюду кровь, кости, рвота... Я даже подчистил места сколов в стенах!.. – с усталой улыбкой произнёс старик. Он нежно провёл шершавой рукой по гладкой поверхности стены.

– Жаль, что всё повторяется. И участь одна – либо смерть, либо жизнь в изуродованном теле... Бесконечная жизнь в тёмной яме под толщей земли... В глухом одиночестве... В скорбном сожалении о прошлом...

Агния подняла брови:

– О прошлом не стоит сожалеть. Либо выбросить его из головы, либо сделать нужные выводы и жить дальше. Вот Спазматикус, великий философ, писал...

Старик добродушно и громко рассмеялся, не дав девочке закончить:

– Ты ещё слишком мало прожила, чтобы усвоить нужные истины. И поверь, ты очень удивишься, когда осознаешь, что собственные истины куда ценнее, чем вычитанные. Хотя... Когда же тебе их осознавать, если ты здесь и останешься...

Она не нашла, чем парировать. Лишь ухмыльнулась и подняла взгляд к трибунам, делая вид, что тёмное пространство у сводов Ямы занимает её куда больше. Пашка же начал догадываться, что дело ещё хуже, чем ему представлялось. Он поглядывал в тёмное пространство – тоннель, откуда мы сюда зашли.

Калека вывел нас из арены, убрал подпорку ворота. Цепь раскрутилась, натянулась, снова поднимая высокие кольца. Мы прошли в следующее углубление рядом с воротами.

В просторной комнате стояло множество клеток с самыми разными демонами: уже привычными чёрными, сквернорылами, и неизвестными моему глазу – рыбоподобными двуногими тварями, небольшими крылатыми существами, лишь отдалённо напоминающих насекомых.

«Сколько чудовищ создала гора Пандемониум...»

– Те, кто вас сюда прислал, уже выбрали, с кем вам сражаться... Но самое страшное не это. Вы не будете знать, когда толпа насытится. Эти кровопийцы могут просидеть в Яме весь день, всю ночь, прихлёбывая вино и бесконечно наполняя свои желудки. Когда они устанут – вас отпустят. Глупо говорить, как мало шансов здесь выжить.

– Невозможно... – шепнул Пашка, раскрытыми от ужаса глазами глядя на демонов. Эти существа словно были придуманы безумцем, который скрестил все виды животных в своём воспалённом сознании.

– Возможно, – старик горько ухмыльнулся. – Я же выжил.

Почуввав свежее мясо, демоны начали ломиться в своих клетках, будто голодные львы. Но тщетно – рунические таблички на клетках мерцали, делали ихкратно слабее.

– Вы? – Агния подняла тонкие брови, услышав слова калека. – Вы сражались здесь?

Далее последовало объяснение. Он выдавливал из себя слова, медлил и раздумывал, стоит ли всё объяснять досконально. Оказалось, что калека давным-давно был приговорён к Суду Крови. И он был единственным, кто его пережил. Чудовища безобразно его искалечили, и он больше не мог нормально ходить. Гильдия же была заинтересована, чтобы «Суд Крови» оставался не более, чем пугающей байкой для светоходов. Никто до сих пор не верил, что существует какая-то Яма, ведь кроме Совета о нём никто не знал.

– Я... Слишком увлёкся боем в разломе, оторвался от своей группы, из-за чего многие из наших погибли... Вот почему меня и бросили сражаться в Яме. О, вы не представляете... Тот

день был самым тёмным в моей жизни. Я был совершенно один. Я был сильным и испуганным. Во тьме я ждал того, чего не знал сам и в конце концов встретился лицом к лицу с ужасающими созданиями, которых побоялись бы даже боги. Не знаю, где они их откопали, но мне удалось выжить... Совет развлекался, видя, как я из последних сил цепляюсь за жизнь. Когда от моей ноги уже ничего не осталось, я отбивался мечом, лёжа на земле. И неизвестно, кто из нас рычал громче – я или демоны.

Калека впал в меланхолию. Он смотрел на пляшущие огни в жаровне так, будто видел в них картины прошлого.

В награду за тот бой я получил вечное заточение... – он горько ухмыльнулся. – Не так уж плохо. Тепло и безопасно, но бессмысленно. Ямщики доставляют мне еду и плотную бумагу, на которой я рисую. Видели вы картины в комнате? Они служат мне единственным утешением. Вернее, мои воспоминания – моё единственное утешение, ведь с помощью кисти я возвращаюсь туда, на поверхность... Снова вижу прекрасные виды, зеленеющую природу, снова дышу чистым воздухом среди горных склонов... Я прослужил среди светоходов дюжину лет, и за это время видел всякое. Но возродить в памяти хочется лишь самое прекрасное. Плохого мне и так хватило.

Я проникся сожалением к старику. Многие в его судьбе откликнулись в моём сердце, ведь и мне пришлось пережить заточение, и мне пришлось пасть жертвой несправедливости.

– Увы, разговоры не решат вашу судьбу. Поверьте, мне хотелось бы рассказать вам всё: о своей жизни, о переживаниях, о заточении, об утраченной молодости и одинокой старости. Но вам предстоит пройти мой путь уже через пару дней. Можно ли к нему подготовиться?.. Нет, даже я не знаю, что вас ждёт. Так стоит ли оно того? Хотите сражаться, зная, что поражение неизбежно? Хотите трепыхаться в этой Яме, как рыба, выброшенная на берег, медленно задыхаясь?

Слова Захара становились всё мрачнее, а нить его мысли уходила в пугающую сторону. Теперь мы трое переглядывались между собой. Впервые и в Агнии почувствовался страх. Она поняла, какие ставки на кону и куда клонит калека.

– Мне уже терять нечего... и вам нечего, – сказал он и достал из своего плаща кинжал. При свете факелов лезвие угрожающе блеснуло. В его глазах не читались ни отчаяние, ни безумие – лишь усталость и некоторое облегчение от того, что он решился на последний шаг.

Мы одновременно сделали шаг назад. Старик стоял близко, так что ему не составило труда дотянуться до меня лезвием – и в тот же миг он хрипло заорал. Я обрушил ребро ладони на его запястье, из-за чего кинжал со звоном упал на пол. Затем – резкий удар по костылю, из-за которого несчастный безумец поскакал на одной ноге назад, к жаровне. Мантия его загорелась, и теперь старик с открытым ртом страшно кричал, корчась на земле.

Я поднял кинжал и закончил его страдания. Пашка и Агния молча смотрели на обугленный край мантии, на застывшее в ужасе лицо, на блестящий красным кинжал в моей руке. Демоны бились в истерике.

Глава 18. Пока в Яме не попалась...

В окровавленной поверхности кинжала я видел своё лицо, упрекающее меня с той стороны: «Ещё одна смерть на твоём счету. И что теперь?»

– Нужно выбираться из Ямы, затем из самой гильдии, – сказал я, с отвращением глядя в своё отражение. Из-под трико вверх ползли тонкие линии скверны, словно только-только распутившиеся ростки.

– Видно, светоходами нам не стать. Может, оно и к лучшему, – задумчиво сказал Пашка, глядя на труп.

– А я никогда не хотела быть среди этих напыщенных дураков. К чему подвергаться опасности? – произнесла Агния, ухмыляясь. – Они лишь наживаются с благочестивым видом защитников. Лицемерие. Человеческое, слишком человеческое!

– А кто ещё спасёт королевство?! Ты хоть видела тех монстров?! – Пашка вновь вспыхнул, указывая пальцем на клетки с воющими демонами.

– Мне до королевства нет никакого дела, – улыбка Агнии стала ещё шире. Она расставила ноги, готовясь принять удар Пашки. Но брат лишь уставился в пол, сжал кулаки и тяжело дышал.

– Что, не можешь ударить девчонку? – Агния показала ему язык.

– Не тратьте силы на болтовню. Обследуйте здесь каждый угол на предмет выхода, – я взглянул на высокие своды, окутанные пеленой тьмы.

«Ведь ямщики как-то сюда входят и выходят»

Пашка и Агния хмуро переглянулись, а затем разошлись в разные стороны. Брат начал изучать саму арену, её проёмы, а Агния пошла искать выход к трибунам.

Спустя время они вернулись с грустными лицами.

«Едва ли ямщики обрадуются, когда найдут труп местного зрителя. Нужно выбираться. Для начала надо всё разведать в тоннеле, по которому мы вошли, а потом уже брать Пашку и Агнию с собой. Они будут только мешать»

Я знал, что путь будет долгим и мучительным, но не представлял насколько. Спускались мы по бесконечному, без ступенек, тёмному проёму, в котором ноги не чувствовали никакого сопротивления. Наоборот, мягкий спуск даже помогал. Но теперь я преодолевал подъем. Мышцы ног быстро задубели, и вскоре я переставлял их вперёд, как две негнущиеся палки. Постарался войти в ритм, отмерять шаги мысленной считалочкой и таким образом забыть об усталости и боли. Каждый раз что-то шло не так: то ботинок соскальзывал, то сам я поскальзывался, то в нос ударял гнилостный запах откуда-то сверху, из-за чего я вспоминал о превратностях судьбы.

«Когда этот грёбаный тоннель закончится?! Чтоб лжебоги загнулись под своей горой!»

Тьма. Усилия на грани потери сознания. Бесконечное жжение, колющими уколами расходящееся по мышцам.

«Ямщики просто не могут возвращаться обратно этим путём! У них должна быть какая-то хитрость!»

Но думать об этом было поздно. Я проделал долгий путь вверх. Спуститься обратно означало сдаться.

Когда ноги мои отказались тащить тело, пришлось ползти. Ногти вгрызались в поверхность камней, подтаскивая туловище. Я извивался, как змея, напрягая мышцы и проталкивая себя вперёд.

Тело перестало чувствовать боль и холод. Я тащился, слабо постанывая, пока не нащупал стёртыми в кровь пальцами выступ на камнях. Он шёл в сторону, к продольной стене.

«Тоннель раздваивается!» – с ужасом подумал я. Задача усложнялась вдвое.

«Если задача усложняется вдвое, нужно, чтобы и трудились над ней двое!»

Выбор между питомцами был очевиден. Самый спокойный, самый тихий и разумный кот. Ослабевшими пальцами я начертил на поверхности тоннеля руну Мёрк-Котт – «призыв Котиуса».

Начертив основу, затем два круга-порядка внутри, закончил с символом – очертанием кота, и приложил окровавленную ладонь к нему. Линии руны загорелись, озаряя пространство вокруг. Как только погасли, в облаке тьмы, что расходилось вокруг дымными волнами, загорелись два жёлтых глаза с вертикальными зрачками.

– М-м-м... Моргрей? – лениво проговорил кот, потягиваясь чёрными лапами. Шерсть из тёмного дыма клубилась вокруг его фигуры. Казалось, это сама тьма с жёлтыми глазами.

– У тебя удручающий вид, – лизнув свою бесформенную лапу, продолжил Котиус. – Мало того, что стал неотёсанной... – он принюхался ко мне и поморщился. – ...деревенщиной. Так и тело своё утомил до изнеможения. И зачем? Что это за странное место... Сыро! А мне-то казалось, что с годами скверный характер твой становится мягче. Призвать меня в такую дыру!

Слова его выходили с вялым, поэтичным мурлыканьем.

– Это Яма, – поправил я, тяжело дыша. – И мне нужно из неё выбраться.

Жёлтые его глаза округлились, как только взгляд упал на мои руки.

– Проказа? Нет... – он принюхался и внезапно зашипел. – У этой заразы демоническая природа!

Я использовал время, чтобы перевести дух. В любом случае, Котиус затронул важную для меня тему.

– Ты как всегда проницателен, Котиус. А что ты думаешь насчёт лекарства?

– Лекарства?... Я предложил бы вырвать с корнем! – выпалил Котиус, принюхался к моему телу и разочарованно промурлыкал. – Поздно... Если вырвать с корнем, то от тебя останется одна голова...

– Хватит с меня расчленений. Лучше скажи, что можно сделать.

– М-м-м, – Котиус царапнул когтями о камень тоннеля, и на нём тут же материализовался магический том. На носу его появилось некое подобие очков, сотканных из тьмы. Он поправил их и принялся листать книгу, стараясь беглым взглядом определить нужную страницу. Через пару секунд он остановился, ткнув когтем в лист пергамента. – Вот! Заразы, связанные с демонической кровью! У тебя есть... диарея?

– Чего? Хватит тратить моё время! – прорычал я.

Котиус быстро слизнул свою шерсть, покатав её на языке и выплюнул рядом со мной. Она растянулась, превращаясь в плотный чёрный ковёр. Я с удовольствием перекатился на него. Шерсть обволокла меня, и согрела.

«Облегчение...»

– Кхм-кхм... – Котиус откашлялся и с важным видом продолжил. – Теперь, когда ты в относительном комфорте, продолжим. Я не присутствовал при твоих походах в туалет, а потому мне крайне важно знать: как дела с твоим... коричневым змеем? Он не красный? В моём томе сказано: «такое бывает, если выпить демонической крови»

– Коричневым змеем?... Ты это про... О-о... – разгадка добралась до сознания не сразу. – Не носи чушь. Мои выделения здесь ни при чём. И не пил я демонической крови, а всего-навсего поглотил духа.

– Ах да! Крандос! Это сильный дух. Такого поглотить может не каждый. Так... – он продолжил листать. – Вот! Болезни одержимых. Симптомы: головные боли, безумие, слабоумие, потеря контроля, увечье себя, каннибализм... – Котиус посмотрел в моё лицо так, будто пытался в нём отыскать эти симптомы. – Нет. Кажется, нет.

Он захлопнул свой том и тот сразу растворился в воздухе.

– Ни о какой скверне в моём магическом справочнике не написано. Должно быть, ты в этом деле первооткрыватель.

«Никакого толка. Никто не знает о скверне... И что мне делать?»

– Тогда займемся делом, – я откинул терзающие меня вопросы. – Мне нужно выяснить, в какой стороне выход, – я указал Котиусу на разветвляющийся тоннель. – Ты – налево, я – направо. Как только отыщешь выход из тоннеля – возвращайся сюда же.

Мне пришлось сбросить тёплый кокон из шерсти и каждой порой своей кожи снова ощутить тягучий холод. Мы начали ползти каждый в свою сторону.

Котиус был достаточно умён, чтобы не попадаться любопытным взглядам. Кроме того, этот когтистый друг умел отлично взламывать замки. За него я был спокоен.

По ощущениям, правая сторона тоннеля была ещё длиннее, чем начальная. Колени мои покрылись ссадинами, руки стали чёрными от грязи и плесени. Но я стойко продолжал путь, пока, наконец, не нащупал плетёную стальными полосами дубовую дверь.

«Обычная замочная скважина. Никаких рун. Что-ж, они здесь и не требуются. Пока доползёшь, оставишь все силы!»

Спасительная крупица маны покоилась на дне души. Начертив руну Даг под замком, я отправил в неё магический заряд, и быстро отпрыгнул назад, прижавшись к стене. Замок разлетелся на части. Металлические осколки чудом меня не задели.

Теперь дверь своевольно болталась. Аккуратно отворив её, я попал в затхлое, пыльное помещение. Глаза мои не сразу привыкли к виду высоких стеллажей, тянущихся к самому потолку, к коричневым бочкам, что лежали впритык к друг другу. Через мутное оконце сверху пробивался свет. Взобравшись по стеллажу, я выглянул наружу. На зелёной поляне тренировались светоходы – дрались отряд на отряд с помощью деревянного оружия. Рядом стояло несколько ямщиков. Они прятались под капюшонами, шурились, поглядывая по сторонам.

«Будто знают, что мы попытаемся сбежать»

Внезапно один из них приложил руку ко лбу, закрывшись от солнца, и устремил глаза прямо на меня. Он широко улыбнулся, судорожно дёргая корешком отрезанного языка.

Я соскользнул со стеллажа, едва не упав на истёртые колени. Всё моё тело жгла боль, которая резкими пощёчинами заставляла бежать без остановки и не думать об отдыхе. Я ринулся по тоннелю вниз и внезапно почувствовал, что магический канал с Котиусом оборвался.

«Неужели и его засекли?! Ямщики перекрыли все выходы!»

Пробиваться с боем или вернуться? У меня не было времени, чтобы размышлять. Нечто тянуло меня обратно, к Пашке и Агнии, что были в опасности. Рука сжала рукоять кинжала, болтающегося за спиной. Маны совсем не осталось, тело истощено. Я нёсся во весь опор и пытался придумать выход из ситуации.

«Какой здесь может быть выход?!»

Тело моё прошмыгнуло через завесу света. Я едва не повалил рядом стоящего ямщика, который облокотился о стену рядом с воротами из кольев. Золотые полосы на балахонах блестели при свете стеклянных фонарей.

Во главе группы – хранитель. Такой же строгий, держащий руки сзади, хмуро оглядывающий меня с головы до ног. Позади него, склонив голову, стояли Пашка и Агния. Труп Захара лежал рядом на белой простыне.

– Молодой человек, вы меня очень, **ОЧЕНЬ** разочаровали! – хранитель говорил спокойно, лишь местами делая резкие вскрики. – Вам троим место на каторге. Или в рабской клетке. Или в земле. – морщины на переносице натянулись, как тетива лука. – Но я лишь мелкая букашка по сравнению с сильными мира сего. Им решать вашу судьбу. И раз уж вы убили своего учителя, – он показал ладонью на труп, не отводя от меня взгляда. – ...то будете покорно ждать Суда без какой-либо подготовки. Запереть их!

Ямщики схватили нас за руки, проводили в разветвляющийся коридор под ареной. Здесь по обе стороны стояли толстые чугунные двери с небольшими решётчатыми оконцами и открывающимися плашками на винтах. Нас рассадили по отдельности.

Через оконце я видел, как гаснет свет фонарей, оставляя Яму во тьме.

Нас ждала долгая ночь в холодной, сырой темнице. Не было ничего, кроме узкого коридора, чугунных дверей, и слабого рычания, напоминающего о том, что нам предстоит.

Агния заглушала всхлипы Пашки выдуманной песней:

*Зайчик прыгал и скакал,
В рот волчонка он попал!
Шмель жуужжал, везде летал,
Паук в паутине его ждал!
Ну а я резвилась и игралась,
Пока в Яме не попалась...*

Я был заперт не только в темнице, но и в самом себе.

«Как глупо было помыслить о мести богам! Я споткнулся в самом начале своего пути!»

Тёмные мысли душили меня, заставили ногтями впиваться себе в кожу. Чувства пытались выйти наружу, но разум понимал бессмысленность такого предприятия.

«Так уж глупо? – отвечал мне неизвестный голос в голове. Я содрогнулся, услышав знакомые нотки. – Вспомни, кем ты был раньше. И вспомни, каким трудом было построено твоё королевство»

– Чушь! Мои труды ни к чему не привели! – мой голос прервал голоса ребят. Они замолчали.

– Тогда сдавайся, мятежный король! Тоже мне борец за свободу! Тебе бы чистить отхожие места, а не помышлять о великом! – из моей глотки вырвался чужой голос, который своим тоном заставил меня зарычать.

Обломанными ногтями я скрёб по стене, судорожно пытаюсь отколоть кусок камня. Ногтевая пластина хрустнула, и осталась торчать шипом в стене. Тело пылало огнём. Я задыхался от гнева, от осознания собственной ничтожности.

– Радомир?.. – шепнула Агния, но этот звук прошёл по поверхности моего сознания, как лёгкий ветерок. Острым концом осколка, стиснув зубы, начал вести линию на руке. Кожа здесь была грубой, охваченной скверной, потому приходилось прикладывать невероятные усилия. Багровая кровь струилась на пол.

Сначала круг – основа любой руны, и образ самого мироздания. Затем – три соединённых кольца внутри, через которые проходят завитки и линии в форме молний. Остриём того же камня я начертил на полу основу руны Сейд-Дул – «Колдовское забвение». Круг вышел серо-красным – кровь смешалась с пылью камеры. Борозда была довольно глубокой и это хорошо: случайным движением я не сотру линию и не разорву магический поток.

Сперва красным светом запылала руна на полу камеры. Перед глазами начали летать головы духов, охваченные первоматерией. Они шипели, скалились и доводили меня до безумия.

– Нет! Уйдите! – кричал я, когда их клыки впивались в моё тело. Как только меня охватила ярость, а корни скверны разрослись в моей душе, руки мои налились силой. Ужасные головы, которые прибыли сюда из Тенебриума, я хватал когтистыми лапами, разрывал их проекции и поглощал, как если бы это были куски мяса.

Тело расслабилось. Накатила дрёма, как после плотного обеда. Сознание стало подвижным и мягким, будто расплавленная глина.

Две руны, которые я нанёс, были рискованным шагом. Но из этого вылилось невероятное чувство. Я погрузился в транс. Тёмные стены темницы сменились бесконечным багрово-жёлтым потоком. Волны энергии уволакивали меня в незримые дали.

«Что происходит?.. Откуда появились духи и как я сумел их увидеть во внешнем плане? А, неважно»

Негативный план – место самое загадочное, в котором мне доводилось быть. Здесь не было ни живых, ни мёртвых. Сверху стоял туман, сотканный из клубов неизвестных мне частиц. Они навечно застыли, напоминая огромное бугристое полотно паутины. Снизу – океан энергии, который находился в вечном движении. Тут было всегда светло, но не было источников света.

Я сплавлялся по океану, пока не увидел вдалеке знакомый силуэт. Сначала он был накрыт широкой тенью. Когда подплыл ближе, тень исчезла и глазам предстала моя семья. Орм – сын, которого укачивала прекрасная Сигрид. Рядом, приобняв её за плечо, стоял я.

Странное чувство: смешение радости и замешательства. Мне хватило одного взгляда родных глаз, чтобы ощутить теплоту в душе. При этом я не мог принять очевидного – это нереально. Но желание вернуть прошлое, вернуть беспечность и радость лучших дней взяло верх. Я плыл к силуэту, помогая себе руками и ногами, и звал родных.

Но внезапно что-то изменилось – будто грязь въелась в самое прекрасное в моей душе. Нечто холодное, как остриё копья, проникло внутрь. Силуэт растворился, оставляя за собой лишь тёмные сгустки. Они сползали вниз, как размытая краска, и образовывали гротескную картину: родные лица стали мордами ужасных чудовищ.

Что-то сжало мои ноги и потянуло вниз. Начался шторм, который резкими всплесками опускал меня на дно. Бесконечный поток энергии превратился в бушующее море крови.

В толще вязкой жидкости, паникуя и пытаясь вырваться, я увидел плывущее в мою сторону гигантское создание с раскрытой пастью.

Глава 19. Суд кровью

Голоса доносились снаружи. Нарастали, стихали, и снова тонули, словно в гигантском жужжащем улье.

Мышцы были напряжены, как канаты. Сиплое дыхание вырывалось изо рта. Холод. Кожа натянулась, когда я отрывал спину от запёкшейся крови на полу камеры.

Сознание прояснилось:

«Я – Моргрей. Лучше бы не вспоминал...»

Чем закончился транс? – я пытался выудить из памяти нужную информацию. Перед глазами проплыло кошмарное видение: негативный план, моя семья, подводное чудовище.

– Открывайте! Быстрее! – снаружи раздался нетерпеливый, знакомый голос. Завизжали запоры, и в мою камеру ворвался холодный магический свет. Ямщики облепили стены камеры, а передо мной предстал высокий призрак – хранитель.

Всё происходило так быстро, что я не успел собраться с мыслями.

– Демоново отродье! – статный старик кинул гневный на мои руки, объятые скверной. Затем он посмотрел на лужу моей крови, подняв брови. Продолжил уже более спокойным, насмехающимся голосом. – Хотел покончить с собой? Увы, не вышло. Ты всё ещё дышишь, значит, пойдешь на Суд Крови.

Ямщики подхватили меня под руки, и выволокли из камеры. Горло пересохло. Ноги волочились позади, как две тушки животных. Позади ямщики отворили другие камеры, выволокли Пашку и Агнию за мной. Агния отбивалась и рычала, как маленькая рысь. Пашка же, склонив голову, угрюмо смотрел в землю, по которой тянулись следы крови от моих ног.

Под всеобщее ликование мы оказались в зале, совсем не похожем на яму. Повсюду мерцали слёзы света, освещающая своим светом даже самые тёмные уголки. Наверху уже разожгли гигантскую жаровню, излучавшую тепло.

Я оглянулся. Высокородные гости сидели на изящных покрывалах. За ними на стенах висели гобелены, на которых сияющими нитями были вышиты гербы знатных семей. Центральное место было занято самым большим гобеленом с гербом Григорьевых.

Звон бокалов, сопровождающийся величественным, самодовольным смехом. Дамские кокетливые смешки. Тихие переговоры и громкое веселье.

Все места забиты! Пестрота нарядов бьёт в глаза сильнее мерцания кристаллов. Полуголый туземец отмеряет боевой ритм по барабанам. Звук перемежается с мелодичным потоком флейт. Сгорбленный старик гремит латунными кольцами, привязанными к высокому шесту, будто северный шаман, готовящийся отправиться на Другую Сторону.

Я скользнул взглядом по трибунам, поднимающимся к самому потолку.

Среди гостей мельтешили ямщики с подносами, как дворцовые слуги. И в центре всего, на той самой выемке над ареной, восседал человек с роскошной короной на голове. Его камзол был расшит золотыми нитями, громадные пуговицы блестели, как солнечные блики. Время от времени его пробирала судорога, а пальцы изворачивались в разные стороны, словно щупальца морского чудовища.

«Удивительно знакомое лицо... Он ли это? Нет, кажется, он был поменьше. И морщин не было»

Некогда на голове у него была густая копна волос. Теперь – лишь редкая степь, вьющаяся под короной. И всё же это несомненно был он, Орм. Пускай лицо его исказили годы, глаза в паранойе пробегали по гостям, а зубы постоянно стучали, как при сильном холоде, это был мой сын.

«Он жив?! Этот предатель... Самый главный предатель!»

Но вид его был настолько жалким, что моё сердце невольно смягчилось.

«Как он сумел так долго прожить? – задумался я, но ответ пришёл сам собой – его глаза переливались блеском первоматерии.

«Вид у него такой, будто только вылез из склепа. От того не легче.

Надеюсь, все эти годы его больше мучила вина за предательство, чем дух, что грыз его гнилую душу. Но неужели никто не замечает, что это уже не человек?..»

Постепенно картина в моей голове начала складываться, и я вышел из ступора.

«Боги подселили в его тело духа, чтобы держать короля на коротком поводке... Умно! Соблазнить на предательство, разобщить своих врагов, а затем над ними властвовать. Прямо пособие для придворного интригана»

Однако каково было моё удивление, когда на дальних рядах трибуны я заметил другие, отдалённо знакомые лица. Некоторые, словно воплощённые в новой оболочке, другие – даже не сменившие её, а лишь обзаведшиеся новыми морщинами, старческими пятнами, топорщащимся пушком на дряблой коже.

«Здоровый хряк! Он ли это? – думал я, вцепившись взглядом на лысого, обрюзгшего, затянувшего своё пузо корсетом мужика. Он сидел в бесформенном красном платье, на котором тонким кружевами были гербы его рода – червлёный щит. Лицо у него было расплывшееся от жира. Хомяк запасся на десять лет вперёд – в десяти складках под подбородком.

Черпак – такая кличка у него была. Её он получил, потому что работал черпаком без устали, бесконечно поглощая варево в походах. Ненасытный сукин сын, который съедает целые кастрюли, оставляя своих же бойцов голодными.

Выше него, статно выпрямившись на возвышении над трибунами, в латных доспехах с гербом Григорьевых стоял мужчина лет пятидесяти. Строгое, слегка приподнятое лицо будто возвышало его надо всеми. Рядом с ним стояла вооружённая свита. Все молчаливые, внимательные, но вместе с тем уставшие. Они с завистью поглядывали на сидящих гостей.

Меня ждало новое потрясение. Как только я перевёл взгляд чуть левее, в кружок молодых аристократов, то увидел объект их восхищений – Хаггеш. Она сидела, положив ногу на ногу и с ухмылкой, полузакрыв глаза, поглядывала на меня. Как кошка, которая сладко отдыхает перед охотой.

Пашка озирался по сторонам, широко выпучив глаза:

– Кто это такие? Откуда у них такие наряды?..

Всё это было для него диковинно, и более того – далеко. Брат съёжился под этими взглядами, втянув грудь в плечи.

Агния с восхищением разглядывала дорогие наряды гостей:

– Вот бы пробраться в их комнаты, да порыться в их закромах! Оденься я, как они, ничем бы не отличалась!

Хранитель взошёл на пьедестал, возвышающийся над трибунами. Над ним, в наполовину зашторенной выемке, корчился Орм.

– Суд Крови – событие неоднозначное, – раздался громовой голос хранителя, и все замолкли, приковав взгляды к его фигуре. – Больно видеть, как молодые, незрелые ученики преступают законы королевства и самой гильдии. – он угрюмо покачал головой. – Но наш мир несовершенен! И здесь мы подходим к важности Суда Крови – очищению! Мы можем, по крайней мере, отделить гнилые фрукты, пока они не заразили здоровые! Мы можем, по велению богов, выкорчевать всё плохое из наших детей! – он протянул руки вверх и над сводом пещеры загорелся красный свет, переходящий в туман.

Всё было похоже на дешёвое представление, которое, надо признать, приводило в восторг знатную публику. Красный свет, как я с трудом разглядел – это осколки рубина, которые ямщики распыляли наверху.

Рукоплескания и хвалебные выкрики сменились тишиной, когда Хранитель выставил ладонь вверх:

– Из-за неправильных действий троих учеников погиб светоч. Демид – доблестный, правильный молодой светоход, который свято чтит гильдейские традиции и защищал королевство от вторжения демонов. Увы... В нашем ремесле всегда нужно надёжное плечо под боком. Эти трое отступников предали саму гильдию, когда дезертировали, оставив светоча в гуще тварей! Вот каковы они! – Хранитель резко ткнул пальцем в нашу сторону и сострил презрительную гримасу. Публика ахнула и начала тыкать в нас пальцами, выкрикивая слова осуждения.

Некоторые не обращали внимание на происходящее, и продолжали переговариваться между собой. Другие обсуждали наш «проступок».

– Но оставьте своё возмущение на потом! Сегодня мы увидим Суд Крови! Спустя... – хранитель замялся, начал загибать пальцы и двигать губами, подсчитывая. Он бросил эту затею, когда загнул все десять пальцев. – Огромное количество лет! Вы уже и не помните, кто тогда сражался! Один ученик, который нарушил дисциплину строя, и тем самым подверг опасности весь отряд! Он сражался на арене и выжил! Ему было предоставлено право следить за Ямой и обучать других отступников, что прибыли сюда. Но... – он вздохнул, повесив голову. – Вы не поверите, что сделали эти мерзавцы! Они убили его! Сожгли! Бедного калеку!..

Публика ахнула. Знатные дамы едва сдерживались, чтобы не упасть в обморок.

– Но пусть их судит кровь! Начнём! – рявкнул хранитель и эхо разлетелось по всей Яме.

На другом конце арене опустились колья, и из темноты выглянули жёлтые глаза. Сердце моё замерло:

«Чёрные...»

Ямщики шли за демонами, держа их палками с петлями на конце. По три ямщики на один поводок. Но даже такое количество едва удерживало чёрных от свободы,

Один из ямщиков бросил кусок мяса перед нами, и чёрные едва не снесли их с ног, рванувшись вперёд.

Публика возликовала.

– Итак, господа и дамы! – прохрипел хранитель. – Сегодня мы видим опасных существ – чёрных! Эти демоны, как и другие, вышли из разломов и стали огромной угрозой всему королевству! Но наши доблестные светоходы справляются с ними без проблем, используя отточенные в гильдии навыки! Будьте уверены, каждый ваш медяк, каждый серебряник, каждый золотой идёт на правое дело!

– Слава гильдии! Слава светоходам! – кто-то крикнул с трибун.

– Покажите бой! Давайте! – рявкнул обмякший в своём наряде Черпак. Он постоянно трепал своё платье, поправляя корсет.

Хранитель распростёр руки перед ареной:

– Внесите оружие!

На арену взошли несколько ямщиков, везущие груды оружия в телеге. В ней было множество простого, ржавого оружия, за которым никто не ухаживал.

– А как же броня?! Отдавай броню, ублюдох! – крикнула Агния хранителю. Её смелый выпад поразил даже меня.

Старик рассмеялся, сложив руки на груди:

– Никакой брони и не предусмотрено! На Суде Крови вы платите кровью! Берите оружие!

Выбора у нас не оставалось. Один из ямщиков уже начал стаскивать поводок с чёрного. Я схватил два кинжала, грязная поверхность которых мутно блестела. На другом краю арены происходила вакханалия: чёрные уже дрались между собой, вырывая друг у друга кусок мяса. Ямщики не могли их остановить.

«Крови будет много»

Агния взяла лук и повесила колчан на спину. Пашка примерил в руках меч и щит, судорожно выдохнул и кивнул мне.

Из пастей демонов капали слюны, которые образовывали прозрачные островки в каменной пыли арены.

Увидев, что всё готов, хранитель крикнул во всю мощь:

– Начинаем!

Ямщики стащили поводки со зверей, и спешно побежали к выходу.

Трое не успели – чёрные навалились на них сзади, и мгновенно распотрошили. Остальные ямщики смотрели на этот ужас из-за стальных кольев.

Чёрная рычащая свора продвигалась к нам быстро и непреклонно, как сама стихия. Агния отпрыгнула влево, доставая стрелу. Пашка пару раз ударил мечом по щиту, зарывав. Я же был меж ними, и раздумывал, что предпринять.

«Неизвестно, сколько чудищ ещё в запасе у этих выроdkов. Нужно беречь силы... И своих компаньонов»

Пашка отвлек большинство чёрных на себя. Он отлично отбивался щитом, размахивал мечом и медленно отступал назад. Битва со сквернорылами его многому научила.

Несколько чёрных кинулись на меня. Взмах когтистой лапы – я прыгнул под удар демона, и пронзил его под руку. Лезвие прошло через ключицу и распорол его шею. Другой не успел атаковать – я вонзил второй кинжал ему в грудь.

Агния бежала у стены, стреляя в чёрных. Её стрелы либо не достигали цели, либо ранили незначительно – у неё не было ни навыка, ни времени, чтобы как следует прицелиться.

Пашка же дышал, как загнанный вол. Щит его почти разлетелся на куски, а меч обагрился кровью. Рядом с ним уже лежал мёртвый демон. Остальные теснили его к стене.

«Как только упрётся – они кинутся всей стаей! Отступить ему будет некуда!»

Я понял, что иного выхода нет. Расставив ноги, я со всей мочи закричал. Эхо моего животного клича раздалось по стенам арены, как предгрозовой гул. На головах гостей волосы встали дыбом.

Но чёрные не имели ни страха, ни жалости. Они остервенело кинулись на меня, что я и планировал. Примкнув к земле, отточенными движениями начертил руну Фьель-Хьёт – «танец мечей». Самая простая в исполнении руна третьего порядка.

«Лишь бы сработало...»

Положив ладонь на магический символ, я напряг всё тело и увеличил поток циркулирующей через душу маны. Ничего не произошло – за одну ночь в промозглой камере мои силы практически не восстановились.

Зато чёрные пятна становились всё ближе. Вот один из демонов уже зашипел, согнулся, чтобы совершить смертельный прыжок.

Взмах! Я, не отрывая руку от руны, попытался увернуться. По коже пробежала болезненная вспышка. Чёрный, что подобрался сзади, задел меня когтем.

Я наращивал мощь циркулирующей по телу первоматерии, не обращая внимания на боль и льющуюся кровь. Разум заволакивала ярость, смешанная с боевым вожделием.

Агния сумела прицелиться. Стрела, со свитом пролетев половину арены, вонзилась в глаз чёрного. Пашка снёс его с ног остатками щита, и ткнул пяткой в древко стрелы, закончив дело. Чёрный больше не двигался.

Горячий пар вырывался из моего рта. Я закрыл глаза, чтобы не видеть руки, что почернели, налились красными жилами, окончательно потеряли человеческий вид. Мне удалось переправить сгусток первоматерии через свою душу. Нечто холодное трепетало в чреве, но, когда поднялось выше по телу, стало горячим.

Тело больше не ныло от истощения. Я не чувствовал сожалений и не задумывался о предателях. Желание было одно – освободить ту силу, что просилась на волю.

Круг, треугольник в нём, два круга-порядка загорелись красным пламенем. Из магических нитей над руной сплелись призрачные мечи.

От них шла едва заметная глазу синяя дымка. Они тут же разлетелись в разные стороны, словно подгоняемые ветро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.